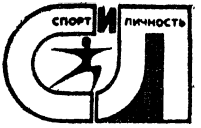

НОНА ГАПРИНДАШВИЛИ

ПРЕДПОЧИТАЮ РИСК

КНИГА 32-я

НОНА
ГАПРИНДАШВИЛИ

ПРЕДПОЧИТАЮ РИСК

Литературная запись Вик. ВАСИЛЬЕВА

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1977

7А9.1
Г19

Г $\frac{70302-103}{078(02)-77}$ 126—77

© Издательство «Молодая гвардия», 1977 г.

НЕ ДЛЯ СЛАБЫХ ДУХОМ

Иногда я задумываюсь над тем, что такое для меня шахматы.

Увлечение, страсть или, как теперь говорят, хобби? Хотя слово «страсть» стоит довольно близко к правильному ответу, оно далеко не полностью раскрывает суть дела. Да, я не мыслю себе жизни без клетчатой доски и деревянных фигурок, то молчаливых, равнодушных и однообразных, а то красноречивых, темпераментных и резко непохожих одна на другую — в зависимости от того, по какому поводу, в какой ситуации вступаешь с ними в контакт. По-видимому, это страсть, временами пылкая, опаляющая, временами более спокойная. Страсть эта с детства овладела мной, и я что-то не замечаю, чтобы с годами она становилась слабее.

Но страсть — это только часть, пусть и большая, того, чем стали для меня шахматы. Я не просто наслаждаюсь игрой, не просто чувствую, что без шахмат мне трудно, теперь даже, наверное, невозможно жить. За десятки лет интенсивных занятий шахматами я поняла, что многим обязана им — некоторыми чертами характера, спортивными и творческими радостями, жизненным успехом, положением в обществе, возможностью повидать мир. Значит, если я не хочу быть неблагодарной, у меня есть перед ними определенные обязанности, серьезная ответственность, чувство долга.

Я понимаю, что слово «обязанность» содержит в себе

оттенок чего-то не очень приятного. Обязана — значит, вынуждена, значит, что-то совершаю не вполне по своей воле. Что ж, мое положение жены, матери, хозяйки дома иногда вступает в противоречие, а порой даже и в конфликт с увлечением шахматами. Не боюсь признаться, бывало и так, что мне не хотелось садиться к шахматному столику, не хотелось раскрывать югославский «Информатор» с новыми турнирными партиями, с новинками дебютной теории. Но такие приступы хандры, безразличия к шахматам, вполне объяснимые и даже, наверное, закономерные, быстро проходили. Прежде всего потому, что я заставляла, обязывала себя преодолевать их, помня, что как чемпионка мира несу за себя, за свои действия и уж особенно за свое отношение к шахматам безусловную ответственность.

Итак, увлечение, страсть и в то же время обязанность. Сочетание, контакт таких разнородных понятий дают неожиданную вспышку — призвание, ремесло, профессия. И здесь тоже все верно. И тоже верно лишь отчасти.

Призвание? Несомненно. По общему мнению — и я его разделяю — у меня спортивный, бойцовский характер. Этот характер воспитан главным образом шахматами, но вообще-то он «от бога». Я с детства любила спорт, борьбу, соперничество. Любила побеждать. Конечно, все любят побеждать, но людей моего типа стремление брать верх захватывает полностью, без остатка. Соперничество мне необходимо, оно подстегивает меня, будоражит, открывает путь к спортивному и творческому самоутверждению.

В детстве я соперничала в играх преимущественно с мальчиками — своими братьями и соседскими детьми. До сих пор у меня начинают гореть ладони, когда я вспоминаю, как семилетней девочкой я, стоя в воротах, отбила одиннадцатиметровый штрафной удар. Я по-прежнему люблю соперничать с сильным полом. И не

только в настольный теннис или бильярд (каюсь, мне доставляет особенное наслаждение побеждать «гордых» мужчин, которые так не хотят признавать свое поражение). Я люблю встречаться с мужчинами и за шахматной доской, где они — пока! — безусловно превосходят нас, женщин.

Но почему мое призвание — именно шахматы, а, скажем, не гандбол или легкая атлетика? Конечно, я получила бы удовольствие и удовлетворение и от другой спортивной игры, того же, допустим, настольного тенниса. Но пусть простят меня представительницы других видов спорта — ничто не может идти в сравнение с шахматами. И не только потому, что «шахматы — слишком игра, чтобы быть искусством, и слишком искусство, чтобы быть игрой». Иначе говоря, не только потому, что шахматная игра своими творческими горизонтами, своими эстетическими особенностями, своей психологической глубиной намного превосходит другие виды спорта.

Шахматы не имеют себе равных и по чисто спортивным свойствам — непримиримости, ожесточенности, психологической напряженности борьбы. Первый чемпион мира Вильгельм Стейниц говорил своему биографу: «Шахматы не для людей, слабых духом. Шахматы требуют всего человека, полностью...»

Другой выдающийся чемпион Александр Алехин однажды заметил, что шахматная партия — это «вопрос нервов, индивидуальности и самолюбия».

Приведу точку зрения и еще одного крупнейшего авторитета — шестого чемпиона мира Михаила Ботвинника, который в беседе с гроссмейстером Сало Флором как-то признался, что матч на первенство мира отнимает год жизни...

Почему шахматная борьба требует — и берет! — от человека так много физических и психических сил?

Вспомните, есть ли какой-либо другой спорт, где

соперники в полном одиночестве, без поддержки партнеров или тренеров, непрерывно противоборствуют на протяжении долгих пяти часов? А потом, если партия стложена, играют еще и в добавочное время!

Футболисты, находясь без мяча, получают передышку да и мяч, как правило, быстро отдают партнерам; хоккеисты каждые несколько минут уходят на отдых; баскетболисты, волейболисты, помимо возможности замены, а также отдыха в перерывах или при смене площадок, несколько раз в течение матча общаются во время минутных пауз с тренером; боксеры, сражаясь, как и шахматисты, один на один, тоже получают передышки и могут найти поддержку и сочувствие тренера. Только, пожалуй, теннисисты борются подолгу один на один, но лишь в исключительных случаях их единоборство длится четыре-пять часов, да и то им не возбраняется проявлять медлительность при смене сторон либо подаче, а если схватит судорога, и они получают право на небольшую паузу.

Шахматисты начисто лишены всех этих привилегий! У них нет партнеров, которым они могли бы передоверить ответственность за то или иное решение, им не разрешено общаться с тренером и вообще с кем бы то ни было, они могут позволить себе роскошь быть медлительными, но только за счет своего собственного времени, а если в ходе партии их схватит жестокая боль, как это бывало, например, с Михаилом Талем, когда он мучился от почечных колик, они могут лишь молча страдать, ерзая на стуле.

Но, может быть, шахматист получает желанную передышку в минуты, когда очередь хода за партнером? Увы, нет. Более того, именно в это время, особенно если ваша позиция вам не очень нравится, вы не только продолжаете обдумывать предположительный ход развития событий, но еще и испытываете дополнительное напряжение, пытаясь разгадать, какой же подвох гото-

вит вам противник. Особенно, если вы сами увидели свою ошибку и мучаетесь в ожидании, обнаружит ли ее соперник.

А если ваша позиция хуже, вы явно проигрываете, а на вас устремлены сотни, а то и тысячи пар глаз — легко ли перенести это сфокусированное внимание зала? Помню, во время одного из матчей на мировое первенство, половина которого проходила в моем родном Тбилиси, я в примерно равном положении допустила непростительный промах, и моя позиция сразу стала тяжелой. В зале воцарилась мертвая тишина. В первых рядах сидели мои родные, друзья, соседи, которым я сама доставала билеты. Краем глаза я видела их бледные, расстроенные лица. Нетрудно догадаться, что и остальная часть публики в большинстве своем «болела» за меня. Я почувствовала, что густо краснею, и закрыла щеку ладонью, стараясь не глядеть в зал. Играть мне было трудно, внимание раздваивалось, я потеряла нить игры и, естественно, потерпела заслуженное поражение.

А как тяжко шахматистам именно оттого, что они ведут поединок в статическом положении! Как ни странно, но именно это неподвижное сидение особенно изматывает физически (не случайно шахматисты во время матчей на первенство мира теряют по 6—7 килограммов). Некоторые просто не выдерживают этой изнурительной неподвижности, как, например, Марк Тайманов. Я несколько раз наблюдала, как он, сделав ход, буквально бегал по сцене, бросая рассеянные взгляды на доски других участников турнира.

Правда, есть и такие неистовые бойцы, как, например, Лев Полугаевский, которые все пять часов игры сидят, уткнувшись глазами в доску и не видя ничего вокруг. Но и им это дорого стоит. У Полугаевского, когда он был молодым, как рассказывают, нередко от напряжения шла из носу кровь.

И среди шахматисток есть умеющие терпеливо просиживать за столиком все пять часов. Такой чуть ли не с детских лет была, например, Нана Александрия. Я сама не люблю отвлекаться ни на минуту, хотя и понимаю, что в порядке своеобразной психотерапии это полезно.

А цейтнот — этот вечный кошмар шахматистов! Сколько грандиозных замыслов, сколько великолепных партий, подлинных шедевров шахматного искусства было загублено лишь потому, что мастеру не хватило считанных минут, чтобы логически завершить свою идею. Ничего не поделаешь, обижаться не на кого, кроме как на самого себя: шахматы ведь слишком игра, чтобы быть искусством.

Благодаря цейтноту мне пришлось однажды увидеть редкое зрелище — как у человека волосы встают дыбом. Это было на чемпионате СССР 1967 года, проходившем в Тбилиси. В восемнадцатом туре Полугаевский играл белыми с Гуфельдом. Завязалось острейшее сражение. Полугаевский попал в цейтнот и просмотрел мат в два хода! Получив мат, гроссмейстер поднялся из-за стола, не отрывая от доски горящего взгляда, а волосы на его голове стояли торчком.

Есть и еще одна особенность, которая выделяет шахматы из других видов спорта, а с моей точки зрения, и приподнимает над ними. Как бы ни была сладостна победа для бегуна, велосипедиста или, допустим, боксера, она, даже если и достигнута с помощью умных тактических приемов, все же в первую очередь торжество его физической силы, тренированности мускулов, выносливости, резкости, быстроты реакции.

Я хочу, чтобы меня правильно поняли. Я страстная любительница многих видов спорта, особенно футбола и баскетбола. Я спортсменка по характеру, по духу, все мои братья увлекались спортом. Я прекрасно понимаю, что в достижении победы в любом виде спорта большую

роль играют моральные качества, сила духа, твердость характера, интеллект. Но в шахматах в силу их природы все эти человеческие достоинства, особенно интеллект, всегда играют важнейшую роль. Вот почему победа в шахматной партии доставляет особое, ни с чем не сравнимое духовное удовлетворение, а поражение, напротив, причиняет особую досаду.

Никогда не забуду, как залился счастливым смехом мой первый учитель Вахтанг Ильич Карселадзе, когда ребята из шахматного кружка Тбилисского Дворца пионеров рассказали ему подслушанный разговор тренера по борьбе со своими учениками.

— Это вам не шахматы! — кричал тот юным борцам на тренировке. — Здесь думать некогда!

— Это вам не борьба, — говорил потом с улыбкой Карселадзе на занятиях своим питомцам. — Здесь надо думать, и хорошо думать! Что с того, что один борец положил на лопатки другого, — это значит всего-навсего, что он физически сильнее, ну еще, может быть, хитрее противника. А вот когда побеждает шахматист, и побеждает с помощью тонкого замысла, красивой комбинации, — это значит, что в этой партии он оказался умнее. Понимаете —умнее...

Итак, шахматы с клокочущей в них жаждой борьбы близки мне по духу, я нашла в них свое призвание? Наверное, и это правильно. Но шахматы — это не только романтические вихри комбинационных замыслов, не только эффектные жертвы фигур и пешек, заставляющие восхищенно ахать зрительный зал. Шахматы — это еще и томительная проза долгой и отнюдь не увлекательной реализации лишней пешки или малозаметного позиционного перевеса. Шахма́ты — это и трудовые будни, когда приходится месяцами, что там — годами, десятилетиями копаться в одних и тех же дебютных схемах, стараясь выискать какие-то новые тропинки в насквозь исхоженном лесу. Вот почему здесь уместны и такие несколько

режущие слух в применении к шахматам слова, как «ремесло», «профессия».

Да, в известном смысле шахматы — мое ремесло, моя профессия. Слово «ремесленник» в применении к людям творческого труда приобретает одиозный смысл, но, по-моему, фундаментом творчества должно быть все же ремесло, определенная техника, школа. Нельзя стать большим шахматистом, не овладев, допустим, техникой разыгрывания окончаний. В шахматах техника иногда бывает настолько утонченной, как, допустим, в партиях Роберта Фишера, Василия Смыслова или Анатолия Карпова, что сама становится своего рода искусством. Впрочем, разве произведения ремесленников, скажем гончаров, не бывают на грани искусства?

Женщинам пока не удается добиться того, чтобы их шахматная техника была на грани фантастики, как это встречается у сильнейших гроссмейстеров, но, так сказать, шахматным ремеслом, определенным и довольно высоким уровнем чисто технического мастерства, дебютных знаний, умения разыгрывать окончания мы, конечно, обладаем. Ремесло — это тоже не простая штука, в нем надо непрерывно совершенствоваться, его надо обновлять — упорной работой, тренировкой, упражнениями.

Что касается профессионализма, профессионального подхода к шахматам, то он возник не случайно. Если в прошлом веке, когда шахматная теория развивалась на ощупь и только в конце столетия нашла своего пророка, философа и систематизатора в лице Вильгельма Стейница, еще можно было, подобно немецкому учителю гимназии Адольфу Андерсену или польскому коммерсанту Шимону Винаверу, заниматься шахматами, не отрываясь от своих основных занятий, то сейчас при бурном развитии теории, при огромном количестве всевозможных дебютных схем и вариантов, при заметном росте так называемого среднего класса игры, любительский под-

ход к шахматам неминуемо выродится в дилетантство. Наш век — это век углубленной специализации во всех сферах науки и творчества, и шахматы в этом смысле не являются исключением. Тот, кто хочет добиться в шахматах выдающихся успехов, должен отдаваться им полностью. Стейниц прав. Шахматы, если человек ставит перед собой великую цель, требуют предельной самоотдачи, они не терпят «совместительства».

И все же, признавая, что занимаюсь шахматами профессионально, я не могу считать себя стопроцентной профессионалкой. Я работаю ассистенткой на кафедре методики языка и литературы Тбилисского института иностранных языков. Мои жизненные, а в некоторой степени и профессиональные интересы связаны с углублением познаний в английском языке. Это тоже важная часть моего бытия, хотя она и не в силах конкурировать с шахматами.

Так что же такое для меня шахматы? Думаю, что самой точной будет такая формула: шахматы — это дело моей жизни. Именно так — дело жизни, которому я посвятила себя с детских лет, о чем не жалею.

Наверное, на свете есть немало людей, которые, приведись им начать жизнь сызнова, избрали бы совсем другой путь. Я повторила бы все от начала и до конца. Это не значит, конечно, что я всем удовлетворена, кое-какие «варианты» я бы, разумеется, улучшила, но в целом характер, стиль моей жизненной партии были бы такими же.

Я никогда не испытывала и, надеюсь, не испытаю разочарования в шахматах, какое доводилось испытывать некоторым выдающимся мастерам. Беспокойная жизнь деревянных фигурок вот уже множество лет доставляет мне спортивное, творческое и эстетическое наслаждение. Я произношу эти слова будучи шахматной королевой, но убеждена, что не изменю своего отношения к шахматам и тогда, когда мне придется усту-

пить трон кому-либо из более молодых и сильных соперниц.

Существует легенда, будто выдающийся русский шахматист Михаил Чигорин перед смертью сжег свою доску с шахматными фигурами. Скорее всего это только легенда. Но и окажись это правдой, Чигорина можно было бы понять: его шахматная судьба была трагична. Как бы ни сложилась моя дальнейшая шахматная жизнь, я убеждена, что не брошу свои шахматы в огонь...

Однажды, в то время, когда 17-летняя Нана Александрия стала первый раз чемпионкой СССР, что вызвало в Грузии всеобщее восхищение, один не в меру возбужденный болельщик сказал мне:

— Если Нана станет претенденткой номер один, вы, наверное, уступите ей свое звание без борьбы?

Я ответила ему с подчеркнутой холодностью:

— И не подумаю об этом! Если Нана или какая-нибудь другая претендентка выиграет у меня матч, то лишь в упорнейшей борьбе...

Да, будет именно так. Но если мне и придется уступить, а я понимаю, что это когда-нибудь должно случиться, то и в этом случае я не буду иметь никаких претензий к шахматным фигуркам, не буду испытывать разочарования, тоски.

О том, за что я люблю шахматы, о том, какими они видятся мне, как я овладела их тайнами, а также о тех, кто помог мне в этом, и о тех, с кем мне приходилось вступать в единоборство, я и расскажу в этой книге.

ПАРТИЯ ЖИЗНИ

У каждого шахматиста, даже если он скромный, ни на что не претендующий любитель, бывает «партия жизни». Для одних это партия, которая позволила добиться наибольшего спортивного успеха, для других — доставившая величайшее наслаждение эффектной атакой с жертвами нескольких фигур, для третьих — это поединок, в котором в единое нерасторжимое целое слились глубокий стратегический замысел и изящное тактическое завершение борьбы.

Иногда «партий жизни» бывает несколько — трудно ведь выделить какую-либо одну, чаще всего сердце прикипает к нескольким партиям, каждая из которых по-своему мила, хотя бы тем, что, играя ее, вы испытывали необыкновенное вдохновение.

Долгое время мне казалась моим лучшим шедевром партия с Верой Тихомировой, сыгранная в полуфинале СССР 1958 года в Батуми. Играли мы в летнем театре городского парка, там было много публики, а на меня скопление зрителей всегда действует воодушевляюще. И это несмотря на то, что по натуре я была тогда стеснительная: когда приходилось выступать перед большой аудиторией, смущалась, мне трудно было выдавить из себя даже несколько фраз.

Возможно, это объясняется тем, что мне уже в очень раннем возрасте приходилось выступать перед взрослыми и очень уважаемыми «дядями», которые к тому же

ждали от меня откровений. Помню, однажды после победы в первенстве Грузии в 1956 году, где я, 15-летняя девочка, набрала $15\frac{1}{2}$ очков из 16, меня пригласили в редакцию республиканской газеты «Комунисти», сделали подарок и попросили что-нибудь сказать. В небольшой заметке по этому поводу сообщалось, что после различных поздравлений с ответным словом выступила Нона Гаприндашвили.

Насчет «ответного слова» это было сказано слишком сильно, хотя и абсолютно точно. Я действительно произнесла ответное слово, но... одно-единственное: встав, я оглядела присутствующих, покраснела и неожиданно для самой себя вместо заготовленных «красивых» фраз сказала смущенно «спасибо» и села. Тем не менее мое «ответное слово» было встречено общим смехом, в целом, как мне кажется, одобрительным.

Должна сказать, что вообще-то я у себя в родном Зугдиди чрезмерной стеснительностью не отличалась. По-видимому, на меня парализующе действует — сейчас, правда, уже меньше — именно торжественность, парадность обстановки. В привычной среде, получив неплохую практику в бесконечных играх с братьями и соседскими мальчишками, я была сорванцом. (Между прочим, зная мой нрав, родители не покупали мне кукол: я в них никогда не играла, да и не стала бы играть. Первая кукла появилась у меня, когда я уже была чемпионкой мира: ее подарили мне подруги — студентки института иностранных языков. Теперь, когда мне дарят куклы, я отдаю их обычно племянницам.)

Как-то, помню, в тринадцать лет я пошла на рынок за каштанами — очень люблю их и жареными, и сырыми, и особенно вареными. Выбрав каштаны, я попросила взвесить килограмм и полезла в карман за деньгами, но, увы, их не оказалось. Я стала оглядываться, и тут стоявшая рядом женщина показала мне глазами на мальчишку в шинели — это он вытащил у

меня деньги. Я подбежала к нему с криком: «Эй, мальчик, заплати-ка за мои каштаны!» Он безропотно вынул деньги.

Однажды я что-то натворила, и на меня рассердился наш сосед Гено Джигушия. Он сердито накричал на меня. Вступать с ним в перебранку я не смела — у нас старшие люди в особом почете, да и потом он был вообще уважаемый человек, да к тому же еще и сосед. И все же я нашла выход: подумав, я строго сказала ему: «Кричи, кричи! Ты еще не знаешь, кем я буду, когда вырасту!»

Но вернемся к партии с Тихомировой. Хотя к тому времени я еще не имела очень крупных успехов (в 1956 году, в первом своем финале чемпионата СССР, разделила 7—9-е места, а в следующем — 11—13-е), тем не менее у меня уже начал складываться стиль, который стали потом называть мужским — при всей симпатии к своему полу я горжусь такой характеристикой. Я была тогда сильным тактиком и вместе с тем уже начинала входить во вкус стратегии. Моим преимуществом был, помимо всего прочего, юный возраст: встречаясь со взрослыми, я не боялась проиграть, я вообще ничего не боялась — меня мало заботил результат, мне был чужд тогда какой-либо практицизм. Поэтому я могла позволять себе любые творческие эксперименты, охотно шла на обоюдоострые позиции, где все «висит» на обоих флангах, где не только неприятельский, но и собственный король испытывает тревогу.

А шахматистки, откровенно говоря, очень не любят, когда их тылы оказываются под угрозой. Шахматистки (да и шахматисты тоже!) предпочитают, как правило, получить позиционный перевес, еще лучше — материальный, по возможности без риска. Я же действовала по-иному, не боялась риска, а захват инициативы считала своей главной целью в каждой партии.

К этому, помимо моего характера, помимо влияния моих тренеров, был причастен еще и Михаил Таль. С 1956 года, когда он впервые выступил в чемпионате страны, я восхищалась его партиями, а после проходившего в Тбилиси чемпионата 1959 года, где я не пропустила ни одного тура, и вовсе стала убежденной «талисткой».

В чемпионате Грузии 1956 года, например, я могла во встрече с Лианой Хачапуридзе выиграть ферзя за два слона и пешку. По-видимому, этого тоже было достаточно для победы, и подавляющее большинство шахматисток так бы на моем месте и поступили. Но мне не понравилось, что в этом случае фигуры Лианы, особенно слоны, оживали, и я отказалась от материальных благ и сама пожертвовала фигуру, резко активизировав свои войска. Этот небольшой эпизод раскрывает особенности моей тогдашней игры — острой, агрессивной.

Итак, в батумском полуфинале меня очень устраивала обстановка — оживленная публика, море, не говоря о том, что с этим чудесным городком у меня было уже связано немало приятных воспоминаний. Словом, игралось мне свободно, легко, я наслаждалась шахматами. Так вот, в партии с Тихомировой я пожертвовала ферзя всего-навсего за слона! Причем за эту жертву я получила очень опасную инициативу, но и только!

Потом я анализировала эту партию вместе с известным грузинским мастером Виктором Арсеньевичем Гоглидзе, и выяснилось, что при правильной игре с обеих сторон борьба должна была закончиться вничью. Но в том-то и дело, что находить сильнейшие ответы в возникшей ситуации моя опытная противница уже не могла. Не побоюсь сказать, это была типично талевская жертва, и далеко не каждый мастер, даже и мужчина, пожелал бы расстаться со своей сильнейшей фигурой только за инициативу, причем без какой-либо ясной компенсации в ближайшем будущем.

Тихомирова, насколько могу судить, была ошеломлена. Такую игру женщины, по крайней мере тогда, не выдерживали — это был непривычный для них, жесткий, бьющий по нервам стиль. Моя противница стала подолгу задумываться, и дошло до того, что на последние шестнадцать ходов у нее остались считанные секунды. Мне стало ясно, что Тихомирова просто физически не успеет сделать до контроля положенные сорок ходов. Здесь я допустила характерную ошибку: сама стала быстро играть и, конечно, испортила концовку партии, но на результате это отразиться не могло — Тихомирова просрочила время.

Несколько лет, повторяю, эта партия была моей любимицей.

Но затем другая встреча оттеснила ее, став «партией жизни», и до сих пор, накопив уже большой опыт, я не вижу ей достойной замены. Случилось это в 1961 году на турнире претенденток в югославском курортном городке с несколько странно звучащим названием Врнячка-Баня. Я в свои двадцать лет не только впервые участвовала в турнире претенденток, но, если не считать поездки с командой Грузии в Румынию в том же году, вообще впервые участвовала в турнире за рубежом.

Забегая вперед, скажу, что я заняла первое место и завоевала право встретиться в матче с тогдашней чемпионкой мира Елизаветой Быковой, но здесь мне хочется пока рассказать только об одной встрече, встрече, скорее всего предрешившей исход турнира и укрепившей меня во взглядах на шахматное искусство вообще и на мое шахматное призвание в частности. Партия эта обошла мировую шахматную печать, концовку ее анализировали многие гроссмейстеры, что мне, естественно, было приятно, хотя гордиться я могла лишь второй половиной партии.

Эта партия — против талантливой югославской шах-

матистки Милунки Лазаревич — состоялась в десятом туре в момент, когда у меня было 7 очков из 8, а у Лазаревич — 6. Стало быть, соперница в случае ее удачи меня догоняла, а, учитывая, что турнир близился к финишу, победа, помимо всего, давала бы Милунке бесспорное психологическое преимущество. Словом, надо было готовиться к тому, что противница предпримет штурм, тем более что она играла белыми.

В неизбежности такого штурма, впрочем, можно было не сомневаться уже по одному тому, что моей соперницей была Лазаревич. Литератор по профессии, живая и впечатлительная, Лазаревич — одна из самых ярких фигур в женских шахматах шестидесятых годов.

Натуру несколько артистичную, даже богемную, Лазаревич в шахматах привлекают только атаки, комбинации и жертвы. К позиционной игре, к шахматному скопидомству, к накапливанию мелких преимуществ она испытывает откровенную неприязнь, чтобы не сказать отвращение. Если партия, не дай бог, переходит в эндшпиль, особенно такой, где требуется только точность, аккуратность, иначе говоря — голая техника, у Милунки пропадает к игре всякий интерес. Она очень самоуверенна, переубедить ее в чем-нибудь, даже если она явно не права, трудно, чтобы не сказать невозможно. Если при всем этом Милунка Лазаревич умудряется на протяжении очень многих лет быть одной из претенденток на шахматную корону, можно понять, насколько щедро одарена она от природы.

При таком стиле надо обладать «безумством храбрых». Милунке неважно, с кем она играет, пусть даже и с очень сильной противницей — она все равно будет жертвовать пешки, фигуры — лишь бы захватить инициативу, создать атаку. В этой неутолимой жажде наступления, наступления любой ценой — и сила, и слабость этой шахматистки.

Лишенная каких-либо прозаических расчетов, Ми-

лунка может пойти на жертву пешки или даже фигуры и тогда, когда к этому нет, по существу, никаких оснований — что называется, из любви к искусству. Но зато когда у нее есть предпосылки к штурму, она крайне опасна.

Неудивительно, что с таким стилем она убирает слабых противниц шутя, во встречах же с сильными многое, если не все, зависит от того, в чьих руках окажется инициатива. Как нетрудно догадаться, дебютную теорию Милунка Лазаревич практически игнорирует: белыми она разыгрывает дебют Берда, черными, в зависимости от первого хода соперницы, сицилианскую или голландскую защиту. Импровизатор по натуре, она главный упор делает на середину игры. Именно середина, миттельшпиль — ее родная стихия, в которой Милунка чувствует себя хищницей, этакой акулой шахматного океана.

В приверженности Лазаревич всего к двум-трем дебютам тоже есть своеобразный вызов: она идет в бой с открытым забралом, не хитря и не ловча. Она как бы говорит своим противницам: вы все знаете обо мне, вот она я перед вами без подвохов — так давайте же начнем честный и бескомпромиссный бой. Правда, применяя одни и те же хорошо изученные ею начала, Милунка и сама в известной степени страхует себя от неожиданностей, но только в известной степени, ибо соперницы, зная ее любимые дебютные схемы, могут исхитриться и преподнести ей неприятный сюрприз.

К сожалению, у Милунки слабое здоровье, к тому же она очень много курит, поглощает в день десятки чашечек крепкого кофе. И все же она умудряется почти в каждой партии нагнетать высокое давление.

Я говорю о Милунке с таким увлечением потому, что мне импонирует ее стиль. Мне не может не нравиться, что Милунка идет на рискованные жертвы даже тогда, когда видит, что скорее всего атака не со-

стоится. Видит это и... ничего не может с собой поделать, не может удержаться от соблазна и, конечно, проигрывает. Мне не может не нравиться ее стиль потому, что в такие минуты в Милунке художница берет верх над спортсменкой, чувство побеждает рассудок. Хоть во мне самой между творческим и спортивным началами обычно существует взаимопонимание, а все же моему грузинскому и шахматному характеру такая романтичность очень по духу.

Милунке так и не удалось сыграть матч на первенство мира, хотя однажды она была очень близка к этому. В турнире претенденток 1964 года, проходившем в Сухуми, Милунка перед последним туром опережала соперниц на очко, причем ей оставалась сравнительно несильная соперница — Грессер, богатая американка, которая даже со слабыми противницами старалась быстро закончить встречи вничью, а потом шла в зал и всласть наслаждалась игрой сильных. Очень самолюбивая, Грессер не любила, однако, когда ее недооценивали, и с фаворитами старалась играть как можно лучше.

Словом, к партии с Лазаревич Грессер тщательно подготовилась, тем более что, как она видела, Милунка не принимала ее всерьез. Между тем ситуация была такова, что Милунке достаточно было свести партию вничью, а уж этого результата она, казалось бы, легко могла добиться.

Короче говоря, Лазаревич села за столик, совершенно не готовая к тяжелой борьбе, на которую настроилась Грессер. Конечно, для шахматистки столь высокого класса это была совершенно непростительная ошибка. В момент, когда решается судьба такого ответственного соревнования, когда становится возможным достижение цели, к которой стремилась столько лет, проявить легкомыслие, забыть алехинское напоминание о том, что партия — это вопрос самолюбия, в данном

случае самолюбия независимой по характеру соперницы, не желавшей признавать ничье превосходство?! Но такова уж Милунка...

Грессер получила по дебюту хорошую позицию, усиливала ее каждым ходом и с железной последовательностью довела партию до логического конца. Это тоже, наверное, была партия ее жизни — не сумев как претендентка ничего добиться сама, Грессер в последнем туре оказалась в центре внимания и стала своего рода героиней соревнования.

Боже, какой это был удар для гордой Милунки, которая уже считала себя, наверное, претенденткой! Деликатная Грессер, понимая, какое огорчение причинила она Лазаревич, осторожно спросила ее после партии:

— Милунка, надеюсь, вы не обиделись на меня?

Та посмотрела ей прямо в глаза и холодно ответила:

— Неужели вы думаете, что после этого я вас полюбила?..

Впрочем, у Милунки оставался еще неплохой шанс, но судьба вновь жестоко над ней посмеялась. Трем победительницам турнира, разделившим первое место, — Лазаревич, Татьяне Затуловской и Алле Кушнир — предстояло сыграть по две дополнительные партии. В первом круге Милунка выиграла у обеих соперниц и вела 2:0! Никто, наверное, в тот момент не сомневался в успехе югославской шахматистки, но она, увы, осталась верна себе. Даже после того, как Милунка проиграла во втором круге Затуловской, ничья в последней партии — с Кушнир обеспечивала ей право на матч. Милунка продержалась в этой партии восемнадцать ходов...

Вот такая противница — неуравновешенная, чрезмерно эмоциональная, иногда даже и легкомысленно относящаяся к борьбе, но в то же время необычайно

талантливая и очень опасная в моменты душевного подъема, в штурме, в лихой кавалерийской атаке — противостояла мне, тогда еще недостаточно опытной, но, наверное, такой же смелой, только более спокойной, стойкой, упорной. На том этапе турнира претенденток Лазаревич как раз испытывала душевный подъем, игра у нее, что называется, шла, почти в каждой партии она поднимала свои войска в атаку, и даже если атака иногда бывала больше психической, чем реальной, Милунка, пользуясь растерянностью соперниц, уверенно набирала очки.

Подготовиться к этой партии было нетрудно: играя черными, я знала, что будет дебют Берда, и вместе с моим тогдашним тренером Михаилом Васильевичем Шишовым мы заранее приискали вполне приличный вариант. И все же в дебюте я допустила неточность, и случилось самое страшное, что могло только произойти во встрече с Лазаревич: я уступила ей инициативу.

Чтобы эта инициатива не переросла в стремительную атаку, пришлось отдать пешку. И тут передо мной возникла дилемма, с которой нередко приходится сталкиваться шахматистам: либо переходить в эндшпиль без пешки, заведомо обрекая себя на трудную, а главное, пассивную защиту, либо что-то пожертвовать, в данном случае — отдать ладью за легкую фигуру и перехватить инициативу.

Вообще говоря, играть против Милунки без пешки в эндшпиле, где ей предстоит терпеливая реализация перевеса, не так уж безнадежно, но дело в том, что и я была тогда (как, наверное, и сейчас!) отнюдь не любительницей пассивной обороны. Правда, острая игра, которая неминуемо должна была возникнуть после жертвы, была по душе сопернице, но я все-таки верила, что сумею перехватить инициативу, а вот это-то Милунке придется как раз не по вкусу.

Было еще одно обстоятельство, повлиявшее на мое решение. Мой первый учитель Вахтанг Ильич Карселадзе, обладавший, помимо других достоинств, редкостной тренерской интуицией, старался развивать во мне, как и в других своих учениках, в первую очередь то, к чему лежала моя душа. Не навязывать свои взгляды, не ломать натуру учеников, не подминать их творческие вкусы под свой собственный, а всячески способствовать прорастанию тех семян, которые уже были посеяны природой, — вот что было одним из его основных педагогических принципов.

Помню, как-то я прочитала в «Советском спорте» интервью с англичанином Фредом Перри — одним из крупнейших в мире знатоков тенниса. В этом интервью Перри высказал свое убеждение в том, что современный теннис — это проблема индивидуальности. Не угнетать индивидуальность, не сглаживать острые углы личности теннисиста, а всячески развивать то неповторимое, что присуще данному спортсмену, — вот в чем, по мнению Перри, заключается задача каждого тренера. Даже если теннисист выполняет тот или иной удар технически не совсем верно, но добивается при этом эффективности, то не нужно ломать его технику, не нужно переучивать.

Я полностью согласна с этой точкой зрения. Конечно, школа основательная необходима, но, обучая, надо каждому спортсмену дать право и на «произвольную программу».

Однажды летом 1956 года я получила письмо от маститого мастера Василия Николаевича Панова, одаренного шахматиста и шахматного литератора, человека резкого, язвительного, не очень-то склонного к комплиментам. С одобрением отозвавшись о некоторых моих партиях, которые понравились ему свежестью, тактической остротой, он дал мне совет, которому я всегда стремлюсь следовать: «Прежде всего старайся сохранить

свою индивидуальность, свое творческое «я»; не приспосабливай его к схемам и советам, а, наоборот, схемы и советы приспосабливай к нему».

...Милунка Лазаревич спокойно ходила по сцене, с любопытством поглядывая на чужие партии, а я застыла над доской. Был большой соблазн улизнуть в эндшпиль без пешки (хотя, честно говоря, спасти пол-очка и в этом случае было бы очень трудно), но вся моя душа восставала против этого. Да потом и позиция подсказывала именно такое решение, тем более что вместо того, чтобы вести нелегкую защиту, я переключалась на столь желанную моему сердцу атаку.

Итак, отдав пешку, я затем отдаю еще и ладью за слона. Мосты сожжены, ничьей в этой партии скорее всего уже не будет. Как мне потом рассказывал Шишов, все тренеры участниц турнира — гроссмейстеры Болеславский и Бондаревский, мастера Константинопольский, Макогонов, венгр Силади, югославы Чирич, Минич и другие — следили теперь за нашей партией — и уже не только потому, что это была встреча лидеров: сама позиция вызывала у них острейший интерес.

Между тем положение на доске становилось все более тревожным. Инициатива пока еще по-прежнему оставалась у белых, и Милунка считала, по-видимому, что развязка близка. Во всяком случае, она отказалась от возможности завершить поединок вничью с помощью вечного шаха.

Я по-прежнему подолгу задумывалась над каждым ходом, а Милунка по-прежнему гуляла в это время по сцене. Был момент, когда моя противница была очень близка к триумфу. Не оставшись в долгу, Милунка тоже предложила мне в жертву целых две фигуры, причем одну из них, слона, я взяла с шахом и уже записала ход, которым должна была снять с доски и белого коня, оставаясь с материальным преимуществом. Я собиралась было протянуть руку к коню, но что-то заставило

меня еще раз обдумать шаг, который должен был стать роковым для Милунки... или для меня самой.

Я впилась взглядом в доску и вдруг поняла все: белые в этом случае наносили красивый тактический удар, и мой несчастный король получал мат, причем даже двумя способами! Милунка была в своей стихии... Я зачеркнула записанный ход и стала лихорадочно искать выход из создавшегося положения.

Суть позиции заключалась в том, что главным, решающим фактором был не материальный перевес, которого могла добиться та или другая сторона, а то, что в шахматах принято называть темпом. Выигрывала та из нас, кто быстрее, стремительнее нападала на неприятельского короля. В этот момент все зависело только от судьбы королей: такие «мелочи», как лишняя фигура, решающего значения не имели. Поняв, а может быть, скорее почувствовав это, я нашла оригинальный план с уводом моего короля из опасной зоны с одновременным подключением его к остальным силам, которые плели матовую сеть вокруг белого короля. Если хотите, это было прозрение, которое приносит шахматистам наивысшую творческую радость.

Как рассказывал потом Шишов, Бондаревский в этот момент взял его под руку и почти силой увел моего разволновавшегося тренера в буфет. Гроссмейстер уже нашел опровержение замысла белых и, помешивая кофе и смеясь, сказал Шишову: «Если Нона пойдет королем на g7, ей можно сразу дать звание кандидата в мастера». Не очень-то Бондаревский расщедрился, между нами говоря, потому что ход этот найти было не так-то просто, особенно в той нервозной обстановке.

Ход этот, особенно в связи с последующими, был парадоксален: уходя от одной опасности, король двигался навстречу другой, ибо он сделал один, а затем еще два шага вперед, навстречу неприятельским силам. Очень редко случается, чтобы в середине игры король,

наиболее уязвимая фигура, которую шахматисты обычно прячут в самое укромное место, вдруг принял активное участие в наступлении. Между тем было именно так — черный король помогал своим фигурам завершить окружение неприятельского короля.

Кстати сказать, после второго хода королем Бондаревский признал свой «промах»: «Нет, знаете ли, я ошибся, Ноне сразу можно дать звание мастера». А после того как король осмелился еще продвинуться вперед, Силади, по словам Шишова, воскликнул: «Да ведь это гроссмейстерская игра!» Это уже был явный перебор, редкое у мужчин-шахматистов джентльменство по отношению к игре женщин, но факт остается фактом — три хода моего короля произвели даже на знатоков бесспорное впечатление.

Как я теперь понимаю, в этот мой звездный час, когда ситуация требовала тактической прозорливости, самобытности мышления и редкого для моего эмоционального пола хладнокровия, с особенной отчетливостью выразило себя в трех ходах королем влияние, которое оказывали на меня два моих учителя. Карселадзе всячески старался развить обнаружившиеся у меня тактические задатки, именно в этом видел он мою шахматную изюминку, считая, что овладевать позиционным мастерством можно, в отличие от тактического, всю жизнь. Мудрый и осторожный Шишов всегда напоминал мне о том, что надо семь раз отмерить. Именно отмеряя седьмой раз, я почуяла скрытую опасность, именно комбинационное зрение позволило мне эту опасность разглядеть.

Между тем Милунка, для которой марш черного короля был полной неожиданностью, перестала гулять по сцене. Судя по ее побледневшему лицу и взволнованно заблестевшим глазам, она испытывала растерянность. Возле нее выросла куча окурков, она пила одну чашечку кофе за другой, но я поняла, что нить игры

моя противница потеряла. Может быть, позиция белых была еще боеспособна, но перемена ролей подействовала на Милунку ошеломляюще.

Надо сказать, что решительная перемена обстановки, когда преследователь вдруг замечает, что неожиданно стал преследуемым, всегда вызывает шоковое состояние даже и у мужчин. Удивительно ли, что соперница, не любящая к тому же обороняться, растерялась. Об этом лучше всего свидетельствовало, что Милунка, не найдя лучших ходов, полностью уступила мне инициативу, после чего контрнаступление черных стало неотразимым. Заключительную позицию анализировали многие шахматисты, но, насколько могу судить, так никто и не нашел благополучного решения стоящих перед белыми проблем.

Почему я так подробно рассказываю именно об этой партии? Не только потому, что она для меня, что называется, самая-самая. И не потому, что после нее меня стали всерьез считать фавориткой турнира претенденток (а до того я ходила среди «темных лошадок») и начали мучить любители автографов.

Я хотела рассказом об этой партии еще и показать, что вопреки давней (и давно устаревшей!) репутации женских шахмат у нас, на «женской половине», случаются столь же драматичные, столь же волнующие события, что и у мужчин.

Да, в спортивном смысле мы пока уступаем сильному полу, на то есть свои причины, и я об этом еще поговорю, но во всех остальных аспектах шахматная борьба среди женщин мало чем уступает столь волнующей миллионы болельщиков шахматной борьбе среди мужчин. И у нас есть свои драмы и трагедии, и у нас есть неудачницы, которым фатально не везет в достижении их заветных мечтаний, и у нас есть роковые ошибки, ведущие к непоправимым последствиям.

ПРАВИЛА ИГРЫ

Афоризмы, увы, тоже подвержены инфляции. Некогда выражение «стиль — это человек» звучало откровением, сейчас оно воспринимается чуть ли не как банальность. Тем не менее эта короткая фраза выражает драгоценную мысль. И в шахматах, к их чести, стиль игры во многом обусловлен характером человека, его интеллектом, кругозором, вкусами, привычками, словом, если говорить по так называемому большому счету, его мироощущением.

Характер, как известно, зависит не только от наследственности, его формирует окружающая среда и наконец «дорабатывает» сам человек. Не знаю, как с наследственностью, и затрудняюсь судить, насколько я сама, если можно так выразиться, создавала себя, но вот о воздействии той обстановки, тех людей, которые влияли на меня, имею точное представление. Без рассказа об этих людях мне было бы трудно объяснить не только особенности моего человеческого характера, но и стиля игры, моего шахматного мировоззрения.

Родом я из небольшого грузинского городка Зугдиди. Мой отец Терентий Северьянович был директором сельскохозяйственной школы, а кроме того, преподавал в техникуме. Ему приходилось много работать: у меня было еще пять братьев. Самый старший Эмзар (к моменту моего появления на свет в 1941 году ему было семь лет), затем идут «по ранжиру» Тамаз, Джемал, Мурад,

а после меня родился еще и Нугзар. Так как отец уходил рано, а приходил поздно, то все заботы лежали на маме — Вере Тадеевне, а также на бабушке Кионии.

Бабушка была на редкость мудрой и доброй. Хотя у нас в Грузии по традиции рождение мальчика считается бо́льшим праздником, чем рождение девочки (впрочем, эта традиция, по-моему, существует уже тоже больше «по традиции»!), родители мои и особенно бабушка очень хотели, чтобы в семье появилась девочка. Когда родился Джемал, Киония до четырех лет одевала его как девочку и отпустила ему длинные волосы, которые заплетала в косы.

Как единственная девочка я пользовалась со стороны взрослых особым вниманием, но среди братьев ни на какие привилегии не могла претендовать. Больше того, они принимали меня в свои игры именно при том условии, что я не буду рассчитывать на поблажки.

Мне было очень легко выполнить это требование, потому что я и сама никогда не запросила бы пощады. Только один раз, когда я стояла в воротах и противники — мальчики с соседнего двора — должны были бить одиннадцатиметровый, всплыл вопрос о том, что меня, как девочку, надо на этот момент заменить. Но запротестовали, во-первых, противники, а во-вторых, я сама...

Так уж случилось, что я в детстве играла только с мальчиками, терпеливо соблюдала все правила, почти никогда не плакала, но зато и сама не давала спуску никому. Дома все уже привыкли к этому, только бабушка Киония никогда не могла смириться с тем, что я пренебрегаю обществом сверстниц, и иногда бунтовала, не пускала меня во двор, но я, если не помогали мольбы, вырывалась и мчалась к своим братьям и их приятелям.

У нас был большущий двор, площадью примерно в полгектара, поэтому именно к нам чаще всего приходили не только соседские мальчишки, но и «весь цвет»

нашей улицы. Игры мы предпочитали в основном спортивные. Играли в футбол, волейбол, настольный теннис. К стене дома был прикреплен баскетбольный щит, и мы состязались в меткости бросков. Стояла у нас во дворе и перекладина, висели гимнастические кольца. Иногда мы вставляли в кольца доску и качались, как на качелях. Бабушка боялась даже смотреть на это и, охая, уходила в дом.

Неудивительно, что, кроме Эмзара, который был книголюбом и, как старший, отличался от всех нас серьезностью, остальные братья и, конечно, я вместе с ними увлеклись спортом, стали заядлыми болельщиками. Тамаз, например, был игроком сборной Зугдиди по баскетболу, Джемал играл в футбол, увлекался конным спортом, окончил институт физической культуры, был чемпионом Зугдиди по шахматам, как, впрочем, и Тамаз тоже. Сильнее всех, однако, играл в шахматы Эмзар, который дважды участвовал в чемпионатах Грузии. Впрочем, все мои братья имеют по шахматам первый разряд. Самый младший — Нугзар несколько лет играл в сборной молодежной Грузии по гандболу.

Страсть к спорту сохранилась у меня на всю жизнь. И в студенческие годы, и даже потом, когда уже стала мамой, я старалась не пропускать матчи по футболу, баскетболу, гандболу, волейболу и многим другим видам спорта. Сама я довольно прилично играю в настольный теннис и нередко добивалась успехов в такой сугубо мужской игре, как бильярд.

В 1962 году я жила под Москвой, готовилась к матчу с чемпионкой мира Елизаветой Быковой. Здесь же находилась и наша сборная мужская команда, которой предстояло вскоре участвовать в очередной олимпиаде. При всем моем глубочайшем почтении к прославленным гроссмейстерам я все же не стеснялась обыгрывать их в бильярд и в настольный теннис, участвовала в лодочных гонках с Давидом Бронштейном, а с теми гросс-

мейстерами, кто оказывал мне честь, играла пятиминутные партии, играла с огромным спортивным азартом, очень-очень хотела побеждать...

Возвращаясь к детским годам, хочу сказать, что именно в играх с мальчиками, которым я старалась ни в чем не уступать, развилось и окрепло во мне обостренное самолюбие, та женская гордость, которая заставляет меня играть в мужских турнирах и испытывать особенное наслаждение от побед над «сильным полом».

Ах, эта гордость, как иногда она мешала мне! Мешала даже тогда, когда я встречалась с заведомо сильнейшими, где уж, казалось, не грех было бы смириться. В 1964 году я вместе с Михаилом Талем выступала на международном турнире в Рейкьявике. Когда мы ехали в легковой машине на очередной тур, великодушный Миша, взглянув искоса на меня, осторожно сказал:

— Нона, я бы охотно предложил ничью, но, зная твой характер, боюсь, что ты можешь обидеться. Я не ошибся?

Я улыбнулась:

— Мне, конечно, льстит твое предложение, но ты прав, Миша, — мы должны играть.

— В таком случае я сообщаю тебе, что мой первый ход будет e2 — e4!

Таль хотел хотя бы этим продемонстрировать свою галантность. Правда, если говорить откровенно, с его стороны это было не бог весть какое великодушие, потому что он почти всегда начинает партию именно этим ходом. И все-таки его прямота мне понравилась, но я не хотела получать даже такой скромный подарок.

— В таком случае, — сказала я в тон ему, — я отвечу e7 — e5!

Таль рассмеялся:

— Тогда я сыграю испанскую.

— А я тогда применю вариант, который встретился у нас на блицтурнире в Гастингсе (мы играли там вместе до Рейкьявика).

Партия началась, конечно, именно так, как мы «грозились», и длилась около пяти часов. Таль одержал победу на 39-м ходу, но ему пришлось изрядно потрудиться...

Участвовала я в детстве и в военных играх. Это Эмзар создал при нашем дворе тимуровский отряд, состоявший, правда, в основном из моих братьев. Штаб нашего отряда действовал не вполне в духе тимуровских традиций, планируя только военные игры, в которых я принимала непременное участие.

Я рассказываю об этом потому, что, помимо влияния родителей, школы, пионерской организации, испытывала с малых лет воздействие, если так можно выразиться, коллектива нашего двора. Я находилась в особой, замечательной нравственной атмосфере, где считалось самым позорным, самым отвратительным задирать нос, пытаться поставить себя выше других. Я получила в этом смысле такую нравственную закалку, что любая попытка со стороны кого угодно проявить высокомерие вызывает во мне яростный протест.

Нередко приходится слышать и читать о том, что детей надо беречь от вредного влияния улицы. Наверное, во многих городах, особенно крупных, это действительно актуальная проблема. Но мой личный опыт позволяет мне высказать здесь крамольную мысль: в небольших городках, в частности у нас в Грузии, где еще сильны патриархальные нравы, где все на улице знают друг друга, знают о любой радости в доме, о любой беде, влияние улицы, двора часто бывает благотворным.

В 1973 году группу ведущих спортсменов пригласили в Центральный Комитет комсомола. Это была не первая такая встреча, в которой я принимала участие.

Спортсмены — частые гости в ЦК ВЛКСМ, где мы собираемся не только по торжественным поводам, но чтобы иногда просто, что называется, поговорить по душам. Так вот, на этой встрече мне был задан вопрос, который, к сожалению, никогда не теряет свою злободневность: почему у знаменитых спортсменов довольно часто проявляются симптомы так называемой звездной болезни?

Я и сама не раз задумывалась над этим. Однозначного ответа здесь не найдешь.

Иногда приходится слышать, что виноваты журналисты, которые, дескать, начинают хвалить совсем юных спортсменов. Конечно, чувство меры здесь, как и в каждом деле, должно быть. И все же не журналисты повинны в том, что у некоторых добившихся ранней славы спортсменов проявляется вдруг чванливость, недостойное любого человека стремление подчеркивать свое превосходство. Пресса ведь на то и существует, чтобы, помимо прочего, рассказывать о людях, добившихся в той или иной области выдающихся достижений. Да и разве не вызвало бы чувства обиды и недоумения, скажем, у той же Людмилы Турищевой или Ольги Корбут, если бы о их выступлениях, вызвавших восхищение во всем мире, наша спортивная печать говорила бы вполголоса, чтобы, упаси боже, у них не закружилась голова?

Вспомним, как восторженно писала пресса о совсем юных представителях музыкального или балетного искусства, в частности хотя бы о солистке балета Большого театра Наде Павловой. Насколько могу судить, однако, такие похвалы вызывают у молодых балерин, музыкантов, актеров только еще более сильное желание трудиться, добиваться более высоких творческих достижений.

Нет, причины звездной болезни в любых ее проявлениях кроются, по-моему, все же в другом — в недостаточной общей культуре самого спортсмена, в отсутствии у

него нравственного иммунитета, в дефектах его воспитания — в семье, в школе и... во дворе.

Именно так я ответила тогда на заданный мне вопрос, именно так думаю об этом и сейчас. По поводу семьи и школы я, разумеется, повторяю давно известные истины, но что касается благотворного влияния улицы, то я его испытала, прочувствовала сама на себе и навсегда сохранила благодарность за это к друзьям моего детства.

Мне кажется, что школа еще не научилась завязывать контакт с улицей, не сумела пока найти с ней общий язык и по давней традиции (или предрассудкам) видит в улице только опасного чужака. Впрочем, это особый и сложный разговор.

Дух веселого коллективизма, царивший в нашей семье, в наших играх, в отношениях с соседскими ребятами, создал во мне не только устойчивый и активный иммунитет к тому, что принято называть звездной болезнью, но и вообще нетерпимость к любой несправедливости, к любому нарушению общепринятых правил.

Такая моя жизненная концепция подкреплена и острым интересом к юридическим проблемам. Это действительно мое хобби! Я люблю перечитывать речи Ф. Кони, других известных адвокатов. Словом, я всегда за закон, за справедливость, за строгое соблюдение правил игры в любой жизненной ситуации.

Боюсь, что читателя может разочаровать подобная прямолинейность, бесконфликтность, что ли, моей натуры. В этом можно при желании увидеть, быть может, определенный примитивизм мышления, но что поделать — я такая есть и на том стою.

Мне случается иногда беседовать с людьми, которые в шахматах, мягко говоря, плохо разбираются, и я в подобных ситуациях испытываю постоянную неловкость, ибо сказать, допустим, «вы этого не поняли» не могу,

язык не поворачивается, а без таких слов обойтись иногда тоже трудно.

Очень редко, просто считанные разы, я напоминала о том, что владею титулом чемпионки мира. Мне было мучительно стыдно говорить об этом людям, которые почему-то хотели это забыть. Перед первым и вторым матчами с Аллой Кушнир я шла на уступки во время переговоров о месте проведения поединков, но только до тех пор, пока не начинала чувствовать, что моя соперница уже нарушает неписаные правила и видит во мне не чемпионку, а просто партнершу, которой можно чуть ли не диктовать свои условия. Это было прежде всего несправедливо, это нарушало сложившийся во мне кодекс чести, ранило мое самолюбие, и тут я бунтовала, бунтовала уже не только как человек, но и как чемпионка мира. Надо сказать, что перед третьим матчем Кушнир, ближе узнав меня, вела себя вполне корректно и встретила столь же благожелательное отношение с моей стороны.

А ведь не будь у меня прочного нравственного иммунитета, я в той атмосфере всеобщего восхищения, в которой очутилась уже примерно с четырнадцати лет, легко могла бы потерять голову. Это уже потом Нана Александрия, а затем Ира Левитина, Майя Чибурданидзе и другие одаренные шахматистки стали обнаруживать талант в юном возрасте, а тогда мои способности вызывали у многих удивление и даже умиление.

В 1956 году я, пятнадцатилетняя девочка, успевшая незадолго до того стать чемпионкой Грузии (с результатом $15^1/_2$ очков из 16!), успешно выступала в проходившем в Тбилиси полуфинале чемпионата СССР. Малый зал Театра Руставели, хотя он и не такой уж малый, был бессилен вместить всех желающих попасть на турнир и прежде всего поглядеть на юную шахматистку. Организаторы вывешивали в фойе и даже у входа демонстрационные доски, где показывалась моя партия.

После каждой победы мне устраивали овацию, а так как я возглавила турнир (и заняла в итоге первое место с отрывом от конкуренток в полтора очка), то ажиотаж рос с каждым туром. Когда я покидала театр, меня сопровождали два милиционера — этот почетный эскорт был необходим, чтобы пробиться через огромную толпу экзальтированных болельщиков, ждавших меня у выхода. Помню, когда я шла однажды между двумя работниками милиции, встретившаяся нам женщина испуганно воскликнула: «Боже, что натворила эта несчастная девочка!»

Гроссмейстер Андрэ Лилиенталь, пораженный энтузиазмом тбилисских любителей шахмат, заявил в интервью: «Я много играл в турнирах, наблюдал не один матч на первенство мира, но такого бурного интереса, такого воодушевления болельщиков не встречал никогда».

В газетах помещались мои снимки, дружеские шаржи. Меня принял министр просвещения Г. Джибладзе, преподнес школьную форму и наручные часы с надписью, правда, попросив при этом, к моему огорчению, часы в школе не носить. Я выступала по радио, по телевидению, давала сеансы одновременной игры.

Мой тренер Карселадзе был очень встревожен всем этим бумом. Он написал статью в газете «Сахалко ганатлеба», где выразил беспокойство по этому поводу и просил любителей шахмат придерживать свои эмоции. Я же, должна признаться, испытывала от повышенного внимания к моей персоне явное удовольствие, и тревога тренера казалась мне напрасной. Правда, играла я словно в каком-то розовом тумане, была очень возбуждена, но это, как ни странно, помогало мне, создавало какое-то особенно приподнятое настроение.

Именно с тех пор я люблю играть при большом стечении публики, в живом, напряженном, пусть даже чрезмерно возбужденном и шумливом зале. Академиче-

ская обстановка «чистого творчества» при всем том, что творческая сторона для меня очень важна, оставляет меня холодной. Шахматы — это все-таки спорт, а спорт, борьба без зрителей немыслимы.

Еще большее нравственное испытание пришлось мне выдержать в 1962 году, когда я выиграла матч у Елизаветы Быковой и в 21 год стала чемпионкой мира. Ко мне, молодой девушке, детство которой протекало в провинциальном городке, пришла мировая слава. Сначала все было в рамках традиций — официальные речи на закрытии матча, поздравления, лавровый венок. Благородное заявление Быковой: «Конечно, тяжело лишиться звания чемпионки мира. Но когда осознаешь, что титул перешел в надежные руки, грусть немножечко ослабевает...» Она здесь же, на сцене Дома культуры типографии «Красный пролетарий», преподнесла мне свою книгу о Вере Менчик с надписью: «Ноне Гаприндашвили — продолжательнице славных традиций первой чемпионки мира — с наилучшими пожеланиями».

Я, конечно, благодарила всех — организаторов, судей, тренеров, соперницу. Хотя по-прежнему испытывала смущение перед большим скоплением людей, прогресс был налицо: вместо одного «спасибо», которое я выдавила из себя в редакции «Комунисти», я произнесла это слово уже несколько раз.

Но главное началось потом. Гоги Тоидзе сделал мой скульптурный портрет. Меня пригласили в ЦК ВЛКСМ, где вписали мое имя в книгу Почета. Потом я была гостьей Центрального Дома работников искусств, где меня поздравили Михаил Астангов и Марк Бернес (с Бернесом я не упустила случая сыграть в бильярд). Затем прием в газете «Известия», встреча в театральном училище с молодыми актерами.

В ресторане «Метрополь» на официальном банкете профессор и известная шахматистка Нина Блукет сказала примерно следующее: «Нона — это цветок, который

еще не полностью распустился, но уже завоевал сердца болельщиков (в этот момент «лепестки цветка» от смущения зарделись). Просим грузинских любителей шахмат беречь этот цветок — он принадлежит теперь всему миру».

Эта вот уже поистине цветистая фраза была несколько в духе наших грузинских тостов. Наших болельщиков можно было об этом не просить. После еще одного торжества — в грузинском представительстве я уехала из гостеприимной столицы, и тут уже наступила очередь моих самых пламенных болельщиков. Начиная от Сухуми, где меня встретила делегация зугдидцев, на каждой станции мне приходилось выходить на перрон и отвечать на приветствия. Какие-то незнакомые мне люди, сменяясь, стояли «в карауле» у дверей моего заваленного цветами купе, оберегая мой покой от не в меру заботливых пассажиров.

В Тбилиси на вокзальной площади состоялся митинг. Народу было столько, что люди сидели на крышах домов. Мой дядя в сутолоке потерял туфли, у сопровождавшего меня майора милиции раздавили часы, а отца так стиснули, что ему стало даже плохо.

Потом была незабываемая, волшебная встреча в Театре оперы и балета. Встреча торжественная, поэтическая и необыкновенно сердечная. Приглашенная в Тбилиси Нина Грушкова-Бельска, главный арбитр матча, говорила потом, что побывала в сказке. Да так оно и было. В мою честь выступали лучшие актеры, в том числе Вахтанг Чабукиани и Вера Цигнадзе.

Было много и других встреч — с учеными, рабочими, студентами, крестьянами, и все это, в общем, хотя конечно, уже не столь эмоционально, не прекращается до сих пор.

Надеюсь, вы верите мне, что я рассказываю об этом не по причине тщеславия. Если поначалу слава и тешила меня, доставляла — не стыжусь признаться — ра-

дость, наслаждение, то теперь, привыкнув к ней, научившись смотреть на восторги поклонников шахмат более трезво, а в чем-то, надеюсь, и мудро, я отношусь к славе спокойно, сдержанно, хотя и не могу сказать, что она меня в чем-то тяготит.

Нет, слава, популярность меня не тяготят, а по-прежнему, хотя уже и иначе, радуют. Я могу позволить себе говорить о своей популярности, популярности чемпионки мира, потому, что — уверена в этом — не только мои партнерши и соперницы у нас в стране, но и за рубежом не могут упрекнуть меня в нескромности, зазнайстве, даже малейшем моральном превышении своих чемпионских прав.

Я благодарна за это моим родителям, моим школьным учителям, моим братьям и друзьям детства из родного, всегда мне близкого Зугдиди (о тренерах и коллективе Тбилисского Дворца пионеров речь впереди). Благодарна за то, что они воспитали во мне обостренное чувство справедливости, уважения к людям, к их достоинству — то есть воспитали все то, что позволило мне сравнительно безболезненно пройти одно из самых труднейших человеческих испытаний — испытание славой.

Было бы неверным сказать, что на этом пути обошлось без потерь. Нет, было переливающееся через край самолюбие, иногда гордость пыталась перевоплотиться в гордыню, но здоровая основа, заложенная в мой характер в детстве, переборола все.

Был такой случай. В 1954 году я тринадцатилетней девочкой впервые попала на тренировочный сбор юных шахматистов в Кобулети. Жили мы в гостинице, было весело, интересно, а главное, рядом плескалось море. Зугдиди расположен в 32 километрах от моря, и плавать я не умела, но море неудержимо влекло меня к себе, тем более что Манана Тогонидзе и Марина Статникова обычно далеко заплывали, а я и Гульнара

Буцхрикидзе только завистливо провожали их глазами.

И однажды я решила, что для меня, соперничавшей в быстроте и ловкости даже с мальчишками, стыдно трусить и торчать на берегу, когда рядом так заманчиво плещется такое безобидное на вид море. Мы договорились с девочками и, не предупредив взрослых, пошли на пляж. Манана поплыла, а я скинула сарафан и на глазах испуганно глядевшей на меня Гульнары пошла в воду, опираясь на плечо Марины. Мне казалось, что стоит мне захотеть, и я поплыву. Только когда вода дошла до подбородка, а нога уже не могла нащупать дна, я в ужасе закричала. Марина Статникова помогла мне повернуть обратно, а прибежавшие Вахтанг Карселадзе и мать Мананы вытащили меня, уже успевшую нахлебаться соленой воды. Этот маленький эпизод больно ударил по моему самолюбию и дал понять, что надо соразмерять свои силы с поставленной целью.

Был случай совсем другого плана, который произвел на меня неизгладимое впечатление, помог мне окончательно утвердиться в тех принципах, которыми я руководствуюсь сейчас в шахматах, да, пожалуй, и в жизни вообще.

В 1957 году я выступала в чемпионате СССР, который проходил в Вильнюсе. Это был особый чемпионат: четыре первых участницы попадали в турнир претенденток.

После первых двух туров я имела полтора очка, а в третьем встретилась с молодой шахматисткой Н. Белыми я разыграла острый вариант испанской партии, пожертвовала фигуру за две пешки, и возникла очень сложная позиция. В один момент я предложила размен ферзей, но, если бы Н. согласилась на это, я с помощью так называемого промежуточного шаха отыграла бы фигуру и лишь потом взяла бы черного ферзя, оставаясь с двумя лишними пешками.

Моя соперница довольно долго продумала над ответным ходом, потом все-таки протянула руку, сняла с доски моего ферзя и лишь тут заметила коварный промежуточный ход. Держа в руках моего ферзя и не зная, что дальше делать, Н. покраснела и бросила на меня растерянный взгляд.

Я посмотрела на нее и на моего ферзя, который как-то нелепо висел в ее руке. Я не догадывалась тогда, что это был кульминационный момент не только этой партии, но и моего выступления в турнире вообще. Просто я думала о том, что как досадно вышло, ведь я могла выиграть красивую, цельную партию, а теперь побеждаю только в результате грубого промаха соперницы. И тогда я вдруг сказала:

— Слушай, если хочешь, возьми ход назад.

Это был с моей стороны непростительный этический и спортивный проступок и серьезная психологическая ошибка, в основе которых лежало неизвестно как появившееся во мне гипертрофическое самомнение: я могу выиграть как угодно, даже сделав уступку противнице. До сих пор не смогу себе этого простить.

Этически это было недопустимо, ибо, как вскоре выяснилось, мое «великодушное» предложение повлияло на логический ход событий и привело к результату, который должен был бы оказаться иным, а значит, могло при случае неправомерно изменить распределение призовых мест. А ведь это был, по существу, один из этапов розыгрыша первенства мира!

Если иметь в виду чисто спортивные принципы, то это было грубое нарушение всех правил, а стоит в спорте допустить хоть малейшую поблажку, хоть мизерное нарушение морального кодекса, как незамедлительно спортивное соревнование теряет присущую ему нравственную основу. Ведь спорт нравствен именно непреклонной строгостью своих правил. В спорте, с моей точки зрения, нет так называемого духа закона, а есть

только буква закона. Именно в строжайшем, неукоснительном «слепом» выполнении правил спортивной борьбы кроется высочайшая справедливость спорта, позволяющая осуществлять его главную заповедь: «Пусть побеждает сильнейший!» Едва только судья позволит себе пусть даже ничтожный субъективизм в оценке действий соперничающих сторон, либо сам игрок, как это было в моем случае, безнаказанно нарушит закон, эта заповедь искажается, и победа может достаться тому, кто ее не заслужил.

Психологический эффект моих слов был потрясающим. Мое предложение сразу разрушило ту реальную обстановку великой Игры, правилам которой я привыкла подчиняться с детства. Любое нарушение правил любой игры я всегда встречала с негодованием: «Слушай, что ты делаешь, как можно?!» Строгость правил делала для меня каждую игру, начиная от обычных жмурок, чем-то серьезным и нужным в жизни, и пренебрежение к ним должно было неминуемо перечеркнуть все то, чем я прежде жила. Чемпионат страны — подумать только! — потерял вдруг для меня против моей воли свою значительность, я сама сделала иллюзорным, нереальным тот мир, которым жила, дышала, без которого не мыслила себе свое существование.

Разумеется, в то мгновение я только смутно, инстинктивно почувствовала, что натворила. И все же почувствовала, потому что досада, это я хорошо помню, охватила меня, едва я произнесла последнее слово А если бы еще я знала, какие последствия будет иметь мое нелепое предложение!..

Едва заметно пожав плечами, Н. поставила моего ферзя на прежнее место и сделала другой ход. Между тем я постепенно начинала осознавать смысл случившегося. Отделаться от этих мыслей я уже не могла, планомерность моих действий была нарушена, я стала подолгу задумываться и попала в цейтнот. Короче го-

воря, партия была отложена с шансами на выигрыш у моей противницы, и в этом, если говорить честно, имелась своя закономерность и справедливость.

Когда совершался ритуал откладывания партии, к нам подошла опытная шахматистка Юзефа Гурфинкель. Она, оказывается, видела, как Н. взяла ход обратно. Бросив взгляд на позицию, Гурфинкель с возмущением заявила мне, что никогда в жизни ей не приходилось встречать такую несерьезную участницу.

Михаил Васильевич, конечно, сурово отчитал меня, стараясь прежде всего, чтобы я поняла: каждая партия — это не только личное дело мое и моей соперницы, а дело всех участниц соревнования. Я слушала его с опущенным взглядом, мне было стыдно, я и сама уже казнила себя за свою глупость. Но меня ждал еще и сюрприз.

Вечером нас с Н. пригласили к главному судье. Опытный, видевший на шахматных соревнованиях немало разных казусов, он мягко, по-дружески посоветовал Н. предложить мне ничью и забыть об этом инциденте. Если бы моя партнерша просто ответила отказом, я была бы вправе не иметь к ней какие-либо претензии. Но Н. деланно-спокойным тоном ответила, что не брала хода назад.

Я не поверила своим ушам, я не знала, куда девать глаза от стыда. Встав, я вышла с пунцовыми щеками, стараясь не глядеть ни на судью, ни на Н.

Моей сопернице, не устоявшей перед искушением получить очко, тоже было, конечно, несладко. Вот к каким мучительным этическим проблемам может привести невинное на первый взгляд нарушение правил.

При доигрывании я старалась держать себя в высшей степени корректно и спокойно, хотя, идя на игру, решила не поздравлять соперницу в случае ее удачи. Но домашняя закалка взяла свое: остановив часы, я протянула Н. руку и поздравила ее с победой. Правда,

каюсь, мне еще хотелось, чтобы она в этот момент почувствовала стыд. Стыд не за то, что не предложила ничью, нет, а за то, что обманула судью. Логическим завершением всей этой истории было то, что я после этого проиграла три партии подряд, после чего мне уже не на что было рассчитывать в турнире.

Н. была очень интересная и способная шахматистка. Может быть, она стала бы со временем сильным мастером. Но в дальнейшем она увлеклась научной работой и оставила шахматы.

Прошло несколько лет. Во время одного из турниров Н., находившаяся среди зрителей, подошла ко мне и попросила извинения. Мне был очень приятен этот ее благородный жест, и я с удовольствием пожала своей бывшей сопернице руку...

Больше, сколько ни вспоминаю, мне не в чем упрекать себя. Эта «ошибка молодости» была единственной. В дальнейшем, после выигрыша у Быковой, к моим жизненным принципам прибавилось и другое: чувство ответственности за каждый свой шаг, чтобы не сказать за каждый свой ход.

Однажды после окончания международного турнира в Югославии одна из моих недавних соперниц шутя остерегала меня: «Ты вот все время выигрываешь, а ведь к этому привыкнут, а потом, знаешь, будет трудно. Так что смотри, иногда стоит и проиграть...»

В шутливом предостережении этом был свой смысл. Я действительно приучила любителей шахмат к тому, что в каждом соревновании прихожу к финишу первой. Между прочим, если у мужчин чемпион мира займет в международном турнире или первенстве страны третье-четвертое место, это вызовет лишь легкий ропот, у женщин же чемпионка всегда должна быть только первой!

Однажды на одном из международных турниров в Белграде Татьяна Затуловская обогнала меня на пол-

очка. Таня тогда сказала мне: «Ты же прекрасно знаешь — мне всегда не везло. Должно же когда-нибудь и мне улыбнуться счастье!»

Нет, счастье тут было ни при чем, я вообще не признаю в шахматах таких понятий, как везение или невезение. Михаил Таль очень правильно сказал: «Каждый шахматист — кузнец своего турнирного счастья». Таня в том турнире сыграла блистательно, а второе место даже для чемпионки мира — это безусловный успех. Но я не удивилась, узнав, что кое-кто в Тбилиси уже забеспокоился — а не случилось ли со мной чего-нибудь?

Это беспокойство не знающих снисхождения болельщиков обидело меня — не за себя, нет, а за Таню. Неужели действительно никто, даже такая талантливая шахматистка, не может опередить чемпионку?

И все же должна чистосердечно признаться, сердясь и обижаясь порой на этих неугомонных болельщиков, я тем не менее их понимаю и, больше того, стараюсь считаться с их точкой зрения. Да, чемпионке трудно выигрывать все до одного турнира, но стремиться к этому она должна. Я ведь сама, когда выступаю в роли болельщицы, тоже жду от своих любимцев непременно побед.

Заканчивая эту главу, хочу сказать — я полностью отдаю себе отчет в том, что с каждым годом, с каждым новым турниром и матчем мне все труднее будет сохранять тот образ чемпионки мира, который я создала в своем воображении и которому стараюсь соответствовать. Таков закон природы, закон спорта. Но какие бы испытания ни ждали меня в будущем на тернистом шахматном пути, в одном я убеждена твердо: никогда я не унижу свое чемпионское достоинство, никогда не вступлю в противоречие с моими понятиями о справедливости, скромности, чести, никогда больше не нарушу тех правил игры, борьбы, состязания, в которые на всю жизнь поверила зугдидская девчонка.

РОМАНТИКА. ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ. ЭРУДИЦИЯ

Интерес к шахматам во мне пробудил Эмзар. И я, и остальные братья вообще многим обязаны Эмзару, который по праву и по обязанности старшего опекал нас и помогал родителям, так сказать, по интеллектуальной части. Он помогал нам писать сочинения, приохотил к чтению и первым полюбил шахматы, переняв интерес к ним от отца и заразив потом этим увлечением остальных.

В четыре года, наблюдая за игрой братьев, я уже знала, как ходят фигуры. В пятилетнем возрасте была допущена в свой первый турнир, в котором, помимо братьев, участвовали и соседские мальчики. Около Боржоми есть курортное место Мзетамзе. Там мы проводили каждое лето. В 1949 году отдыхающие устроили турнир, где я, семилетняя девочка, к удивлению многих, заняла третье место. А ведь это был уже не семейный турнир, и я очень гордилась «призовым местом».

После этого Эмзар стал подсовывать мне шахматные книги, но они никакого интереса во мне не вызывали: меня тянуло во двор, к ребятам, подвижные игры казались мне куда увлекательнее. Тем не менее на протяжении нескольких лет я с удовольствием сражалась с братьями в легких партиях и, видимо, кое-чему научилась. Однако серьезный интерес к шахматам пробудился у меня только в 1953 году, когда я попала в команду Зугдиди для участия в первенстве Грузии среди школь-

ников. В шахматном кружке Дома пионеров занимались только мальчики, а в команде должна была быть одна девочка. От моих братьев узнали, что я умею играть, и это решило мою судьбу.

В команде должен был выступать и Тамаз, но из-за подготовки к экзаменам в институт он в последний момент уступил место другому, а я одна ехать с незнакомыми людьми стеснялась. Все же желание испробовать свои силы победило, и я неохотно согласилась. Уже в поезде я убедилась в том, что и руководители команды были не в большом восторге от своего выбора: они даже не очень верили в то, что я умею делать ходы. В вагоне мальчики расставили фигуры и пригласили меня поиграть. После первой же партии председатель зугдидского спортивного комитета Карло Хорава, до того поглядывавший на меня с кислым видом, заметно повеселел.

Соревнования проходили в Батуми, в пионерском парке, что возле моря. Это была моя первая встреча с морем, мой первый официальный турнир... Играть было весело, интересно, хотя уже тогда я поняла, что бороться за победу команды намного труднее, чем за свою собственную.

Наша команда заняла пятое место, что было совсем неплохо, а я набрала $3^1/_2$ очка из 7. Как я теперь понимаю, мое первое выступление было вполне удачным, тем более что многие соперницы были намного старше меня. По-видимому, то обстоятельство, что я тренировалась с мальчиками, придало моей игре остроту, агрессивность, чего не хватало, да порой и сейчас не хватает многим юным шахматисткам. Но я была не совсем довольна собой. Приехав домой, я объявила, что против меня команда Тбилиси выставила... взрослую шахматистку — это была очень одаренная Манана Тогонидзе, рослая, крупная девушка, всего на четыре года старше меня.

Я не знала тогда, что мне еще предстоит подружиться с Мананой и не раз выступать вместе в турнирах; не

знала, что спустя всего год буду играть за ту самую команду, которая так вероломно поступила со мной, посадив против меня «взрослую».

Там, в батумском парке, произошло событие, которое сыграло в моей жизни решающую роль.

Двигая шахматные фигуры, я была настолько поглощена борьбой, что не замечала ничего вокруг. Наконец-то мой характер «мальчика в юбке» нашел возможность проявить себя не в азартной детской игре, а в настоящем, официальном, да еще командном спортивном соревновании. И все же я не могла не обратить внимание на темпераментного, заметно полысевшего человека с тонким, живым лицом и веселым, хотя и чуть ироническим взглядом. Это был руководитель шахматного кружка Тбилисского Дворца пионеров и тренер тбилисской команды Вахтанг Ильич Карселадзе.

Собственно, я обратила на него внимание только потому, что этот человек, как я заметила, неотступно следил за мной, за каждой моей партией. Это удивляло и поначалу даже настораживало меня — как-никак противник. Но во взгляде его светилась такая откровенная доброта, такое дружелюбие, что я успокоилась. А в последний день соревнований Карселадзе, уведя меня в тень дерева, поговорил со мной, дал несколько советов, а в заключение вдруг попросил передать родителям просьбу — отправить меня в Тбилиси под его опеку.

Как ни странно, такая просьба была не первой. За год до этого мои дядя Дмитрий Александрович Джабуа и тетя Татьяна Тадеевна Григолия, не имевшие детей, просили моих родителей о том же. Причем дядя, сыграв со мной несколько партий в шахматы и убедившись, что я кое-что смыслю в этой игре, аргументировал свою просьбу тем, что мне надо заниматься именно у Карселадзе. Тогда родители не решились отпустить меня, единственную девочку в семье. Но теперь, когда об этом же по-

просил и Карселадзе, меня отпустили — ради моего же счастья.

К тому моменту, когда я попала в поле зрения Карселадзе, он был уже известным в стране шахматным педагогом. Его ученица Лиана Хачапуридзе на всесоюзных командных соревнованиях в 1952 году заняла на доске девушек первое место с потрясающим результатом: из десяти встреч она только одну закончила вничью, а в остальных вышла победительницей. Год спустя другая ученица Карселадзе, уже знакомая нам Манана Тогонидзе, заняла первое место в чемпионате СССР среди девушек. Были у него и другие одаренные питомицы, в частности Элисо Какабадзе, шахматистка на редкость яркого, эффектного стиля.

Но Карселадзе хоть и очень много сделал для совершенствования этих шахматисток, все же взял их под свое крыло сравнительно поздно, когда их шахматные вкусы и навыки уже сложились. Элисо пришла к Вахтангу Ильичу в двадцатилетнем возрасте, Лиана — ученицей одиннадцатого класса, Манана хоть и рано начала заниматься в кружке Дворца пионеров, но потом, увлекшись музыкой, прервала занятия шахматами почти на два года. Верный своим педагогическим принципам, Карселадзе не переучивал этих очень способных шахматисток — он хорошо понимал, что, если бы и вознамерился поставить перед собой такую задачу, было бы уже поздно ее осуществлять.

Манана, например, вернувшись в кружок, зарекомендовала себя шахматисткой тонкого позиционного стиля. Если бы не двухгодичный перерыв, Карселадзе, быть может, смог бы привить ей и пристрастие к острокомбинационной игре. Он и так кое-что сделал в этом смысле. Помог, например, полюбить королевский гамбит. Но в целом Манана Тогонидзе так и сохранила явный позиционный уклон, обусловивший не только ее сильные, но и слабые стороны. Впоследствии Манана

очень корила себя за то, что надолго прервала занятия с Карселадзе, что не относилась к шахматам настолько серьезно, насколько они требуют этого. А кто знает, каких высот добилась бы эта талантливая шахматистка, если бы ревностно относилась к урокам Карселадзе и полностью отдавалась бы шахматам...

Элисо Какабадзе, напротив, пришла в кружок Карселадзе сложившейся шахматисткой остроатакующего стиля и не признавала спокойной маневренной игры. Тренеру был по душе такой «перекос», ему нравились романтичные порывы Элисо, и он не пытался переучивать ее, хотя и понимал, что с такой односторонней манерой можно стать сильным мастером, можно получать призы за красоту, но на выдающиеся успехи трудно рассчитывать.

Так вот, среди самых способных и многообещающих учениц Вахтанга Ильича не было к тому времени ни одной, которую бы он вылепил от начала и до конца — главное — от начала! — в соответствии со своими педагогическими воззрениями. Ему нужна была tabula rasa — чистая доска, на которой он мог бы писать то, что хотелось его тренерской душе. Во мне, как казалось Карселадзе, он и нашел тот первозданный исходный материал, который не был еще подвержен ничьим влияниям и из которого он мог создать то, о чем издавна мечтал.

Как мне уже потом рассказывали, Карселадзе говорил, что обнаружил в моей игре редкое в таком возрасте сочетание острого комбинационного зрения и тяготения к последовательным действиям, то есть задатки и практического, и логического мышления. Кроме того, у меня обнаружилось то, чему Карселадзе придавал очень большое значение, — активная память. Это означало, что я не только выучивала те или иные дебютные системы, но и как бы перерабатывала их, по-своему переосмысляла, воспринимала их, что ли, творчески, то

есть умела применить и в иной, не совсем той обстановке, на которую они были первоначально рассчитаны.

Конечно, имея в виду тринадцать лет, мои тогдашние представления о шахматах и мое наивное понимание шахматной борьбы, об этих качествах можно было говорить весьма условно. И все-таки в сочетании всех этих качеств с волей, сильным характером, а он уже проглядывался, я была в глазах Вахтанга Ильича именно тем объектом, о котором он так долго мечтал.

В 1954 году я переехала в Тбилиси и стала заниматься в знаменитом шахматном кружке Дворца пионеров. Этот кружок уже к тому времени имел свою историю. Дворец пионеров был открыт еще до войны, в 1940 году. В его шахматном кружке занимались многие интересные и даже выдающиеся игроки. Именно в шахматном кружке Дворца пионеров делал свои первые шаги под руководством Арчила Эбралидзе и достиг довольно большой силы будущий чемпион мира Тигран Петросян.

Итак, теперь у меня был свой тренер — первый тренер в моей жизни, Вахтанг Ильич Карселадзе. Я говорю «свой» еще и потому, что Карселадзе с первого же дня стал заниматься со мной отдельно — до или после уроков в группе сильнейших, откровенно предупредив об этом во избежание обид остальных девочек и мальчиков.

Всего же в моей жизни было трое тренеров. Хочу сразу сказать, что мне в этом смысле повезло. Все мои наставники во многом резко отличались один от другого чертами характера, темпераментом, шахматными симпатиями и антипатиями. Этим и объясняется заглавие: Карселадзе был романтиком, Михаил Васильевич Шишов отличался здравым смыслом, а одно из главных достоинств Айвара Гипслиса — эрудиция. Все это, конечно, очень условно: и Вахтангу Ильичу был тоже присущ в известной мере здравый смысл, и Михаилу Ва-

сильевичу тоже, конечно, не чужды романтические порывы. И все же главные особенности их тренерского и человеческого характера можно обозначить именно этими словами.

Но при всей их несхожести каждый из моих тренеров одинаково дорог мне, каждый из них делал все, что было в его возможностях, для моего шахматного совершенствования. И если я здесь больше скажу о Карселадзе, то это потому, что он все-таки на самом деле «открыл» меня, был моим первым учителем и, если говорить о самоотдаче, то действительно отдавал мне душу. Главное же, Карселадзе создал женскую шахматную школу в Грузии — феномен, приведший к невиданному в истории шахмат и вряд ли имеющему шансы повториться случаю, когда две ученицы одного и того же тренера встретились в матче на первенство мира.

Обладая природным юмором, Вахтанг Ильич был вместе с тем болезненно самолюбив, обидчив, а иногда проявлял нетерпимость. Он обладал широкими познаниями в математике, истории, педагогике, любил искусство. Главной его чертой была всепоглощающая любовь к детям, к своим питомцам, для которых он не жалел ни времени, ни сил, ни здоровья.

Личность Карселадзе, его великодушие, полное отсутствие того, что принято называть житейским практицизмом, производили на меня, как и на всех остальных его учеников, сильнейшее впечатление. Карселадзе занимался с детьми с утра и до позднего вечера, совершенно игнорируя то, что перерабатывает много лишних часов. По вечерам его надо было уводить домой, потому что он забывал про время и мог сидеть с ребятами до ночи. Иногда его ученики приходили к нему и ночью, домой — поанализировать отложенную позицию, и он с удовольствием садился за доску.

С Карселадзе происходило много разных историй, в которых ярко проявлялся его характер. Я расскажу

здесь только одну из них. В 1961 году команда Грузии встретилась в Бухаресте со сборной Румынии. Во время матча Манане Тогонидзе исполнилось 24 года. Мы собрались вечером в отеле «Амбассадор» и очень торжественно и весело праздновали это событие. Мы и не заметили, как ресторан опустел, потому что оркестр продолжал играть уже только специально для нас. А потом к нашему столу подошел солист оркестра и, узнав, по какому поводу мы собрались, с улыбкой сказал, что и у него сегодня день рождения. Может быть, это был намек на то, что пора его уже и отпустить? Не знаю, но, вернувшись на эстраду, певец с большим чувством исполнил нашу любимую «Тбилисо».

Едва он умолк, Вахтанг Ильич что-то прошептал одной из девушек и дал ключ от своего номера. Она вернулась, держа в руках подарочную коробку с коньячными бутылками. Карселадзе взял коробку, которую собирался прежде преподнести руководителю румынской шахматной федерации, и подарил ее певцу. «Вахтанг, что ты натворил!» — вскричал Тенгиз Гиоргадзе, один из членов команды. «Ах, он так замечательно спел!» — с печальной улыбкой ответил тот и беспомощно развел руками.

Вахтанг Ильич был тонким психологом и прекрасно знал особенности характера каждого из нас. Он, к примеру, безошибочно чувствовал, когда мы уставали, и тут же придумывал какую-нибудь увлекательную шахматную викторину или конкурс решения позиций.

С ним никогда не было скучно. Возможно, потому, что Вахтанг Ильич терпеть не мог натаскивания, зубрежки каких-либо дебютных схем. Он заставлял нас мыслить самостоятельно, приучал к импровизации за доской, приучал не заучивать наизусть, а стараться понять суть игры, познавать принципы разыгрывания дебюта, середины игры, типичных окончаний.

Карселадзе принципиально считал, что в юном воз-

расте у шахматистов надо развивать способности к комбинационной игре. И не только потому, что, как он любил говаривать, «в ведении атаки шахматист растет». Карселадзе считал, что с возрастом шахматисту все труднее совершенствовать свои комбинационные способности, а иногда он и вовсе утрачивает в этом смысле перспективу роста, логическое же мышление, позиционное умение можно развивать беспредельно.

Позднее я нашла подтверждение правоты Карселадзе в интервью с М. М. Ботвинником. Отвечая на вопрос о причинах его чемпионского долголетия, Ботвинник, между прочим, сказал:

«В шахматах, как во всякой задаче перспективного планирования, существуют два типа оценок. Первый — это когда шахматист обдумывает варианты и определяет конкретную их выгоду или невыгоду. Но необычайно важен второй тип оценки — той позиции, которая возникнет в дальнейшем, в результате тех или иных действий. Я хорошо считал варианты, но главная моя сила была в позиционной оценке, позиционном понимании. С возрастом способность к счету снижается, иногда резко, а позиционное понимание может даже возрастать».

Именно в этом и кроется, по-видимому, трудно объяснимая на первый взгляд разница между классом и силой игры у шахматистов зрелого возраста. По пониманию позиции, по интуиции, по умению разыгрывать, скажем, типичные окончания, по искусству анализа они иногда мало кому уступают, но вместе с тем теряются в сложных обоюдоострых позициях, допускают грубые промахи, зевки, утрачивают способность к быстрой игре и попадают в мучительные цейтноты. Как следствие всего этого приходит чрезмерная осторожность, а иногда и неуверенность, и, глядишь, прежней силы у шахматиста уже нет.

В соответствии со своим взглядами, а также с моей шахматной индивидуальностью Карселадзе стремился

всячески укрепить во мне комбинационные задатки. Он занимался со мной прямо-таки неистово. Я приходила к нему во Дворец пионеров сразу после школы, и мы начинали работать до прихода остальных ребят.

Мне кажется, Вахтангу Ильичу очень нравилась моя одержимость. Я с наслаждением погрузилась в мир шахмат, мне нравилось, что чем больше в шахматах узнаешь, тем больше новых загадок они ставят, нравилось находить комбинационное решение этих многочисленных и разнообразнейших загадок!

По-видимому, моему наставнику импонировала моя неистовость еще и потому, что до меня его учениц переманивали: либо математика, как это было, например, с Лианой Хачапуридзе, либо филология, как это случилось с Элисо Какабадзе. Карселадзе хорошо понимал: при всей моей любви к чтению, к спорту меня с шахматами уже невозможно было разлучить никогда.

Одним из главных достоинств Карселадзе как шахматного педагога было то, что он, ставя перед каждым из нас определенную цель, давал нам в то же время творческую свободу, оставлял возможность для самостоятельного мышления, собственных поисков. Когда с ним не соглашались, вступали в спор, предлагали свой план решения позиционных проблем, Карселадзе расцветал от радости.

Помню, однажды мы подготовили против одной из моих противниц любопытный вариант в контргамбите Альбина. Дома я углубилась в этот вариант, нашла новые возможности и в итоге легко выиграла партию. Этот случай произвел на Карселадзе большое впечатление. Он очень гордился мною, ставил в пример остальным, подчеркивая, как это важно, что я сама, без чьей-либо помощи нашла в позиции скрытые возможности.

В сущности, как я теперь понимаю, метод Карселадзе состоял главным образом в том, чтобы развивать в нас самостоятельность шахматного мышления, умение не

терять уверенности в самой сложной и, что важнее всего, незнакомой обстановке. Не заучивать истины, а постигать их сокровенный смысл — вот чего он добивался от меня, и прежде всего за это я ему особенно благодарна. Не разрушая мой шахматный «генетический фонд», побуждавший меня «просить бури» на шахматной доске, способствуя свободному развитию заложенных во мне от природы комбинационных способностей, Вахтанг Ильич Карселадзе помог мне крепко встать на ноги и идти вперед своим собственным путем.

Очень быстро мне удалось отблагодарить своего учителя крупными успехами. Уже через год после переезда в Тбилиси я заняла в чемпионате столицы Грузии второе место, затем на всесоюзных юношеских соревнованиях в Риге показала лучший результат на второй доске. А в следующем, 1956 году я одержала победу в чемпионате Грузии с эффектным результатом — $15^1/_2$ очков из 16. И это несмотря на то, что в чемпионате выступали такие сильные грузинские шахматистки, как Элисо Какабадзе, Манана Тогонидзе, Лиана Хачапуридзе, Алла Чайковская, Ксения Гогиава и (вне конкурса) опытные московские мастера Ольга Игнатьева и Нина Войцик. На заключительном вечере Вахтанг Ильич подчеркнул, что свое пятнадцатилетие (а оно пришлось как раз на турнир!) я отметила пятнадцатью победами.

В том же году я добилась успеха уже на всесоюзной арене, уверенно победив в полуфинале чемпионата страны. Но это был последний турнир, в котором я выступала под крылом Карселадзе.

В начале 1957 года у меня появился другой тренер— опытный тбилисский мастер Михаил Васильевич Шишов. Этот человек, как я уже говорила, во многом был непохож на моего первого учителя. И наверное, именно это обстоятельство оказалось для моего дальнейшего шахматного развития весьма полезным.

В отличие от темпераментного, веселого и вспыльчи-

вого Карселадзе, вокруг которого всегда бурлила жизнь, Шишов — человек тихий, очень сдержанный, молчаливый, хотя тоже отнюдь не лишенный чувства юмора. В то время как Вахтанг Ильич в работе, да и в жизни вообще любил импровизацию, экспромт, Михаил Васильевич отличался пунктуальностью, даже, я бы сказала, педантизмом. Он был более строг со мной, не делал никаких поблажек, во время турниров следил, чтобы я вовремя пообедала, вовремя, минута в минуту, легла спать.

Хотя Шишов знал много ловушек и нередко пользовался в игре тактическим оружием, это был все же шахматист позиционного стиля. Он ценил комбинацию лишь в том случае, если она являлась логическим завершением предшествующей игры. Занятия с Шишовым, проходившие всегда строго по плану, были для меня очень полезными. Я теперь больше стала изучать дебютную теорию, чаще разбирала классические партии, в которых ведущая роль принадлежала стратегии. Каюсь, мне тогда не очень хотелось заниматься такими партиями, меня манило к себе творчество Михаила Таля, шахматиста, с моей точки зрения, гениального (которого Шишов, кстати, тоже очень любил и ценил), но отнюдь не подпадающего под категорию классика. Тем не менее я покорно слушалась своего нового наставника. Тем более что, к моей радости, староиндийскую защиту мы изучали в основном на партиях моего кумира.

В то время я еще не полностью овладела русским языком. Как рассказывал потом Шишов, когда я в ответ на его слова монотонно покачивала головой в знак согласия, он совсем не был уверен в том, что я действительно его понимаю. На самом же деле я, конечно же, понимала все, что Михаил Васильевич мне говорил, понимала и соглашалась с ним, только мне не всегда хотелось этим заниматься.

Далеко не сразу пришла та разносторонность стиля,

которую стремился развить у меня Шишов. На протяжении по меньшей мере двух-трех лет мою игру отличало чрезмерное пристрастие к тактической борьбе, которую я старалась навязывать противницам, даже если это было связано с ухудшением моей позиции. И впоследствии, когда я уже стала чемпионкой мира, во мне нет-нет да и просыпалось неудержимое желание броситься очертя голову в рискованную атаку, в ходе которой приходилось порой пренебрегать законами позиционной игры.

Но если поначалу я шла на резкое обострение игры, не понимая при этом, что ухудшаю, иногда катастрофически, расстановку своих фигур и пешек, то чем дальше, тем чаще я делала это сознательно, полностью отдавая себе отчет в возможных последствиях. В этом я была не оригинальна, а лишь придерживалась тех приемов, которыми пользовались гроссмейстеры не классического, а так называемого интуитивного, или психологического, стиля, такие, например, как Михаил Таль.

Таль писал: «...Если оба партнера не горят стремлением выиграть партию во что бы то ни стало, они играют правильно (в самом лучшем, а может быть, в самом худшем значении этого слова). Возможность ошибок в таком случае сводится к минимуму, но и партнеру играть очень легко. Все идет очень правильно, очень корректно, и ходов через 18—20 эта «подлинно безошибочная» партия заканчивается к обоюдному согласию.

А что делать, когда нужно выиграть? Попытаться объявить мат? Но партнер предвидит атаку уже в зародыше и принимает необходимые меры. Использовать позиционные слабости? Партнер и не думает создавать их! Именно поэтому сейчас во многих партиях один из противников, а иногда и оба сознательно уходят в сторону от общепризнанных канонов и сворачивают в глухой лес неизведанных вариантов, на узкую горную тропинку, где место есть лишь для одного. Слишком многие

сейчас хорошо знают не только шахматную таблицу умножения, но и шахматное логарифмирование, и поэтому, чтобы добиться успеха, порой приходится доказывать, что дважды два — пять...»

Надо честно сказать, что к большинству шахматисток слова Таля по поводу необходимости доказывать, что дважды два — пять, имеют лишь косвенное отношение. Женщины-мастера намного чаще, чем мужчины, допускают позиционные неточности и тем самым дают возможность соперницам без нарушения правил арифметики создавать предпосылки для атаки. И все же, встречаясь с сильными мастерами, мне тоже иногда приходится сознательно идти на некоторое нарушение свода шахматных законов.

Стало это характерной чертой моего стиля? Нет. Хотя я иногда и грешу этим, хотя в наступательной стихии чувствую себя особенно уверенно, а все же я тяготею к универсальному, классическому стилю, который не поощряет таких «шалостей». С годами во мне все больше крепнет, с одной стороны, понимание позиционных основ, с другой — уважение к ним. Однако как человек, строго соблюдающий диету, иногда позволяет себе «зигзаг» и пирует всласть, так, повторяю, и я иногда позволяю себе кинуться вниз головой в омут невообразимых осложнений, игнорируя соображения позиционного характера.

Но, хочу это еще раз подчеркнуть, осознанное нарушение позиционных законов стало возможным лишь тогда, когда я эти законы не только хорошо усвоила, но и, так сказать, прочувствовала нутром, когда сумела приподняться над слепым школярством. Поначалу моя задача, над которой трудился Михаил Васильевич, состояла в том, чтобы эти законы познать и неукоснительно им следовать. Увы, это было не так просто.

В своем первом финале чемпионата СССР, проходившем в 1956 году в Днепропетровске, я не ставила перед

собой особых спортивных или творческих целей. Вахтанг Ильич уже не был моим личным тренером, но все же он помогал мне, как и участвовавшим в чемпионате Какабадзе и Тогонидзе. Я играла, как говорится, свою игру, старалась любой ценой завязывать осложнения, захватывать инициативу. В то время мне в мои пятнадцать лет так, наверное, и следовало играть. Если не удавалось создать атакующую позицию и инициатива переходила к сопернице, я терялась, защищалась неумело и терпела бедствие. Правда, в итоге я разделила 7—9-е места — с Затуловской и Тогонидзе, что было для дебютантки совсем неплохо, но объяснилось это не столько силой, сколько особенностями моей игры, агрессивность и динамичность которой (при всех ее позиционных огрехах) многие мои противницы не выдерживали.

Год спустя, после того как я усердно изучала позиционные принципы, я выступила в Вилънюсе менее удачно, разделив 11—13-е места. Это можно было расценить как крупную неудачу, даже провал, в действительности же чемпионат 1957 года, первый, в котором я выступала как ученица Шишова, свидетельствовал о моем уверенном творческом росте.

Набранное мною количество очков — 8 из 17 — явно не соответствовало моей силе. Это был тот самый чемпионат, в котором произошел злополучный эпизод с Н. После того как я ей так обидно проиграла, три мои очередные соперницы — Борисенко, Филановская, Семенова предлагали мне в ходе игры ничью, я же отказывалась и все эти партии тоже проиграла. Нужно ли доказывать, что такое обилие переживаний на старте могло вывести из равновесия и опытного мастера, не только юную шахматистку, успевшую к тому времени уже привыкнуть к успехам и овациям.

Была и другая причина спортивной неудачи, более закономерная — ломка голоса. Раньше я играла только

открытые, часто гамбитные начала, стараясь как можно быстрее создать на доске кризисную ситуацию. В Вильнюсе же стала применять, особенно черными, полуоткрытые и даже закрытые начала. Мне приходилось плавать (вот именно — плавать!) в неведомых прежде водах, где мои прежние лоцманские познания мало чем могли помочь. А ведь для моих противниц как раз эти воды были особенно хорошо знакомы и изучены.

Но дело было не только в этом. Партии чаще всего протекали, по крайней мере до кульминационного момента, в позиционном ключе, что опять-таки было удобно для большинства участниц чемпионата. Наконец, и это было тоже очень важно, характер возникавших позиций требовал терпения, спокойствия, выдержки, но именно этих-то важных качеств у меня тогда и не было.

Да и откуда им было взяться — я ведь все еще оставалась девочкой! Надо сказать, что на том чемпионате, а он был отборочным турниром к первенству мира, шахматистки должны были выступать без тренеров — считалось, что это уравнивает шансы. Мне как «малолетке» поначалу позволили пользоваться помощью Шишова, но после того, как некоторые участницы возроптали, он должен был вернуться в Тбилиси.

Оставшись одна, я потянулась к Элисо. Она тоже выступала неудачно и хорошо понимала мое состояние. Хотя у самой Элисо тоже кошки скребли на душе, она старалась всячески меня развлекать. Элисо—великолепная рассказчица, я с раскрытым ртом слушала невероятные истории, которые будто бы случались с ней, вплоть до нападения разбойников. Разумеется, все это она сочиняла, но это я узнала только спустя годы, а тогда верила каждому ее слову. Когда ее фантазия иссякала, я приставала к ней, и Элисо придумывала очередной рассказ о своих приключениях на море или на суше. Вся эта необычайно полезная для меня психотерапия

свидетельствовала о том, что я все еще оставалась ребенком, которому нужны сказки...

Только в чемпионате СССР 1958 года, проходившем в Харькове, я почувствовала, что у меня появился вкус к позиционной игре. Михаил Васильевич мог быть доволен: впервые в жизни я стала получать удовольствие от партий, проведенных в позиционном ключе. Это был заметный шаг вперед в моем творческом развитии. Я попрежнему стремилась к инициативе и активности, попрежнему любила жертвовать фигуры или пешки ради атаки, но все это теперь имело под собой логическое позиционное обоснование. Словом, харьковский чемпионат показал, что я заметно повзрослела. Это было видно и по результату: я заняла третье место, набрав $13^1/_2$ очков из 20 и отстав всего на пол-очка от Ларисы Вольперт и Киры Зворыкиной. Увы, за этот успех мне пришлось заплатить дорогой ценой: я навсегда распростилась с творческой свободой. Если прежде я могла позволить себе играть в свое удовольствие, не очень-то опасаясь срывов, то отныне я должна была заботиться о результате: спортивная общественность, особенно в Грузии, пресса, любители шахмат ждали от меня обязательных побед. Никогда в жизни с тех пор не получала я творческого отпуска, никогда мне не говорили: «Нона, играй как хочешь, как тебе нравится». Это только чемпионы мира — мужчины могут позволить себе отдельные партии и даже целые турниры играть вполсилы, сберегая свой творческий и психический потенциал, я же лишена этой привилегии полностью. От меня всегда ждут только первого места, второе — это уже неудача.

Иногда, выступая в международных турнирах, я с завистью гляжу на беззаботных туристов: они гуляют, фотографируют, ходят в музеи, посещают памятники старины. Я бы тоже могла вот так пойти и гулять, знакомясь с чужой страной, с ее бытом, с ее народом. Но мне

нельзя — у меня скопились отложенные партии, я должна их обязательно выиграть — ведь я чемпионка.

Иногда я задумываюсь: а стоит ли игра свеч? Зачем мне все это? Почему я не могу распоряжаться своей судьбой? Стоит ли турнирный успех тех трудностей и переживаний, которыми приходится за него платить? Потом настает день окончания турнира, я вижу восхищенные глаза болельщиков, мне жмут руки, мною гордятся — и тогда я думаю: нет, не зря я так жажду победы, не зря отказываю себе во многих удовольствиях.

Да, тяжела шапка Мономаха, да, носить ее обременительно. Но все-таки приятно! И никто и никогда еще добровольно не снимал ее со своей главы.

Но еще и речи не было о шапке Мономаха, а мне уже дали понять, что на меня возложены определенные обязанности. Сделано это было сурово, резко, так резко, что я поначалу даже обиделась. Но потом, когда обида остыла, я почувствовала, что экзекуция принесла мне безусловную пользу.

Случилось это после чемпионата страны 1959 года, проходившего в Липецке. До этого я очень удачно выступила за команду Грузии на Спартакиаде народов СССР, заняв первое место на доске девушек с превосходным результатом — $9^1/_2$ очков из 10. Не то чтобы этот результат настроил меня на благодушный лад, но мне казалось, что я по крайней мере заслуживаю если не почтения, то уважения.

Поэтому, когда после Липецкого чемпионата меня пригласили в Тбилисский шахматный клуб на заседание президиума республиканской федерации и попросили объяснить, как и почему я разделила седьмое-девятое места, я была рассержена самой постановкой вопроса. Было много объективных причин, пояснила я, которые обусловили мой частичный неуспех. Во-первых, я на финише выпустила выигрыш в двух партиях; во-вторых,

из-за этого последние партии играла без настроения, а в двух вообще согласилась на ничью практически без борьбы. Потом играли в клубе, на окраине города, зрителей обычно бывало трое, из них один — мой брат Тамаз, а без зрителей я играть не люблю (правда, в субботу и в воскресенье публики набивалось в зал очень много, но... после тура начинались танцы). Я показала партии, в которых упустила выигрыш, и была уверена, что моя речь вызвала сочувствие.

Ох, как мне тогда всыпали! И за эти партии, и за то, что после них у меня опустились руки, и за то, что мне, видите ли, для вдохновения подавай зрителей! Я страшно обиделась. Я негодовала. Как же так, ведь я объяснила, как упустила победу, я не виновата, так с каждым может случиться. Уходя, я сказала себе: все, больше не играю в шахматы, провались они в тартарары! Уже на следующий день я, конечно же, сидела за доской.

Следующий чемпионат, проходивший в 1960 году в Риге, был одновременно зональным турниром Международной шахматной федерации (ФИДЕ) — четыре победительницы получали право выступать в турнире претенденток, то есть бороться за право выступить в матче против чемпионки мира Елизаветы Быковой.

Мечтала ли я тогда, в 19 лет, о матче с Быковой? Думаю, что да, мечтала, но, так сказать, «в уме». Никогда и никому я не признавалась в этом, даже Михаилу Васильевичу, хотя он, по-моему, тоже подумывал о матче (и тоже держал эту мысль «в уме»). У нас был как бы негласный уговор — на эту тему не разговаривать.

Избегая, однако, говорить о возможности матча на первенство мира, мы с Шишовым твердо знали и не скрывали этого от других, что надо непременно попасть в четверку и сыграть в турнире, не загадывая далеко вперед, как можно лучше.

Чемпионат в Риге был для меня особенным не только поэтому. Это был первый в жизни турнир, где у меня

уже намечалась гармония стиля, в котором мое пристрастие к дерзким атакам относительно мирно уживалось с готовностью в случае необходимости кропотливо накапливать мелкие позиционные преимущества. «Относительно» — потому, что, конечно, рецидивы увлечения атакой на короля во что бы то ни стало, любой ценой еще случались, но уже именно как рецидивы, а не как метод. В Риге я старалась не насиловать позицию, не уклонялась от ведения защиты, от перехода в эндшпиль. Словом, я стала паинькой.

Здесь необходимо некоторое пояснение. В главном, в принципиальном я оставалась прежней, не изменила себе. Как и раньше, я в каждой партии стремилась только к победе, как и раньше, считала постыдным заведомое стремление к ничейному исходу. Борьба, спорт в сочетании с творчеством — вот чем были и остались для меня шахматы. Но тогда, в Риге, я поставила перед собой задачу доказать, что не уступаю самым опытным соперницам в умении вести позиционную войну, доказать, что я догнала их в этом. Тут был, если хотите, своего рода спортивный интерес, и Шишов очень умело сыграл на этой ноте. Ты научилась маневрировать, защищаться, играть спокойно, сдержанно — так докажи это! — говорил он. И докажу! — отвечала я.

Итак, в этом турнире я несколько удивила всех переменой, которая начала во мне происходить. Правда, хотя перед началом соревнования я поставила перед собой цель — попасть в четверку, на старте эта благоразумная мысль выветрилась у меня из головы, и я в дальнейшем стала целиться на первое место. Только этим можно объяснить, что во встрече с опережавшей меня на пол-очка Татьяной Затуловской я вдруг очертя голову кинулась на позицию соперницы, совершенно пренебрегая как доводами здравого смысла, так и требованиями самой позиции. Это и был тот самый «рецидив».

Затуловская без особого труда отбила азартные на-

скоки, и мне пришлось сдаться. Когда мы анализировали партию, Таня сказала мне: «А знаешь, я хотела вскоре после начала игры предложить тебе ничью, но вокруг стояли люди и было неудобно. А ты бы согласилась?» — «Теперь, когда я знаю результат, конечно бы, согласилась, — засмеялась я. — Но тогда, наверное, нет».

Это поражение, в котором повинна была прежде всего я сама, полностью отрезвило меня. Обычно после поражений я стараюсь во что бы то ни стало добиться победы. Но на этот раз я на следующий день вела игру совершенно спокойно, как будто и не было накануне никаких огорчений. Вольперт предложила мне ничью в позиции, где мои фигуры были расположены явно активнее. Будучи вообще противницей ничьих, я в другом соревновании безусловно отклонила бы это предложение. Здесь же, после непродолжительного раздумья, согласилась, чем, как мне кажется, удивила многих участниц.

Словом, в первый и, кажется, в последний раз я отдала некоторую дань шахматному практицизму. Нет, видно, мне все же очень хотелось сыграть с Быковой!..

Поставленной первоначально цели я достигла: с $11\frac{1}{2}$ очками из 18 заняла четвертое место, отстав на полтора очка от Борисенко и Затуловской и на пол-очка от Вольперт.

Это был успех не только мой, моего характера, но и в большой степени Шишова. Это торжествовал его метод. Вахтанг Ильич Карселадзе увидел во мне дарование, развил природные тактические задатки, помог крепко встать на ноги, не теряться в незнакомой обстановке. Михаил Васильевич повел меня дальше. Он помог мне преодолеть антипатию к позиционной игре, к закрытым дебютным схемам, помог овладеть искусством маневрирования, оборонительных действий. Словом, помог стать шахматисткой разностороннего стиля. Под попечитель-

ством Шишова я стала чемпионкой мира и отстояла свое звание.

Михаил Васильевич очень скромный человек, не переоценивающий свои силы. Он никогда не возражал, например, против того, чтобы во время матчей на первенство мира мне помогали и другие опытные шахматисты. Перед матчем с Быковой моими консультантами были Давид Бронштейн и Бухути Гургенидзе, к первому матчу с Кушнир помогали готовиться Алексей Суэтин и Айвар Гипслис. И ни разу Шишов не единым жестом не выразил своего неудовольствия по этому поводу, хотя, как я думаю, был уверен, что я выиграла бы оба матча и без гроссмейстерских советов.

О том, насколько скромен этот человек, говорит такой удивительный факт. Когда в 1970 году в Тбилисском шахматном клубе отмечалось 60-летие Шишова, я с удивлением узнала, что, будучи заслуженным тренером СССР, он в то же время не носит звания заслуженного тренера Грузии — кто-то забыл вовремя представить соответствующие бумаги, а Шишов постеснялся напомнить о себе. Вскоре же было возбуждено соответствующее ходатайство, и ошибка была быстро исправлена.

Наступил, однако, момент, когда мы оба почувствовали, что наше творческое содружество постепенно исчерпывает себя. Михаил Васильевич сам уже не играл в турнирах, не успевал следить за всеми новинками теории. Я повзрослела, стала студенткой института иностранных языков, у меня расширился круг интересов, появилось то, что принято называть личной жизнью. В Тбилиси переехали почти все мои братья — они учились в разных вузах, я жила теперь вместе с ними. Все это отнимало много времени, и, следовательно, помощь тренера должна была быть особенно эффективной.

Наше расставание было грустным, но вполне дружеским. Произошло это в 1965 году. Некоторое время у меня не было постоянного тренера, а затем я «присмот-

рела» себе Айвара Гипслиса, - который после второго матча с Аллой Кушнир, где он выступал в роли секунданта, и стал моим тренером.

Почему я остановила свой выбор именно на Гипслисе? Причин этому много. Рижский гроссмейстер — эрудит в дебютной теории. У него огромная картотека, из которой он без всякого ущерба для себя извлекает нужные мне схемы и варианты. Я очень верю Гипслису-теоретику, а это очень важно — верить.

Насколько это важно, я особенно хорошо чувствую в мужских турнирах, где мне несколько раз доводилось играть вместе с Гипслисом. Прежде в мужских турнирах особенности стиля, дебютный репертуар большинства соперников были мне неизвестны. А содружество с Гипслисом позволяет мне выходить из дебютной стадии с вполне благополучной позицией.

Гипслис в обращении на редкость спокойный, добродушный, мягкий человек (чего не подумаешь по его мужественной внешности!). Мне с ним всегда легко, просто. Не раз случалось, что в матчах и турнирах я «портила» заготовленные им варианты, играла не по его рекомендациям, причем исход иногда был фатальным. Гипслис в таких случаях ни единым словом не выражал своего неудовольствия, а только спокойно говорил: «Ну ничего, с кем не бывает. Главное — хорошо сыграть следующую партию». Как я мысленно всегда благодарила его за такую великодушную реакцию на мои промахи!

Казалось бы, не так уж это и трудно — не дать прорваться своему раздражению, но как много шахматисток страдают от того, что после поражения их ждет неприятный разговор с тренером или, в лучшем случае, его раздраженный взгляд. Легкий характер Гипслиса помогал не только мне, но и другим сильнейшим шахматисткам во время шахматных олимпиад.

Меня не раз спрашивали, а как же осуществляется наше содружество на таком расстоянии? Действительно,

определенные трудности есть. Но если пауза между нашей очередной встречей затягивается, Гипслис присылает мне различные материалы, а перед крупными соревнованиями мы встречаемся и корректируем его установки. Те трудности, которые при этом возникают, с лихвой компенсируются достоинствами Гипслиса, как шахматиста и человека.

Хотя Гипслис, как правило, играет в строго позиционном стиле, именно под его началом я научилась сознательно грешить против правил, о чем уже шла речь выше. Не скажу, чтобы Гипслис этого хотел, не скажу, чтобы и я специально к этому стремилась, но так получилось само собой, когда я глубже постигла законы позиционной игры. Со мной произошло нечто подобное тому, что происходит с опытным адвокатом: чем лучше он знает законы, тем искуснее находит способы защиты своих подопечных — не в обход закона, а благодаря более гибкому использованию заключенных в нем возможностей. Это был уже настоящий универсализм, который позволил мне не только несколько раз отстаивать чемпионский титул, но и более или менее удачно встречаться за доской с мужчинами-мастерами и даже гроссмейстерами.

Однако речь об этом впереди, а пока меня ждет турнир претенденток 1961 года в югославском городе Врнячка-Баня.

ХОРОШО БЫТЬ «ТЕМНОЙ ЛОШАДКОЙ»!

Когда в конце октября 1961 года на аэродроме в Белграде ко мне подскочил кто-то из журналистов и спросил, как я расцениваю свои шансы в начинающемся турнире претенденток, я несколько невпопад ответила: «Посмотрим!»

Наверное, это слово наиболее точно выражало мои мысли и соображения по поводу моих шансов. Не говоря о том, что это был мой первый турнир такого рода и первый зарубежный международный турнир вообще, я до той поры ни разу не выигрывала у двух из четырех опытных советских шахматисток, которые прилетели вместе со мной, — а это были такие сильные мастера, как Валентина Борисенко (до замужества — Белова) и Лариса Вольперт. Испытывала я большое уважение и к Кире Зворыкиной, игравшей за два года до того матч на первенство мира с Елизаветой Быковой, а также к Татьяне Затуловской. Проигрывала всем им не один раз.

А ведь были еще югославские шахматистки — знаменитая уже тогда Милунка Лазаревич, неоднократная чемпионка страны Вера Неделькович, занявшая на предыдущем турнире претенденток второе место, и другие одаренные мастера, об игре которых я имела отдаленное представление. Впрочем, и для некоторых из них я тоже была в некотором смысле загадкой, поэтому неудивительно, что в прессе меня окрестили «темной лошад-

кой». Фаворитами считали всех наших мастеров, а также югославских — Лазаревич и Неделькович.

Врнячка-Баня, где проходил турнир, расположена в центральной части Сербии, среди лесистых гор и альпийской природы. Чем-то этот курортный городок напоминает наш Боржоми, да и славится Врнячка-Баня тоже минеральными водами. В то время там было много отдыхающих, так что турнирный зал не пустовал, а так как шахматные любители, как и все прочие, имеют обыкновение «болеть» за молодых, я чувствовала себя в этой обстановке как нельзя лучше. Каждый день я играла в настольный теннис, побеждала всех, так что, помимо физической нагрузки, получала еще и заряд положительных эмоций.

В этом турнире была проведена так называемая принудительная жеребьевка, благодаря чему шахматистки из одной и той же страны должны были сыграть между собой в первых турах. У нас почему-то принято критиковать такой порядок, считая его оскорбительным для участников, мне же он кажется справедливым и естественным. Ведь если, допустим, две шахматистки одной страны встречаются в последнем туре, который одну из них может сделать победительницей отборочных соревнований, а для другой практически ничего не решает, то победа первой, даже если вторая и старалась изо всех сил, может вызвать у ближайшей соперницы или соперниц подозрение. И даже если оно совершенно неосновательно, все равно чувство горечи неизбежно останется как у самих неудачниц, так и у тех, кто оказался впереди. В то же время принудительная жеребьевка никому ущерба не наносит, так как все остаются в равных условиях.

Словом, получилось так, что в первых турах советские шахматистки встречались между собой. Я одна в этой «сестроубийственной войне» не участвовала, так как нас было нечетное количество, и именно мне выпало

по жребию играть в начале турнира с представительницами других стран. Тогда мне, рвавшейся в бой, казалось, что это не имеет значения, но сейчас я понимаю, что такая причуда жребия позволила мне акклиматизироваться в сложной обстановке ответственного соревнования, а тот запас очков, который я поднакопила к самым важным встречам, еще больше укрепил во мне уверенность в своих силах.

В первом туре я встретилась с полькой Конарковской. Обычно черными я играю сицилианскую защиту, но тут на ход королевской пешки ответила тем же. Скорее всего соперница этого не ожидала. Возникла испанская партия, и Конарковская начала готовить атаку на королевском фланге. Однако моему ферзю удалось совершить рейд по неприятельским тылам. Чтобы его осуществить, я нашла чисто позиционное решение. Благодаря этому черным не только удалось сорвать замысел белых, но и перехватить инициативу и самим начать победную атаку именно на том же королевском фланге. На 36-м ходу Конарковская сдалась.

Второе очко я добыла в партии с голландкой Хеемскерк. Она избрала защиту Каро — Канн, разыграла ее пассивно, и мне удалось выиграть ладью за легкую фигуру. Правда, при откладывании я записала не сильнейший ход, но все же после десятичасовой борьбы сломила сопротивление соперницы. Итак, два из двух. Но столько же имела и Лазаревич.

После двух туров происходило доигрывание, перед которым произошел забавный эпизод. Гроссмейстер Болеславский, тренер Зворыкиной, пошел в номер своей подопечной, чтобы проанализировать с ней отложенную позицию против Вольперт. По ошибке он открыл дверь комнаты Вольперт (та жила рядом) и, увидев на столе расставленные шахматы именно с этой позицией, спокойно уселся и стал рассматривать варианты. В этот момент в комнату вошла Вольперт, но, увидев тренера своей

противницы, решила, что ошиблась, и остановилась в дверях, собираясь было извиниться и выйти. Тут, однако, она увидела у кровати свои туфли.

— Что вы здесь делаете? — изумленно спросила она у поглощенного своим занятием гроссмейстера.

— Как что? Смотрю позицию, — невозмутимо ответил Болеславский, не поднимая головы.

Тут Вольперт начал душить смех, и проходившая мимо Зворыкина, которая уже полчаса искала пропавшего тренера, остановилась, заглянула в комнату и тоже начала хохотать...

В третьем туре пришла и моя очередь вступить в «междоусобную» борьбу. Черными я встречалась с Вольперт. Она почти всегда начинает партию ходом ферзевой пешки, я же на такой ход почти всегда избирала сложную и обоюдоострую староиндийскую защиту. Но на этот раз я применила принятый ферзевый гамбит — начало, которое больше любят шахматистки позиционного стиля, не чурающиеся защиты, так как в этом начале белые получают длительную инициативу. Соль варианта, однако, в том, что белым нельзя медлить, а надо сразу же действовать энергично.

По-видимому, для Вольперт мой выбор оказался сюрпризом. Во всяком случае дебют она разыгрывала неуверенно. Я очень быстро захватила инициативу и начала решительное наступление по всему фронту. Эта победа значила для меня многое. Я впервые в жизни выиграла у Вольперт, причем применила новый для себя дебют, ведущий чаще всего к позиционной игре. Итак, три из трех, но столько же имела и Лазаревич!

Следующей моей соперницей была Затуловская. В испанской партии она избрала сомнительный план, связанный с рокировкой в длинную сторону. Мне удалось вскрыть центр, а затем взломать ферзевый фланг, где укрылся черный король, и Затуловской пришлось сдаться.

После этой встречи я наконец-то стала единоличным лидером: Лазаревич в четвертом туре сыграла вничью. Лидерство я уже так и не уступала до конца турнира, хотя во второй его половине за мной в отчаянную погоню кинулась Борисенко.

В пятом туре я попала в трудную позицию во встрече со Зворыкиной, но сумела выпутаться и отвоевала пол-очка. Это была первая ничья, и в партии с такой сильной противницей ее никак нельзя было считать неудачей, тем более что Лазаревич — моя главная конкурентка на том этапе, потерпела поражение от Конарковской.

В следующем туре я была свободна (участниц было семнадцать), а в седьмом меня подстерегала Борисенко. Я не случайно говорю «подстерегала». Тогда Борисенко была, наверное, лучше всех в мире подготовлена теоретически. Против каждой противницы у нее был припасен «персональный» вариант. И на этот раз, когда я в сицилианской защите применила излюбленный Шишовым вариант с выпадом слона на поле b5, она отвечала не задумываясь. Но мы с Шишовым, конечно же, непросто пошли в расставленные сети. Неожиданно для соперницы я перевела партию в так называемый закрытый вариант сицилианской защиты, и партия пошла по иному, чем ожидала Борисенко, руслу. В середине игры я завязала очень острую борьбу, пожертвовала несколько пешек и получила опаснейшую атаку. Может быть, при точной защите черные и могли бы спастись, но Борисенко растерялась и просмотрела решающий комбинационный удар.

После этой победы — первой победы над Борисенко — меня начали осаждать любители автографов — первый признак того, что в меня поверили как в фаворитку турнира, — с репутацией «темной лошадки» было покончено...

Итак, с четырьмя советскими участницами я набрала

$3^1/_2$ очка из 4 — о большем нельзя было и мечтать, тем более что у двух я выиграла впервые в жизни. И все же, после того как в восьмом туре я сыграла вничью с Лейн и имела 6 очков из 7, успокаиваться было никак нельзя, ибо Лазаревич опять догнала меня (правда, она сыграла восемь партий)! Тем не менее в этот момент я уже верила в свою удачу и держала курс только на первое место.

После окончания турнира румынка Александра Николау, с которой я впоследствии очень подружилась, в ответ на вопрос корреспондентов, что ей больше всего понравилось в соревновании претенденток, ответила: «Интересная комбинационная игра Ноны». Наверное, это мнение возникло во многом благодаря нашей партии. После того как я позиционно переиграла ее, мне удалось нанести не очень сложный, но любопытный тактический удар.

А в десятом туре состоялась наконец встреча лидеров, которую с таким нетерпением ожидали югославские болельщики. Я уже рассказывала об этой партии, напомню только, что мы с Лазаревич сыграли по восемь партий, но у меня было 7 очков, а у нее 6. В двух следующих встречах я набрала полтора очка и после двенадцати туров имела $9^1/_2$ очков (из 11). Ближайшей ко мне была Борисенко, отставшая на два очка. В следующем туре мы обе выиграли, а в четырнадцатом туре я сделала ничью с Неделькович, Борисенко же вновь одержала победу — шестую подряд!

Между прочим, перед этой партией я вышла с Михаилом Васильевичем погулять в парк, что напротив гостиницы, и не нашла свою «любимую» зеленую скамейку. Пришлось сесть на «чужую» — желтую. Участницы потом шутили, что это Борисенко спрятала скамейку. Шутки шутками, но интервал сократился до полутора очков. И все же я была спокойна — оставалось всего

три тура, да и мои очередные противницы были не из самых сильных.

В пятнадцатом туре я едва не пострадала из-за энтузиазма болельщиков. В партии с румынкой Полихрониаде я пожертвовала пешку и начала опасную атаку, но затем упустила нить игры. В момент, когда у нас обеих оставалось не так уж много времени, я имела неосторожность выйти в фойе, где меня тут же окружили любители автографов. Я стала терпеливо расписываться, а на сцене в это время уже шли мои часы. Прибежавший Шишов помог мне вырваться из плена. Я вернулась взволнованная, но это не помешало мне увидеть ошибку соперницы, после чего комбинационный удар сразу решил исход партии.

Борисенко в этом туре закончила встречу вничью и заранее поздравила меня с победой: для первого места мне достаточно было в двух последних партиях набрать пол-очка. Хотя все шахматистки (и шахматисты тоже!) в той или иной степени суеверны, я приняла ее поздравление, так как, честно говоря, сомнений в успехе у меня уже не было.

Шестнадцатый, предпоследний тур решил все. Борисенко на 15-м ходу согласилась на ничью с Полихрониаде, показав тем самым, что простилась со всеми надеждами. Не видя, что эта партия закончилась, я продолжала играть с американкой Грессер, как вдруг меня стали поздравлять участницы. Поняв, в чем дело, я тут предложила Грессер ничью, которую она без раздумья приняла. Теперь я уже была недосягаема.

В итоге я набрала 13 очков из 16 — десять партий выиграла и шесть закончила вничью, не потерпев ни одного поражения. Второе место, отстав на два очка, заняла Борисенко, третьей была Зворыкина — 10 очков.

А теперь я приведу высказывания об игре победительницы, которые записал после турнира Шишов.

Главный судья турнира Захари Станчев (Болгария):

«Гаприндашвили играет с выдумкой, быстро ориентируется в неясных, сложных позициях и принимает неожиданные для соперниц решения. Нона несомненно талантлива, у нее бойцовский характер. Именно с упорными и решительными шахматистами, как Борисенко, Зворыкина, Недельковић, Вольперт, она проявила спортивный характер и творческое отношение к шахматам».

Ева Каракашне (Венгрия), участница турнира претенденток: «Нона рождена для шахмат. Она создала на этом турнире много интересных партий и окончаний. У нее крепкие нервы, она хорошо воспитана и почтительна в обращении с другими шахматистками. Своей игрой она превзойдет Веру Менчик».

Мастер Дьердь Силади (Венгрия): «Удивительно, что Нона Гаприндашвили достигла такой силы в двадцать лет».

Игорь Бондаревский, гроссмейстер: «Преимущество Ноны заключается в том, что она конкретно мыслит, играет легко, без цейтнотов. Лучшими ее достижениями считаю окончание с Лазаревич и партии с Борисенко, Вольперт и Николау».

Мастер Драголюб Чирич (Югославия): «Думаю, что через несколько лет Нона станет второй Верой Менчик. Она была сильнее остальных и выиграла заслуженно. Нона скоро сможет играть в мужских турнирах. Когда мы с ней сидели в зале, я убедился, что она мастерски разбирается во всех нюансах позиции».

Вера Недельковић (Югославия): «Нона играла великолепно. В позиционной борьбе разбиралась хорошо, но особенно была сильна в тактике. Она спокойна, играет собранно, целеустремленно, ни в одной партии Нона не стояла на проигрыш».

Мастер Драголюб Минич (Югославия): «Нона классом выше своих соперниц. Все стадии партии она играет

мастерски, хорошо атакует, в нужный момент чувствует опасность и предупреждает ее. Выделяется выдержкой, выносливостью».

Дорогой читатель! Надеюсь, вы понимаете, что я привожу эти лестные для меня комментарии исключительно для того, чтобы объяснить, как, благодаря чему удалось мне опередить столько прославленных шахматисток. В подтверждение этого приведу здесь оценку моей тогдашней игры, которую дал известный мастер Александр Маркович Константинопольский, советами которого я пользовалась пятнадцать лет. Проработав два десятка лет тренером женской сборной команды СССР, Константинопольский был рядом со мной на олимпиадах, всегда с пониманием относился ко мне во время подготовки к матчам.

Словом, Александр Маркович друг, и этим все сказано. Так вот, Константинопольский дал тогда более трезвую и более реалистическую оценку моей игры. Сказано это было не для печати, а так сказать, для внутреннего пользования, но именно поэтому, как мне кажется, эта оценка заслуживает особого доверия.

Итак: «Нону Гаприндашвили привлекает в шахматах спортивный дух, дух борьбы. Даже в пинг-понг она играет агрессивно, в атакующем стиле. Недостаток многих шахматисток — в пассивности, осторожности. Свойственная женщинам мягкость сказывается и на игре, в частности, в готовности согласиться на ничью в позиции, где еще можно играть и играть. Нона же дерется до конца. На финише турнира, когда ее вполне устраивали ничьи, она играла на выигрыш.

Главная ее особенность — это неустанное стремление к инициативе. В этом смысле на нее похожа только Татьяна Затуловская. Нона старается захватить инициативу даже в худших позициях, когда впору думать о спасении. И хотя объективно говоря, такое стремление является ошибкой, многие ее противницы не выдержи-

вают давления и допускают промахи, как это случилось, например, с Полихрониаде в пятнадцатом туре.

В попытках обострить игру и навязать свою волю Гаприндашвили иногда создает слабости в своей позиции, не понимая всей серьезности и опасности этого. Но противницы не настолько дальнозорки тактически, чтобы эти слабости использовать. Кроме того, они в таких случаях думают не столько о контратаке, сколько о защите. Именно так случилось в партии Гаприндашвили — Борисенко, где жертвы пешек со стороны белых были позиционно необоснованны, но, разгадав несколько ловушек, Борисенко все же попалась в очередную и вынуждена была сдаться.

Вообще говоря, и в стратегии, и в ведении позиционной борьбы, и в разыгрывании окончаний у молодой претендентки нет еще достаточного опыта. Отчасти этим объясняется, что Нона несколько переоценивает значение динамики шахматной борьбы, проявляет неуважительное отношение к позиционным слабостям.

Правда, все это пока в значительной мере окупается мужскими чертами ее стиля. Нона Гаприндашвили всегда помнит, что на доске есть король и что конечная цель игры — дать этому королю мат. Она почти всегда предпочтет верной атаке на ферзевом фланге не очень верную атаку на королевском. Что это — достоинство или недостаток? Скорее второе, но этот недостаток пока позволяет ей одерживать победы. Со временем, однако, Ноне придется привести эти свои особенности в гармоническое равновесие, и тогда она станет выдающимся мастером».

Оценка Константинопольского, учитывая хвалебный тон прессы, была для меня особенно полезна. В двадцать лет голова легко кружится от похвал. Поэтому Михаил Васильевич был очень рад, познакомившись с такой точкой зрения столь опытного эксперта. Тем более что она полностью совпала с его собственным мнением. Да я и

сама понимала, что моя эффектная победа в соревновании претенденток таит под собой и опасность — если не зазнайства, это мне, смею думать, не грозило, — то недопонимания некоторых дефектов моего стиля. Действительно, в стратегической борьбе, в разыгрывании окончаний, в умении терпеливо маневрировать я была все еще очень далека от совершенства, а ведь мне предстояло встретиться с шахматисткой, которая именно в этих аспектах борьбы была особенно сильна, опытна и изощренна.

Но прежде чем перейти к рассказу о матче с чемпионкой мира Елизаветой Быковой, я хочу поближе познакомить вас с теми, кто находился на шахматном троне до нее, а также предпринимал попытки завладеть шахматной короной. Это необходимо сделать здесь еще и потому, что моя победа в турнире претенденток 1961 года, как потом стало очевидным, положила конец притязаниям шахматисток старшего поколения. Отныне решающую роль в соревнованиях претенденток отвоевала себе молодежь. Но было бы в высшей степени несправедливым забыть, как много сделали для развития женских шахмат и в нашей стране, и во всем мире такие одаренные мастера, как Людмила Руденко, Ольга Рубцова, Валентина Борисенко, Кира Зворыкина, Лариса Вольперт. Именно эта плеяда, а также, разумеется, Елизавета Быкова, способствовала тому, что интерес и уважение к женским шахматам, пусть медленно, но неуклонно росли во многих странах, не говоря о Советском Союзе.

НИЗКИЙ ПОКЛОН ВЕТЕРАНАМ

Первая чемпионка мира чехословацкая шахматистка Вера Менчик трагически погибла 27 июня 1944 года во время воздушного налета на Лондон. После того как в марте 1946 года в Португалии внезапно скончался Александр Алехин, создалась необычная ситуация — впервые шахматный мир остался без чемпионов.

Мужчины решили свои проблемы в конце 1947 — начале 1948 годов, когда в матч-турнире пяти сильнейших гроссмейстеров мира Михаил Моисеевич Ботвинник доказал свое превосходство. Женщины определили сильнейшую чуть позже. В декабре 1949 года в Москве состоялось открытие мирового чемпионата, в котором приняли участие шестнадцать шахматисток из двенадцати стран, а в январе 1950 года лавровым венком была увенчана вторая чемпионка мира Людмила Владимировна Руденко.

Руденко очень много сделала для популяризации женских шахмат. Начав выступать еще в 1926 году, она принимала участие во множестве различных соревнований. Только в чемпионатах СССР Руденко начиная с 1927 года участвовала семнадцать раз, причем пропустила лишь один! Я встречалась с Руденко, когда она уже по возрасту не могла оспаривать мировое первенство. Тем не менее в отдельных партиях она и тогда еще могла блеснуть красивой игрой.

Руденко была наиболее сильна в тактической игре.

Руденко очень одарена от природы, но, поскольку свои первые шаги в шахматах она делала еще до революции, ей не удалось получить такую школу, какую получили шахматистки более поздних поколений, поэтому неудивительно, что в позиционном понимании, в некоторых стадиях борьбы Руденко уступала своим соперницам. Каким же талантом она должна была обладать, чтобы при этом одержать заслуженную победу в чемпионате мира!

Руденко типичный импровизатор. Она не упускает комбинационных возможностей и смело идет на обострения. Руденко хорошо считает варианты, и ее готовность к атаке в любой момент обескураживала многих соперниц. Именно поэтому Руденко была особенно сильна в турнирах со смешанным составом.

В чемпионате мира решающей, по существу, оказалась встреча Людмилы Руденко с другой талантливой советской шахматисткой Ольгой Рубцовой. Выиграв эту встречу в одиннадцатом туре, Руденко перехватила лидерство у соперницы (от которой до этого отставала на пол-очка) и не уступала его до конца турнира. В итоге Руденко набрала $11\frac{1}{2}$ очков из 15. Второй, отстав на очко, была Рубцова.

Чемпионат мира 1949—1950 годов был наивысшим взлетом в шахматной карьере Руденко. В 1953 году она уступила свой титул Елизавете Быковой, которая победила в матче со счетом 8 : 6. С моей точки зрения, по дарованию Руденко выше Быковой, однако результат матча был вполне закономерен, ибо Быкова безусловно превосходила свою противницу столь важными в матчевом состязании бойцовскими качествами, а кроме того, сумела навязать Руденко выгодную для себя позиционную борьбу.

Неудачно закончился для Руденко и матч-турнир на первенство мира в 1956 году, где играли также чемпионка мира Быкова и победительница турнира претенденток

Рубцова. Но не забудем, что в том турнире Руденко выступала уже в 52-летнем возрасте, когда ей трудно было выдерживать напряжение борьбы.

И, будучи чемпионкой мира и став потом экс-чемпионкой, Людмила Владимировна с удовольствием выступала в самых различных соревнованиях, вплоть до чемпионатов отдельных республик, отнюдь не беспокоясь о том, что это может нанести ущерб ее престижу. Общение с ней было для многих молодых шахматисток необычайно плодотворным. Когда, в частности, я, совсем еще зеленая шахматистка, встретила экс-чемпионку мира на командных соревнованиях, я была польщена тем, как мило и просто она себя держала со мной и другими юными участницами, а ее любовь к шахматам, которую она не могла бы скрыть, даже если бы захотела это, вызывала во мне волну симпатии.

Елизавета Ивановна Быкова, которая стала третьей чемпионкой мира, шахматистка совершенно иного стиля и характера. В отличие от эмоциональной Руденко, у которой многое зависело от настроения, от того, соответствует ли создавшаяся позиция ее вкусам, Быкова отличается редким хладнокровием, терпением, упорством. Она тоже, конечно, питает пристрастие к позициям определенного типа, в частности, таким, где можно оказывать на соперницу непрерывное давление, не рискуя при этом проиграть. В такой игре Быкова очень сильна, и тем, кто попадал под ее позиционный пресс, приходилось несладко. Быкова, повторяю, очень терпелива. Поэтому она никогда не спешила, не суетилась, как это делают иногда некоторые шахматистки, а медленно, но верно затягивала петлю.

В отличие от некоторых других шахматисток своего поколения Елизавета Быкова специально готовилась к встречам со своими соперницами, стараясь к каждой подобрать психологический ключик. С шахматистками острого комбинационного стиля она стремилась избирать

схемы, которые приводили к упрощениям, после чего партия быстро скатывалась в эндшпиль. А в этой стадии борьбы, как и вообще в разыгрывании простых позиций, Быкова превосходила всех.

И наконец, одна из главных особенностей Елизаветы Ивановны, вытекающая из ее характера, — это умение терпеливо выжидать. Она играет в очень своеобразной, выжидательной манере. Шахматистки в шутку объясняли, как Быкова выигрывает свои партии: она делает рокировку, а потом ходит королем с поля g1 на поле h1 и обратно, выжидая, пока противница допустит ошибку.

В сущности, нечто подобное действительно происходило, только Быкова, конечно, ходила не королем с места на место, а маневрировала фигурами в глубоком тылу, выжидая, пока противница, усыпленная этими безвредными с виду передвижениями, слишком резко рванется на том или ином фланге и создаст у себя позиционные слабости. И тогда наступала расплата. А наказывать за позиционные ошибки Быкова умела превосходно.

Елизавета Ивановна выделялась колоссальным трудолюбием. Она много работала над своим совершенствованием, над изучением дебютной теории, эндшпиля и весьма преуспела в этом. В ее партиях мало эффектных комбинаций, ярких замыслов, и это создает коварную иллюзию того, что с Быковой можно позволить себе пойти на определенный риск. Но очень многие шахматистки пострадали от того, что несколько недооценивали особое дарование Елизаветы Ивановны, ее позиционное искусство, ее специфическую зоркость, позволяющую ей мгновенно видеть промахи соперницы.

Ко всему этому Быкова обладает фантастическим упорством, она не сдается даже в безнадежных позициях, выискивает малейшие возможности, чтобы осложнить задачу соперницы, и, случается, спасает иногда при этом пол-очка. В таких случаях она всегда открыто ра-

дуется, даже иногда посмеиваясь над соперницей, так как видит в этом не причуду фортуны, а справедливую награду за свое упорство.

Я считаю, что мне удалось сравнительно легко выиграть матч у Быковой еще и потому, что мы с Михаилом Васильевичем Шишовым полностью отдавали себе отчет в том, какая это сильная противница, особенно в матчевой борьбе. Хотя Быковой удавалось не раз побеждать в чемпионатах Советского Союза, а также занять первое место в турнире претенденток в 1952 году, я все же думаю, что благодаря свойствам своего шахматного стиля и человеческого характера Быкова была особенно сильна не в турнирной, а в матчевой борьбе. В 1953 году она выиграла матч у Людмилы Руденко.

Спустя три года в восьмикруговом матч-турнире трех Быкова уступила свое звание Ольге Рубцовой, которая, набрав 10 очков, опередила Быкову на пол-очка (третьей с $4^1/_2$ очками была Руденко). Правда, в состоявшемся в 1958 году матч-реванше Быкова вернула свой титул, одержав над Рубцовой убедительную победу — $8^1/_2 : 5^1/_2$. В следующем году Быкова победила очередную претендентку Киру Алексеевну Зворыкину с еще более внушительным перевесом — $8^1/_2 : 4^1/_2$.

Елизавета Ивановна Быкова сделала очень много для развития женского шахматного движения. Это по ее инициативе шахматистки в годы Отечественной войны выступали в госпиталях с лекциями и беседами, давали сеансы одновременной игры. Ей принадлежит ряд книг, в том числе большой труд о советских шахматистках, а также интересное исследование о жизни и творчестве Веры Менчик.

Четвертая чемпионка мира Ольга Николаевна Рубцова, как и ее предшественницы, фанатично предана шахматам. Она выросла в семье, где любили шахматы, Рубцова вышла замуж за шахматного мастера А. Б. Поляка, а ее дочь Елена Фаталибекова уже в 17 лет вы-

ступала в первенстве страны, а затем и в турнире претенденток. В 1974 году Лена стала чемпионкой СССР.

Ольга Николаевна установила своеобразный рекорд — она 19 раз выступала в чемпионатах СССР, причем пять раз становилась первой! Кстати сказать, Рубцова была первой чемпионкой СССР — это звание она завоевала в 1927 году. В последний раз она приняла участие в чемпионате страны в 1965 году в возрасте 54 лет, на протяжении ряда туров лидировала, и только усталость помешала ей удержаться на завоеванных рубежах. Ольга Рубцова участвовала в чемпионате мира 1949—1950 годов, где заняла второе место, в трех турнирах претенденток и, как мы уже знаем, в матч-турнире трех, а также играла матч с Быковой. Вместе с Кирой Зворыкиной Рубцова участвовала в 1957 году в первой женской олимпиаде, где команда СССР одержала победу.

Убедившись, что ей уже трудно выступать в турнирах, Ольга Николаевна переключилась на игру по переписке, которая, кстати сказать становится среди женщин все более популярной, и в 1972 году стала чемпионкой мира в этом виде шахматных соревнований.

Ольга Николаевна очень одаренная шахматистка. Хотя она обладает хорошим позиционным чутьем, а все же ее родная стихия — острокомбинационная игра, в чем у нее в ее лучшие годы не было равных. Я бы даже назвала Рубцову шахматисткой несколько романтичного склада. Как и Руденко, она не любит позиционную игру, а предпочитает фигурные сражения, причем старается создать атаку любой ценой, даже если это наносит явный ущерб ее позиции.

Ольга Николаевна обаятельный человек, с ней приятно играть и даже... проигрывать ей. В чемпионате страны 1964 года, проходившем в Тбилиси, я во встрече с ней потерпела поражение и не испытала при этом никакой горечи, так корректно и мило она себя держала.

С возрастом к шахматистам, а особенно к шахматисткам, приходит осторожность, стремление обезопасить свои укрепления. У шахматисток типа Рубцовой такая эволюция стиля бывает связана еще и с тем, что с годами способность к счету вариантов обычно снижается. С Рубцовой этого не произошло, она навсегда осталась верна своим идеалам и принципам. Поэтому в моих глазах Ольга Николаевна Рубцова всегда была и продолжает оставаться образцом преданного служения шахматному искусству, бесстрашным бойцом, смело идущим на риск, на жертвы во имя атаки.

В отличие от Руденко и Рубцовой, которые в шахматах являются в основном импровизаторами, делают упор на середину игры, три другие выдающиеся советские шахматистки — Валентина Михайловна Борисенко (Белова). Кира Алексеевна Зворыкина и Лариса Ильинична Вольперт прошли хорошую школу, изучили дебютную теорию, вообще были всесторонне подготовлены к ведению шахматной борьбы. Зворыкина, например, занималась у такого замечательного педагога, как Петр Арсеньевич Романовский, Вольперт постигала шахматную премудрость в Ленинградском Дворце пионеров, где ей многое дал известный тренер Владимир Григорьевич Зак.

Валентина Борисенко — одна из наиболее ярких и своеобразных шахматисток, каких я когда-либо встречала. Как правило, все те, кто познал горьковатую сладость шахматных побед, остается верен этой игре навсегда. Но никто, наверное, не любит шахматы такой беззаветной, самоотверженной любовью, как Борисенко. Шахматы значат для нее в жизни все, и это несмотря на то, что Валентина Михайловна необычайно интересуется искусством; находясь за рубежом, проявляет огромный интерес к быту и нравам людей, жадно читает. Но все ее интересы безропотно отступают перед неистовой любовью к шахматам.

Ее муж — известный мастер Георгий Константинович Борисенко считается одним из крупнейших теоретиков. Его эрудиция поразительна, он мог бы сделать себе карьеру как тренер, но Борисенко сопровождает свою жену на многие турниры, а если и остается дома, то жена каждый вечер ему звонит. Насколько могу судить, это очень счастливая пара: редко можно встретить супругов, которые были бы так связаны общими интересами.

Однажды в юные годы я играла в Свердловске в полуфинале чемпионата страны. В то время действовало странное правило, по которому женщины должны были выступать без тренеров. Так как я тогда была еще, по существу, девочкой и не имела не только турнирного, но и жизненного опыта, Шишов попросил Георгия Константиновича помогать мне в трудных случаях. Я отложила одну из партий в очень сложном окончании, и Борисенко пригласили меня к себе.

Боже, что я увидела в их квартире! Это было что-то среднее между шахматным музеем и шахматной библиотекой. На стеллажах во всю стену — шахматные книги, на столе, на стульях, на тумбочках — шахматные бюллетени, журналы и те же книги. Такого обилия шахматных книг я не видела ни до тех пор, ни потом. А на свободных местах стен — огромные плакаты, на которых крупными буквами начертаны заповеди. Например: «На e4—c5, на 2. Kf3 — e6!» И все это раскрашено разными красками — для большей наглядности и лучшего запоминания.

Подозреваю, что быт у Валентины Михайловны и Георгия Константиновича не очень устроен, мода их вряд ли интересует, питаются они так, чтобы тратить на приготовление еды как можно меньше времени, и при всем этом они по-настоящему счастливы, живут взаимными интересами, понимают друг друга с полуслова.

В тот раз, когда я расставила на доске свою пози-

цию, супруги, едва взглянув на нее, быстро переглянулись. У Георгия Константиновича заблестели глаза, он с улыбкой посмотрел на жену: «Валя, ты помнишь?» Она с живостью ответила: «Конечно!» После этого они бросились к полке, схватили какую-то книгу, торопливо перелистали ее, и через несколько минут на другой доске стояла похожая позиция из какой-то партии, причем приведенный в книге анализ той позиции очень пригодился при разборе моей.

С супругами Борисенко связано немало забавных и в то же время трогательных историй. Во время турнира претенденток 1964 года в Сухуми я приехала туда отдохнуть, повидать приятельниц, немножко окунуться в атмосферу международного турнира, а заодно, не скрываю, и присмотреться к игре будущей противницы. Со мной был один из братьев — Мурад. Как-то он пришел около полуночи. Смотрю — улыбается. В чем дело? Мурад рассказал: «Гуляю по набережной и вижу — стоит под фонарем пара, склонились друг к другу, что-то разглядывают. Подошел ближе: это, оказывается, Борисенко изучают на карманных шахматах какую-то позицию...»

Однажды Валентина Михайловна и Георгий Константинович раскритиковали меня. Мы вместе находились на тренировочном сборе в подмосковном доме отдыха «Покровское» перед турниром претенденток 1961 года. В свободные часы я убегала с Таней Затуловской и другими девушками поиграть в волейбол, бильярд, настольный теннис, просто побродить. Супруги Борисенко же гуляли с карманными шахматами в руках. Как-то я наткнулась на них, и мне был устроен экзамен по истории шахмат. Увы, на многие вопросы я не смогла ответить.

И они стали корить меня за то, что я так безжалостно трачу драгоценное время, которое можно отдать шахматам. Когда я стала оправдываться тем, что нужны ведь

и отдых, отключение от шахмат, а также физическая подготовка, они только снисходительно улыбнулись и махнули рукой — дескать, что с нее возьмешь: молодо-зелено...

Валентина Михайловна играет в классическом позиционно-активном стиле. С ее энциклопедическими познаниями она очень сильна в дебюте, поэтому подготовка ко встрече с ней — это всегда проблема. Если ей удается создать в дебюте знакомую схему, она ведет середину партии уверенно и решительно. Но, как мне кажется, Борисенко придает дебютной стадии слишком большое значение. Иногда в начале партии, наткнувшись на редкий вариант, она вдруг отрывает взгляд от доски и смотрит куда-то вверх, стараясь вспомнить, как надо в данной позиции играть.

Будучи одаренной шахматисткой, Борисенко, как мне кажется, несколько заглушила свой талант чрезмерным увлечением теорией. Шахматы, как известно, своеобразный опыт, в котором творческое начало играет огромную роль. Борисенко же придает слишком большое значение элементам науки в шахматах. В этом ее сила, в этом и ее слабость.

Борисенко в 1940 году стала чемпионкой Ленинграда. В год окончания войны она заняла первое место в чемпионате СССР и с тех пор на протяжении нескольких десятилетий была одной из сильнейших шахматисток мира. В тренировочном матч-турнире, состоявшемся в 1950 году, Борисенко заняла первое место, опередив (на два очка) тогдашнюю чемпионку мира Руденко и будущих чемпионок — Быкову (на три очка) и Рубцову (на пять очков!). В чемпионате мира 1950 года она разделила 3—4-е места с Быковой, очень успешно выступала в турнирах претенденток.

Но самое крупное ее достижение в соревнованиях на первенство мира — это второе место в турнире претенденток 1961 года. С каким мужеством боролась тогда

Валентина Михайловна за первое место, с каким упрямством догоняла лидера!

В шахматах, по моему убеждению, не бывает случайностей. И все же я считаю несправедливым, что Валентине Михайловне так и не удалось сыграть матч на первенство мира. Ей не повезло в том, что именно тогда, когда она все поставила на карту, когда была особенно хорошо подготовлена к турниру претенденток и находилась в наилучшей спортивной форме, на мировую арену вышла я и не дала ей возможности осуществить мечту всей ее жизни.

С годами Борисенко утратила свою былую силу. Ее дебютная эрудиция, позиционное понимание, может быть, даже выросли, но она стала уставать, утратила уверенность в себе, начала попадать в цейтноты. Но хотя ухудшились результаты, а затем и изменились калибры соревнований, Валентина Михайловна по-прежнему с упоением играет в турнирах, а ее муж и тренер по-прежнему сидит в зале, приносит ей термос с горячим чаем и переживает за жену, а сразу же после партии садится вместе с ней анализировать ход борьбы и комментирует ее удачные замыслы и ошибки.

Борисенко стала менее спокойна, чем прежде, неудачи заметно нервируют ее, но она не испытывает разочарования в шахматах и по-прежнему находит в них творческое удовлетворение, радость и смысл существования. И она и ее муж играют, между прочим, и в турнирах по переписке, и это тоже доставляет обоим творческие радости.

Мне хотелось бы добавить, что Борисенко исключительно корректная и приятная партнерша. Она, например, очень ценит, когда соперница, отложив партию в безнадежной позиции, не тянет бессмысленное сопротивление, а капитулирует без игры. В таких случаях Валентина Михайловна сердечно благодарит соперницу за то, что та позволила ей сберечь силы для следующей

партии. Излишне говорить, что и сама она никогда не приносит своим противницам лишних забот.

Борисенко часто и небезуспешно выступала в мужских турнирах. Она убеждена, что наступит время, когда женщины сравняются силой с мужчинами в шахматной игре. Она не скрывает своей радости всякий раз, когда кто-либо из женщин выигрывает у мужчин. Тут мы с ней полные единомышленницы. На редкость трудолюбивая, безукоризненно корректная, фанатично преданная любимому шахматному искусству, Валентина Михайловна своим творчеством и человеческим обликом оказала большое влияние на многих молодых шахматисток.

Кира Алексеевна Зворыкина в пятидесятые годы была одной из сильнейших шахматисток мира. Трижды она становилась чемпионкой СССР, дважды делила первое место в чемпионатах страны. Пять раз начиная с 1952 года выступала в турнирах претенденток, причем каждый раз занимала высокие места, а в 1959 году оказалась первой и стала моей предшественницей по матчу с Быковой. В последний раз Зворыкина выступила в турнире претенденток в 1964 году, где разделила 4—5-е места. Зворыкина участвовала в двух первых женских олимпиадах — в 1957 и 1963 годах, причем в первой показала лучший результат среди всех участниц, а в ходе второй потеряла только пол-очка.

У Зворыкиной после того, как она переехала в Минск, тренером долгое время был гроссмейстер Исаак Ефремович Болеславский. Неудивительно поэтому, что Зворыкина отличалась тонким пониманием шахмат, хорошим позиционным чутьем, умелым разыгрыванием эндшпиля. Но все же не эти качества составляют ее шахматную изюминку.

Кира Алексеевна — человек редкой энергии, у нее сильный, динамичный характер. И в жизни, и в шахматах она любит руководить, командовать, управлять. Инициатива, активность, напор — вот к чему она стре-

мится буквально в каждой встрече за доской. Само собой разумеется, что при такой манере она особенно опасна в острой атаке. Зворыкину не пугает риск, может быть, он даже манит ее. Ради атаки на короля эта агрессивная шахматистка не останавливается ни перед чем.

Хотя Зворыкина сильна в теории, у нее нет заученных схем, которым бы она неукоснительно следовала, чем иногда грешила Борисенко. Шахматистка разносторонняя, Зворыкина особенно сильна в середине игры, где смело импровизирует и экспериментирует.

Ее бойцовский нрав оказывается не только в стремлении к захвату инициативы. Зворыкина не любит ничьих и соглашается на них только тогда, когда воевать уже попросту нечем. В этом она отличается от многих других шахматисток.

Зворыкина бывает иногда резкой не только за шахматной доской. Дипломат из нее, надо прямо сказать, никудышный. Но резкость Киры Алексеевны объясняется прямотой ее души. Поэтому те, кто хорошо ее знает, никогда на нее не обижаются. Тем более что категоричность тона прекрасным образом уживается у нее с чувством юмора. Даже за грузинским столом, где трудно кого-нибудь удивить метким словом, Кира Алексеевна имеет успех, и на банкетах, завершающих турниры, ее всегда просят выступить.

Чувство юмора не отказывает ей в любых ситуациях. Элисо Какабадзе рассказывала, как она на одном из сборов жила вместе с Зворыкиной в подмосковном доме отдыха. Поздно вечером кто-то из отдыхающих по ошибке полез к ним в окно. Зворыкина уже спала, а Какабадзе заметалась по комнате с криком: «Мужчина! К нам лезет мужчина!» Едва приоткрыв спросонья глаза, Зворыкина сказала: «Мужчина? Открывай окно!»

Кира Алексеевна всегда восхищала меня своим оптимизмом, молодостью души. С ней очень приятно играть вместе в турнире: она как никто умеет отвлечь от тур-

нирных забот и неприятностей. Она и сама смешлива, и других умеет рассмешить.

В 1974 году во время проходившего в Тбилиси чемпионата страны один из журналистов написал, что 54-летняя Зворыкина играет с молодым задором. Наивный, он думал, что сделал ей комплимент! Но, как известно, женщины разговоров на тему, связанную с возрастом, не любят. Зворыкина встретила этого журналиста злая и без тени улыбки сказала: «Вы отбили от меня всех поклонников — теперь вам самому придется ухаживать за мной!» Как видите, юмор выручает ее даже тогда, когда она по-настоящему сердится.

Кира Алексеевна относится к числу тех счастливых натур, которые не поддаются возрасту. На турнирах она с удовольствием играет с молодыми участницами в волейбол, в бильярд. В ней кипит спортивный дух: она занимается у себя дома в группе здоровья, бегает, плавает, играет в волейбол, любит смотреть спортивные состязания. Зворыкина и в молодые годы придавала большое значение физической подготовленности, а сейчас она просто служит для всех нас примером, достойным всяческого подражания. Во многом благодаря своему физическому состоянию, бодрости духа Кира Алексеевна успешно выступает в различных турнирах, и, если ей удается получить позицию по вкусу, сопернице можно не завидовать.

Из прославленной плеяды тех представительниц старшего поколения кто был, а кто по своему дарованию и мастерству мог стать чемпионкой мира, мне остается назвать Ларису Ильиничну Вольперт. Она трижды становилась чемпионкой СССР, неоднократно занимала призовые места. В турнире претенденток 1959 года она всего на пол-очка отстала от победительницы — Рубцовой, а в следующем соревновании такого рода заняла третье место.

Ларису Вольперт, помимо яркого дарования, отличает

необычайно серьезное отношение к шахматам, как и вообще ко всему в жизни. Она подлинно универсальный боец, играет в классическом стиле с некоторым, правда, упором на позиционное маневрирование. Я бы сказала так — это шахматистка активного стиля, но она «уважает» позицию.

Владимир Григорьевич Зак, ее шахматный учитель, дал Ларисе Ильиничне хорошую школу. Она чувствует себя уверенно в любой стадии борьбы, хотя и питает пристрастие к определенным позициям, именно таким, где имеет пусть небольшой, но прочный позиционный перевес. Позиционный зажим по всем правилам — это всегда было ее самым сильным оружием. Если уж соперница давала ей такой шанс, Вольперт не упускала его никогда. Вот почему, кстати, Вольперт долгое время была для меня трудной партнершей, у которой я сумела выиграть лишь в турнире претенденток 1961 года, после нескольких весьма неудачных попыток. Лариса Ильинична очень искусно пользовалась моими тогдашними позиционными промахами и строго наказывала как за них, так и за неуважительное отношение к позиционной борьбе вообще.

В отличие от многих шахматисток, которых во время партии может отвлечь все, вплоть до фасона платья той или иной участницы турнира, Вольперт умеет полностью отключаться от всего, что не имеет касательства к игре. Заткнув уши пальцами, чтобы не слышать даже шепота, каким переговариваются зрители, Вольперт погружается в борьбу, целиком сосредоточившись на партии.

И все же при всем своем умении сосредоточиться, настроиться на нужную волну, Вольперт во время турниров нервничала, плохо спала, болезненно переносила поражения. Проиграв, она должна была одну-две встречи закончить вничью, чтобы прийти в себя и вновь включиться в борьбу за призовое место.

Ларисе Ильиничне в шахматах, как, может быть, и

в жизни вообще, свойствен некоторый рационализм. Она филолог, защитила кандидатскую диссертацию. У нее и к шахматам в определенном смысле был научный подход. Вольперт, например, во время соревнований неизменно соблюдала строгий режим — вовремя ложилась спать, даже если бывали отложенные партии, вовремя ела. Все, все она делала серьезно. Отложенные партии изучала досконально, при доигрывании всегда демонстрировала глубокий анализ.

Вольперт очень приветлива, всегда улыбается, но с ней во время игры надо держать себя настороже. Она очень спортивная, упорная, может держать позицию, как говорят, на одном характере. Если она предлагает ничью, надо хорошо проверить позицию, потому что Вольперт может пойти на такой шаг, почувствовав приближение опасности, о которой партнерша не подозревает. В этом тоже сказывается ее практичность: риска эта шахматистка не любит.

Лариса Ильинична долго и тщетно пыталась примирить шахматы со своей научной деятельностью. По-видимому, она верила, что сможет, всерьез занимаясь наукой, реально бороться за корону чемпионки мира. Когда же в турнире претенденток 1961 года она разделила 7—9-е места, впервые оказавшись так далеко от призовых мест, Вольперт поняла, что уже не будет в шахматах первой, и сделала окончательный выбор в пользу филологии.

Надеюсь, что читатель поймет меня правильно, если я выскажу здесь предположение, что на решение Вольперт повлияло то обстоятельство, что именно я, совсем еще молодая шахматистка, была первой, да еще с отрывом от блестяще игравшей Борисенко в два очка. Если до тех пор Вольперт, которая была моложе сильнейших советских шахматисток, могла ждать и надеяться, что пробьет ее час, то теперь, особенно после того, как я выиграла матч у Быковой, ситуация стала совершенно

иной. И гордая, самолюбивая Вольперт приняла свое мужественное решение.

Сейчас Лариса Ильинична в одном из вузов читает лекции на французском языке. Как ее бывшая соперница, многому у нее научившаяся, как женщина я горжусь тем, что Вольперт стала серьезным ученым, добилась самоутверждения в сфере филологии. Как чемпионка мира я грущу по поводу того, что эта выдающаяся шахматистка рано покинула шахматную сцену, не сумев, как мне кажется, полностью раскрыть себя.

...Итак, победа двадцатилетней шахматистки в турнире претенденток означала не только то, что впервые оспаривать шахматную корону будет новое лицо, во всяком случае не из круга тех, кто непрерывно участвовал в «дворцовых переворотах» на протяжении двух десятков лет. Мой успех в турнире претенденток как бы подводил черту под длительным и триумфальным периодом господства представительниц послевоенного поколения.

Тот факт, что в моей игре были еще более или менее очевидные уязвимые места, странным образом лишь подчеркивал характер ситуации. Было ясно, что я смогу еще долго совершенствоваться не только в позиционном понимании, но и во всех остальных аспектах шахмат. Это означало, что рассчитывать на непосредственное участие в борьбе за мировое первенство шахматисткам старшего поколения уже не придется.

Разумеется, тогда я совершенно не задумывалась над этим — молодость, увы, эгоистична, она не жалеет, правда, себя, но и не отягощает себя мыслями по поводу судьбы тех, кто уступает ей место. Сейчас, став старше и умудреннее жизненным опытом, я понимаю, что значил мой приход для целой плеяды прославленных шахматисток. Наверное, уже турнир претенденток дал им понять, что произошло, а матч с Елизаветой Быковой и вовсе не оставил никаких надежд.

Для некоторых, как, например, для Борисенко и Воль-

перт, которые, так и не вкусив сладость чемпионского звания, имели основания рассчитывать на осуществление поставленной цели, это было трагедией. Тем приятнее мне здесь подчеркнуть, что беззаветная любовь к шахматам как искусству и спорту помогла им сравнительно спокойно отойти на второй план. Так ведь, наверное, бывает и в театре, когда актриса, игравшая героинь, потом переходит на другие амплуа и находит в них не меньшее, а иногда и большее творческое удовлетворение.

Только самолюбивая Вольперт, как вы уже знаете, не пожелала примириться с новой обстановкой и оставила шахматы ради другого поприща. Все остальные шахматистки, игнорируя соображения престижа, продолжают жить в родной шахматной стихии. Рубцова находит радость в игре по переписке; Зворыкина, продолжая не без успеха выступать, уступила требованиям своей властной натуры и нашла себя в судействе; Быкова стала собирать материалы по истории женских шахмат и обнаружила, говорят, прелюбопытнейшие факты, говорящие о том, что шахматы среди представительниц «слабого пола» (я беру эти слова в кавычки не по традиции, а иронически!) начинаются не с Веры Менчик, а имеют свою историю; Руденко и Борисенко продолжают с упоением играть, и молодые могут у них еще многому поучиться. Людмила Владимировна Руденко, например, несколько лет назад вновь, в который уже раз, стала чемпионкой Ленинграда, а ведь в турнире играли шахматистки, которые по возрасту могли быть ее внучками.

Когда настанет мой черед уступить трон более молодой и сильной, перед моими глазами всегда будет пример моих выдающихся предшественниц. На подступах к шахматному трону я отчаянно боролась с ними, получая при этом немало огорчений, но и многому научилась у них. Научилась, в частности, и тому, как надо примиряться с неизбежным — гордо, молча, красиво. Спасибо им!

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО МАТЧ

Прежде чем перейти к рассказу о матче с чемпионкой мира Быковой, я бы хотела немного порассуждать о том, что такое вообще матч, в чем его принципиальное отличие от турнира.

Как читатель уже понял из названия главы, матч — это очень серьезная, необыкновенно ответственная форма соревнования, вытекающая, добавлю, из существа шахматной борьбы. Высказывая свою точку зрения на этот счет, гроссмейстер Бент Ларсен заметил: «На мой взгляд, правильно, что чемпион мира определяется в матче. Шахматы по своей сути — игра двух противников».

Игра двух противников... Но ведь и в любом турнире шахматы в каждой отдельной партии — это тоже игра двух противников. Но в том-то и дело, что только в каждой отдельной партии. А в совокупности сыгранных в турнире партий — это уже игра не двух, а всех участвующих в турнире шахматистов. Подчеркиваю — всех, даже тех, что оказались последними. Ибо, не участвуя непосредственно в борьбе за призовые места, они косвенно (а иногда очень радикально!) влияют на окончательные результаты турнира. Более того, нередко именно шахматисты, потерявшие всякие надежды (а вместе с надеждами и всякий страх, осторожность, благоразумие!), могут без реальной пользы для себя нане-

сти лидеру турнира смертельный удар и вывести вперед его конкурента.

Примеров тому превеликое множество. Не случайно экс-чемпион мира Макс Эйве заметил: «...Матчи и турниры — нечто совершенно несхожее».

Аналогичные мысли задолго до этого высказал и такой авторитет, как Михаил Моисеевич Ботвинник. Решительно поддерживая идею выявления чемпиона мира именно в матче, а не в турнире, Ботвинник писал: «...Турнирная борьба, да еще в турнире смешанного состава, всегда связана с таким обилием случайностей, что определение сильнейшего шахматиста нашей планеты столь легкомысленным образом нанесло бы несомненный ущерб шахматному искусству».

Не нужно думать, что матч начисто лишен случайностей или всего того, что принято под этим понимать. В 1882 году в матче между первым чемпионом мира Вильгельмом Стейницем и его самым опасным тогда соперником выдающимся русским шахматистом Михаилом Чигориным произошел самый, пожалуй, трагический эпизод в истории борьбы за мировое первенство. В 23-й партии матча, которой суждено было стать последней, Чигорин при счете 8 : 9 (пять встреч, помимо того, закончились вничью) добился совершенно выигранного положения, но, увы, просмотрел элементарный мат в два хода! Но правомерно ли здесь употребить слово «случайность»? Думаю, что нет. Ибо не кто-то другой не сумел сохранить хладнокровие, не кто-то другой допустил обиднейший промах и спутал карты лидерам, как это бывает в турнирах, а он сам, Чигорин. Как ни прискорбен этот случай, как ни нелепа ошибка, а все же винить Чигорин в ней мог только самого себя.

Не на кого обижаться — такова одна, отнюдь не главная, но довольно существенная особенность матчевого состязания. Существенная потому, что результат матча всегда выглядит особенно убедительным, не вызы-

вающим ни малейших сомнений в его правомерности. Все, абсолютно все в матче закономерно!

Я не думаю, что когда, скажем, Эммануил Ласкер, будучи чемпионом мира, отнюдь не искал встреч, по выражению Ботвинника, с Акибой Рубинштейном и Хозе Раулем Капабланкой, он скорее всего побаивался не только самих этих гроссмейстеров, но и того, что придется мериться силами с ними именно в матче.

Любопытнейшая деталь: Ласкер и задолго до того, как в 1921 году уступил свой титул Капабланке, и пятнадцать лет после(!) в турнирах всегда становился выше своего принципиального шахматного соперника. Последний раз это произошло на крупном международном турнире в Москве, в 1935 году, когда 67-летний Ласкер, заняв третье место, мало того что опередил Капабланку (который был моложе на двадцать лет!), но и выиграл у него необычайно важную и красивую партию!

А ведь в матче с Капабланкой Ласкер не только не одержал ни одной победы, но даже не имел ни одной позиции, которая позволяла бы ему рассчитывать на выигрыш. Сдав четыре партии и закончив десять вничью, Ласкер отказался от продолжения борьбы и тем самым лишился чемпионского титула, которым обладал двадцать семь лет.

Пусть простят меня мужчины-шахматисты, что я вторгаюсь здесь на их «территорию». Спортивные и психологические особенности матчей и среди мужчин и среди женщин практически одинаковы, но зато история борьбы за первенство мира у мужчин неизмеримо богаче событиями и, я бы сказала, эмоциональнее, поэтому я и черпаю оттуда примеры. Первая чемпионка мира Вера Менчик, царившая с 1927 года по 1944-й, матчей играла мало, да и превосходство ее над современницами было подавляющим, так что борьбы как таковой не получалось.

Как можно понять хотя бы из многолетней истории шахматных взаимоотношений Ласкера и Капабланки, игроки бывают «турнирные» и «матчевые». Есть противники такой точки зрения, утверждающие, что и в матче, и в турнире надо прежде всего хорошо играть. Это, конечно, верно, играть надо всегда хорошо, а все же только нескольким великим шахматистам — Александру Алехину, Михаилу Ботвиннику, Роберту Фишеру удавалось практически одинаково сильно выступать как в турнирах, так и в матчах. Большинство же гроссмейстеров тяготеет к одному либо к другому типу. И это закономерно, ибо, повторяю, матч имеет сложные и очень специфические особенности.

С моей точки зрения, ярко выраженной матчевой индивидуальностью обладает Тигран Петросян. Игрок осторожный, дальновидный, необычайно терпеливый, Петросян, если позиция не сулит ему особых перспектив, без сожаления соглашается на ничью. Уклоняясь от риска и почти не проигрывая, Петросян в турнирах крайне редко опускался ниже четвертого-пятого мест, но зато даже в годы своего расцвета он не часто оказывался первым.

Но если в турнирах умение строить прочные оборонительные укрепления и терпеливо маневрировать за ними, ожидая, пока противник потеряет бдительность и допустит промах, редко позволяет опередить всех до одного противника, то в матче именно такая стратегия оказывается весьма эффективной. Простой пример: если вы в турнире все встречи закончите вничью, то займете место где-то в середине таблицы, в матче же точно такой результат позволит разделить первое место!

Примерно так у Петросяна дважды и получалось. В претендентских матчах 1971 года Петросян выиграл только по одной партии, остальные закончил вничью и стал — благодаря всего двум победам! — финалистом соревнования претендентов. В турнире или в матч-тур-

нире претендентов Петросян, конечно же, действовал бы иначе.

У женщин в свои лучшие годы Елизавета Ивановна Быкова чем-то напоминала Петросяна. Те же терпеливость, упорство, то же умение сначала усыпить бдительность противницы внешне безобидными маневрами, а затем покарать за «доверчивость». Быкова — шахматистка, несомненно, матчевого типа. Отнюдь не случайно, что в соревнованиях на первенство мира Быкова не добилась успеха ни в турнире 1950 года, ни даже в матч-турнире 1956 года, но зато в матчах она одерживала победы трижды.

Огромную роль в матчах играет психология шахматной и вообще спортивной борьбы. Здесь вряд ли даже правомерно проводить аналогию с турниром — настолько в матче все сложнее, обостреннее, жестче.

Одна из суровых особенностей матча состоит в том, что каждая ошибка обходится вдвое дороже. В турнире вы можете в какой-то встрече упустить выигрыш, а то и проиграть, и это не окажется катастрофой, ибо то же самое может произойти в том же туре с вашей ближайшей конкуренткой или даже конкурентками. В матче же, упуская победу, вы теряете не пол-очка, а целое очко, а если, не дай бог, проигрываете партию, в которой добились выигрышного положения, то теряете фактически сразу два очка!

Психологический эффект таких трагических неудач оказывается в матчах, как правило, ошеломляющим. В моем третьем матче с Аллой Кушнир я при счете $6^1/_2 : 3^1/_2$ упустила в одиннадцатой партии выигрыш, а затем даже и умудрилась проиграть. И хотя я по-прежнему продолжала лидировать с большим перевесом и особенно уж горевать, казалось, было нечего, это поражение повергло меня в состояние депрессии, чтобы не сказать шока. Самое скверное заключалось не в потере очка, а в том, что я никак, ну никак, не могла приме-

риться со случившимся. Во многом поэтому я в остальных партиях играла без присущей мне уверенности, даже когда получала излюбленные позиции.

На мужчин подобные происшествия в матчах действуют не менее сильно. В книге, посвященной своему первому матчу с Ботвинником, Михаил Таль писал: «В турнирах почти всегда решающие партии играются в заключительном туре и лишь тогда окончательно распределяются места. Специфика матча состоит и в том, что исход его определяют не последние по времени партии, а отдельные, и часто отнюдь не заключительные поединки. Значение их вовсе не ограничивается тем, что они дают перевес одному из партнеров в весомое очко. Возьмем хотя бы наиболее известный пример — титанический поединок А. Алехина с Х. Капабланкой. Сам А. Алехин считал, что матч, который игрался до шести выигранных партий, был решен при счете 3:2 в его пользу. Неужели такой выдающийся шахматист, как Х. Капабланка, был не в состоянии сравнять счет? Нет, тут дело было совсем не в спортивных показателях. Гораздо более важную роль сыграло чувство уверенности в своих силах у одного и надломленности — у другого.

Это чувство порой оказывается дороже самых важных очков».

В претендентском матче 1971 года с Ларсеном Ульман при равном счете имел в четвертой партии выигранную позицию, но сумел ее проиграть. Обычно очень стойкий, Ульман сломался, и судьба матча была решена. Хюбнер, проиграв Петросяну при счете 3:3 партию, в которой в какой-то момент чаши весов колебались, вообще сдал матч, хотя мог еще продолжать борьбу!

Ох, если уже шахматные титаны трепещут перед его величеством матчем, пасуют перед свирепым характером поединка, в котором борьба ведется один на один, то

чего же требовать от нас, шахматисток! А между тем Нана Александрия и Ирина Левитина в финальном матче претенденток 1975 года продемонстрировали такую выдержку, какой и сами, наверное, от себя не ожидали!..

Психологические проблемы матчевого единоборства проявляют себя в самых различных аспектах. Если в турнире вы во встрече с кем-либо из противников применили дебютную новинку, это привлечет внимание теоретиков да еще, пожалуй, тех, кому предстоит с вами играть, и к тому же соответствующим цветом фигур. В матче неожиданность в дебюте может как подложенная мина не только взорвать укрепления противника в данной партии, но и вообще привести его в замешательство, признать, что в дебютной подготовке оказался роковой просчет. А признание такого факта неизменно влечет за собой психологический урон со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В матч-реванше против Эйве (1937 год) Алехин в спокойном, много раз игравшемся варианте ферзевого гамбита пожертвовал коня... на шестом ходу! Эта абсолютно неожиданная жертва вызвала психологический взрыв. Эйве не только проиграл, и довольно быстро, партию, но и, как можно судить по его дальнейшей игре, долго еще не мог прийти в себя.

В том же поединке Алехин преподнес противнику и другой сюрприз. В первом матче он выиграл много партий, начатых ходом королевской пешки, и Эйве наверняка припас на этот случай какие-то дебютные реплики. Так вот, в матч-реванше Алехин ни разу не сыграл 1. e2—e4, чем не только свел на нет большую часть дебютной подготовки Эйве, но и нанес противнику чувствительный психологический удар.

Подобную тактику, и тоже с впечатляющим эффектом, применил Ботвинник в матч-реванше со Смысловым (1958 год). Играя черными, он в первой же партии применил защиту Каро — Канн, которая до этого, если

не ошибаюсь, не встречалась в его практике, по крайней мере в ответственных соревнованиях. Хотя дебют этот, что называется, без особых претензий и носит четко выраженный оборонительный характер, неожиданность так подействовала на Смыслова, что он быстро получил тяжелую позицию и потерпел поражение. Во многом из-за этой неудачи Смыслов неуверенно провел и вторую партию, а после очередной встречи, где Ботвинник вновь разыграл защиту Каро — Канн, счет стал 3 : 0, после чего неясным оставалось только то, сколько партий будет сыграно в матче...

Огромное психологическое напряжение в матче, как правило, приводит к тому, что сильнейшие шахматисты мира допускают подчас элементарные промахи. Любопытно, что даже некоторые гроссмейстеры, которые, казалось бы, должны хорошо понимать, какой тяжелый психологический груз несут на своих плечах участники матча, повторяют одну и ту же ошибку, удивляясь, как это чемпион и претендент могут не замечать очевидные варианты или даже отдельные ходы.

Доставалось в аналогичных ситуациях и мне, а также и моим соперницам. Я долгое время не переставала изумляться той легкости, с какой иные комментаторы укоряли нас в шахматных грехах. Каюсь, мне виделось в этом неуважение к «женской игре». Но, увидев, что и мужчинам-чемпионам достается отнюдь не меньше, я успокоилась, поняв, что таково уж свойство человеческой натуры: «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны».

Многие комментаторы являлись действительно опытнейшими стратегами, но почему же, выступая в роли наблюдателей, очевидцев противостояния двух личностей, двух характеров, двух интеллектов, они забывали о токе высокого психологического напряжения, под которым противоборствуют участники матча? Откровенно говоря, для меня это было загадкой, правда, только до тех пор,

пока я не сыграла свой первый матч, хотя он и сложился для меня очень удачно.

Не было, кажется, матчевого соревнования, во всяком случае в послевоенное время, в ходе которого участникам не ставились бы в упрек их промахи. И не случайно чемпионы мира, как правило, вынуждены были после схватки еще и еще раз напоминать о тех специфических психологических трудностях, которые предстоит преодолевать участникам матчей за мировое первенство.

После первого матча со Смысловым (1954 год) Ботвинник писал: «Конечно, творческую сторону обоих матчей как с Бронштейном, так и со Смысловым можно подвергнуть серьезной критике, но рекомендую таким критикам, будь они гроссмейстеры или мастера, сперва испытать на себе все «прелести» матчевой борьбы за звание чемпиона мира. Вот когда побудешь в этой «шкуре», в которой побывали Бронштейн, Смыслов и я, тогда станет ясно, почему матч на первенство мира нельзя сравнить с каким-либо турниром, как бы он ни был силен».

То обстоятельство, что в матчах важную, а иногда и решающую роль играет не только «чистое» мастерство, но и сила человеческой личности, приводит к тому, что предсказать победителя бывает очень и очень трудно. Сколько ошибочных прогнозов знает история борьбы за первенство мира! Шахматный мир не верил в 1927 году, что Капабланка может проиграть кому-либо, даже Алехину, но это случилось. Когда Таль, находясь в зените своей славы, нанес поражение Ботвиннику, мало кто верил, что ветеран, который был вдвое (на четверть века!) старше соперника, сумеет взять реванш, но это случилось! Спасский перед матчем Фишер — Ларсен заявил, что считает датского гроссмейстера наиболее неприятным противником для Фишера. Счет, как известно, был 6 : 0 в пользу американца...

Специалисты порой ошибались не только по поводу результатов матчей, но и по поводу ожидаемого характера борьбы.

Имея в виду первый матч Петросяна со Спасским (в 1969 году), Эйве писал: «Спасский — атакующий шахматист, более предприимчивый. Петросян — защитник, хорошо чувствующий себя в осложнениях. Спасский сильнее в «диких» позициях, Петросян — в позиционных партиях. Таково было мнение перед матчем. А что мы увидели?

Почти все победы Петросяна завоеваны в результате атаки и осложнений, а Спасский выигрывал путем медленной осады, использования мелких преимуществ в ходе длительной борьбы!..»

Хотя я здесь сказала далеко не все, что могла бы сказать о его величестве матче, надеюсь, вы прониклись уважением к матчевой борьбе. Но если у кого-то остались еще сомнения, могу в качестве решающего аргумента сослаться снова на Таля. В уже цитировавшейся мною книге, посвященной первому матчу с Ботвинником, Таль в предисловии дает короткую характеристику особенностей матчевого соревнования, а потом делает прелюбопытное признание в том, что перед началом единоборства ему «предстояло в сравнительно короткий срок изучить азбуку матчевой борьбы».

Так вот, если уж Талю не стыдно было сделать такое признание, то мне и подавно. Поэтому хочу сразу сказать, что перед тем, как сесть за столик против Елизаветы Ивановны Быковой, я практически понятия не имела о том, что это такое — матч. Тут ни в чем не был виноват ни Шишов, ни его консультанты, ни я сама — просто опыт матчевой борьбы приходит только... с опытом матчевой борьбы, и никакого другого решения проблемы не существует. Хотя, повторяю, матч этот оказался для меня сравнительно нетрудным, все же я побывала в той «шкуре», о которой писал Ботвинник...

После турнира претенденток я некоторое время отдыхала, если, правда, можно считать отдыхом встречи с болельщиками — на заводах, в институтах, в учреждениях. Такие встречи, особенно частые, конечно, утомительны, но я их люблю, они очень важная сторона моей жизни. И не только потому, что заряжают меня положительными эмоциями: встречаясь с любителями шахмат, я вижу, что моя игра, мои успехи нужны многим людям, и вот это ощущение нужности людям наполняет мою жизнь особым смыслом.

В конце 1961 года я вместе с Быковой выступала в команде «Буревестника» на всесоюзных соревнованиях. Чемпионка мира играла на первой доске взрослых, я — на первой доске девушек. Сразу же после соревнований мы подписали условия матча. Я безоговорочно приняла все предложения Быковой, причем с моей стороны вообще не было выдвинуто ни одного пожелания. Я считала тогда, как считаю и сейчас, что чемпионка мира при согласовании условий соревнования имеет если не юридическое, то моральное право «играть белыми». Было решено, что матч начнется в сентябре 1962 года в городе, где жила чемпионка, то есть в Москве.

Прежде чем начать собственно подготовку к матчу, я выступила в двух турнирах. Мне надо было хорошо сыграть для поддержания бодрости духа и в то же время не раскрывать своих дебютных тайн. С этой специфической трудностью, которая с тех пор часто подстерегала меня, я справилась успешно. И только потом, в июне, я начала специальную подготовку к матчу.

Моему тренеру Михаилу Васильевичу помогал выступавший в роли консультанта тогда еще мастер Бухути Гургенидзе. Кроме того, своего рода верховным консультантом был гроссмейстер Давид Ионович Бронштейн, шахматист с на редкость самобытным мышлением.

Должна признаться, что Бронштейн дал мне несколько необычайно ценных советов. Помимо прочих своих

достоинств, Бронштейн — очень тонкий шахматный психолог. Между прочим, однажды он подарил мне портрет Быковой. «Зачем?» — удивилась я. «Повесь на стену и смотри каждый день». — «Зачем?» — вновь удивилась я. «Злись!» — с улыбкой ответил гроссмейстер.

Это был единственный, кажется, совет Давида Ионовича, последовать которому я не могла, даже несмотря на то, что он был шуточный. Злиться без причины я не умела. И, как впоследствии выяснилось, злиться на Елизавету Ивановну вообще не надо было, ибо она вела себя, несмотря на крайне неудачное для нее развитие событий в матче, безукоризненно. Судя по тому, как благожелательно держалась Быкова на закрытии матча, и у нее не было, надеюсь, причин сердиться на меня.

Я вообще считаю неправомерным испокон веков бытующее выражение «спортивная злость». Что за странное словосочетание! Спортивный характер, спортивные задатки, спортивный дух — это пожалуйста. Может быть, у спортсмена и злость — самая обычная человеческая злость — на соперника, если он ведет себя некорректно, на судью, если он необъективен, наконец, на себя, но злиться на кого-то только потому, что она твоя противница? Нет, такое мне непонятно.

С портретом Быковой Бронштейн, повторяю, пошутил, он вообще часто шутил со мной, зато в «серьезные» часы Давид Ионович был неоценимым советчиком. Прежде всего, он помог мне ясно представить себе шахматный облик Быковой. Бронштейн — прекрасный шахматный диагност, а когда правильно поставлен диагноз, то уже знаешь, по крайней мере, как лечить (в данном случае, правда, как «залечить»).

Я уже рассказывала о Быковой и повторяться здесь не буду. Скажу только, что когда мы разобрали примерно полтораста партий Быковой, сыгранных за последние шесть-семь лет, стало ясно, что она будет всячески стараться втягивать меня в эндшпиль — в ту ста-

дию партии, где она была особенно сильна и к которой я тогда особой симпатии не испытывала.

Бронштейн с первого же дня не сомневался в том, что судьба большинства партий будет решена в эндшпиле. Он предвидел, что Быкова будет уклоняться от рукопашных схваток, станет строить прочные оборонительные сооружения и ждать, когда у меня кончится терпение и я полезу под огонь. Так вот, Бронштейн посоветовал мне набраться такого же терпения, поглубже изучить, насколько возможно за столь короткий срок, конечную стадию партии и, если не удастся навязать свою игру, то не упираться, не уклоняться от простых позиций и спокойно идти на эндшпиль.

Это была мудрая стратегическая концепция матча. Бронштейн не только помог создать ее, но и способствовал успешному осуществлению. В Мозженке, прелестном доме отдыха Академии наук, что неподалеку от Звенигорода, где мы готовились к матчу, Бронштейн передо мной часто ставил на доске типичные эндшпильные позиции. Это очень важно — знать заранее, перспективен ли эндшпиль или противница может создать теоретически ничейную позицию. Подобное прогнозирование, исходящее из общих соображений, позволяет сберечь силы и время на конец партии, когда они особенно нужны. Даже за едой Бронштейн рисовал на салфетках эндшпильные позиции и заставлял меня их решать.

Забегая вперед, скажу, что ход матча полностью подтвердил правильность такой подготовки. Между прочим, перед началом соревнования Бронштейн, обеспокоенный тем, чтобы Быкова не подумала, будто он помогает мне во время матча, сделал себе «железное алиби» — уехал на выступления в сибирские города...

Это уже потом, когда матч был закончен, стало очевидным, что силы сторон были неравны: мне удалось выиграть семь встреч при четырех ничьих и без единого поражения. Перед матчем же царила обычная нер-

возная атмосфера, тем более что в единственной встрече, которая состоялась между нами — в чемпионате страны 1958 года, — я потерпела поражение. В Тбилиси число шахматных болельщиков резко возросло, причем шахматы захватывали в сферу своего влияния даже людей, имевших отдаленное представление о правилах игры. Мне рассказывали, что еще во время турнира претенденток в редакцию газеты «Лело» позвонил на другой день после моей встречи с Милункой Лазаревич какой-то человек и, узнав, что я выиграла, нетерпеливо спросил: «С каким счетом?!»

Должна признаться, что среди тех, кто так или иначе был причастен к матчу, не говоря уже, естественно, о болельщиках, я была, наверное, самой спокойной. И не только благодаря нервной системе, которая всегда была одним из моих самых надежных союзников («Знаешь, почему ты сыграла лучше нас? — воскликнула как-то Лариса Вольперт после турнира претенденток. — Ты лучше всех спала!»).

Я ведь, как вы знаете, понятия не имела о том, что такое матч. Да и проиграть Быковой было для меня совсем не стыдно. Словом, начала я матч спокойно, уверенно и закончила его чемпионкой мира. Это был первый и пока единственный матч в истории женских шахмат, в котором претендентка отвоевала чемпионский титул, практически не дав чемпионке никаких шансов.

И все же, разумеется, были у меня трудности, были переживания, были тяжелые позиции, были! Тяжелые позиции, которые приходилось спасать. В ходе матча я поняла, например, что это совсем непросто — встречаться на протяжении долгого времени с одной и той же противницей, видеть, как она в одной и той же манере двигает фигуры, переводит часы. Однообразие, однотонность, отсутствие хоть какой-либо новизны... Хорошо еще, если привычки противницы не раздражают — бывает ведь и такое. Хорошо, если противница умеет про-

игрывать, держится с достоинством, иначе радость победы может быть легко омрачена какой-нибудь мелочью — жестом, случайным словом. Мне еще не приходилось проигрывать матчи, но я очень отчетливо представляю себе, как это нелегко — ничем, никак не проявить своих чувств.

Быкова, несмотря на катастрофически сложившееся для нее развитие событий в матче, держалась, как я уже говорила, в высшей степени корректно. Тогда я не полностью оценила это, считая, что иначе не могло и быть, но теперь, умудренная матчевым опытом, понимаю, что Быкова, испытывая разочарования и огорчения, проявила великолепную выдержку.

На протяжении всего матча произошел только один случай, когда Елизавета Ивановна не выдержала нервной перегрузки. Это было уже в самом конце соревнования. В одной из последних партий, не помню уж точно в какой, Быкова, сделав ход, забыла перевести часы. Такое случается не так уж редко, особенно в самые напряженные моменты, и я в подобных случаях всегда предупреждаю соперниц, что идут их часы. Но в этот раз я просто не заметила этого. Может быть, потому, что в момент, когда была очередь хода Быковой, гуляла по сцене. Так или иначе, погрузившись в раздумья, я вдруг услышала голос Елизаветы Ивановны: «Почему идут мои часы?» Я спокойно сказала: «Наверное, потому, что вы забыли их перевести». — «Нет, я не забыла», — ответила Быкова. Я вспыхнула, тут же сделала уже обдуманный ход и встала из-за стола с пылающими щеками. По-видимому, главный арбитр Нина Грушкова-Бельска что-то почувствовала, потому что она сразу же направилась ко мне со словами: «Что-нибудь случилось?» Нет, нет, все в порядке, успокоила я арбитра и вышла за кулисы, чтобы дать возможность себе и моей сопернице прийти в себя.

Конечно, это был типичный эмоциональный всплеск.

Елизавета Ивановна чисто по-женски дала выход накопившимся отрицательным эмоциям, вряд ли понимая в тот момент, что именно она хочет сказать. Не заподозрила же она меня, конечно, в том, что я незаметно от нее, судьи и зрительного зала Дома культуры типографии «Красный пролетарий», где мы играли, перевела ее часы!

Вы можете спросить: зачем я привожу здесь этот малозначительный эпизод? Нужно ли ворошить подобные неэстетичные воспоминания? Для ответа вполне достаточно было бы одного, необычайно важного, с моей точки зрения, аргумента: ради истины. Эта книга, кстати, имеет смысл только в одном случае — если портреты моих соперниц, как, естественно, и мой собственный, не будут отретушированы.

Но есть и другой аргумент — хочу, чтобы вы поняли, что если не для меня, то для Елизаветы Ивановны этот матч был тяжелейшим спортивным и психологическим испытанием. Вот почему даже тогда я лишь на короткий момент почувствовала обиду, а сейчас, по прошествии полутора десятка лет, и вовсе понимаю, что, безнадежно проигрывая матч, не одержав ни одной победы, Быкова попросту была не в состоянии непрерывно сохранять самообладание — это было выше ее сил.

Матч для моей противницы действительно сложился трагически. В первой партии я, играя черными, сама, к удивлению чемпионки, пошла на разменную комбинацию. В сравнительно простом эндшпиле Быкова начала выжидательно маневрировать, что ей часто приносило успех, но я психологически была готова к такой игре и сумела перехватить инициативу. При откладывании, однако, я записала слабый ход, и в результате партия закончилась вничью.

Во второй встрече я в лучшем положении вновь не уклонилась от перехода в эндшпиль, в котором добилась подавляющего перевеса, и одержала победу чисто пози-

ционными средствами, то есть применила против Быковой ее же оружие.

В третьей партии я сначала ушла в защиту, но потом сумела завязать осложнения и в обоюдном цейтноте переиграла противницу.

Думаю, что психологическим эффектом, которого я добилась финальной атакой, можно объяснить, что в четвертой партии Быкова предложила размен ферзей, невзирая на то, что это стоило ей потери двух темпов. Она уповала на эндшпиль, веря или надеясь, что тут я окажусь слабее. Но эта встреча, как мне кажется, должна была развеять эти иллюзии и открыть моей сопернице глаза на печальную истину: ни в дебюте, ни даже в эндшпиле чемпионка не была сильнее меня, в середине партии же я заметно превосходила ее.

После пятой встречи, где Быкова в окончании долго проверяла мое терпение в совершенно ничейной позиции, стало ясно, что Бронштейн был прав: четыре партии из пяти закончились в эндшпиле.

Следующие две встречи принесли мне еще два очка, и счет стал 6:1. Не только сам результат, но и ход борьбы показывали, что матч выигран. Если у Быковой и был какой-нибудь шанс, то заключаться он мог только в том, что я по молодости начну играть небрежно или чрезмерно азартно. Но я проявила характер и восьмую партию уверенно закончила вничью.

Девятая встреча была единственной, где я находилась на грани поражения. Уже в дебюте Быкова получила перспективную позицию и развила сильную атаку на королевском фланге. Только тем, что к этому моменту она была уже деморализована, можно объяснить, что мне удалось спастись.

Итак, две ничьи приблизили меня к окончательной победе: счет стал 7:2. Ах, эти ничьи в матчах, как они подчас непохожи на турнирные ничьи! Сколько раз бывало в мужских матчах, как один из соперников, до-

бившись перевеса в счете, зарывался потом в окопы, зная, что противник рано или поздно поднимется и пойдет в самоубийственную атаку, ибо каждая ничья медленно, но верно подталкивает его к краю пропасти. Именно к такой тактике прибег, например, Ботвинник в матч-реванше со Смысловым или Фишер во второй половине матча со Спасским.

Я ничьи по заказу делать не умею даже сейчас. Еще Алехин говорил, что на свете есть немало шахматистов, умеющих отлично играть на выигрыш, а вот специалистов сделать ничью в нужный момент можно пересчитать по пальцам. Обе ничьи в восьмой и девятой партиях получились сами собой, как говорится, по игре, но Быковой от этого было не легче. А затем я выиграла еще две партии. В последней, одиннадцатой встрече я могла выиграть пешку, разменяв при этом своего сильного коня на «плохого» слона белых. Я, однако, проявила терпение в духе моей соперницы и дождалась момента, когда можно было взять пешку без размена фигур.

На этой партии матч был закончен. В двадцать один год — в том же возрасте, что и первая шахматная королева Вера Менчик, — я стала чемпионкой мира. Понимала ли я, неловко просовывая голову в лавровый венок на сцене Дома культуры «Красный пролетарий», какое тяжелое бремя, бремя чемпионки, взваливаю на свои плечи? Понимала ли, что, как сказала после матча Грушкова-Бельска, это был поединок не столько двух стилей, сколько двух поколений? Понимала ли, что я была лидером молодого поколения, которое вплотную приблизилось к мужской манере, а кое в чем и к мужскому классу игры, и что победа моего поколения открывала новую страницу в развитии женских шахмат?

Ничего я тогда не понимала, просто была ужасно счастлива! Все это я осознала потом. Единственное, что я поняла еще в ходе битвы с Быковой, что матч — это очень, очень серьезное спортивно-психологическое явле-

ние, требующее к себе не только внимания, но и почтения.

Матч с Быковой был и, наверное, останется наименее трудным в моей шахматной карьере, но все же именно он многому научил меня в самой сложной области шахматного спорта. Счет матча неточно отражает истинное соотношение сил. Быкова вовсе не была столь безобидной соперницей, как это можно подумать, имея в виду окончательный итог. Она боролась с необычайным упорством до самой последней партии, хотя задолго до финальной встречи было ясно, что корону ей уже не удержать. Но, во-первых, она не выдержала острокомбинационной борьбы, близкой к мужскому стилю, которую мне удалось навязать в нескольких встречах, а во-вторых, сказалась довольно большая разница в возрасте, чем во многом объяснялись частые цейтноты моей соперницы.

Было еще и в-третьих — быть может, самое главное: вопреки своим ожиданиям Быкова не главенствовала в эндшпиле, на своей «собственной» территории, и это, по моему глубокому убеждению, имело столь большой психологический эффект, что чемпионка мира потеряла уверенность в себе.

Словом, его величество матч, как и всегда, оказался безжалостным и полностью проявил свой суровый характер.

ТРУДНЫЙ ХАРАКТЕР ОЛИМПИАД

Существует стойкое мнение, что шахматы — спорт сугубо индивидуальный. Да, в принципе так оно и есть. Я сама в первой главе рассказывала о том, как это трудно — быть на сцене все время на виду сотен, а то и тысяч зрителей и в то же время находиться в полном одиночестве. Шахматисту во время игры запрещено с кем-либо советоваться, даже вообще общаться (кроме как с бывшими или будущими соперницами в данном турнире, которые, естественно, заинтересованы лишь в собственной удаче). Во время матча даже какие-либо переговоры с соперницей, кроме предложения ничьей, следует вести только через посредство судьи. Тренер находится в зале, за невидимым барьером, прочно отделяющим участников от зрителей. Нередко оба —шахматист и тренер испытывают подлинные мучения из-за невозможности общаться во время партии, причем трудно сказать, кто из них от этого больше страдает.

Но есть все же вид шахматной борьбы, в котором участники имеют не только соперников, но и партнеров, с которыми вступают хотя и в своеобразные, а все же реально ощутимые контакты, влияющие в определенной степени на развитие событий, на характер принимаемых решений. В этих соревнованиях допустимо обращение и к третьему лицу, именуемому капитаном, которое, в свою очередь, имеет возможность советоваться и с тре-

нером. Читатель, конечно же, понял, что речь идет о командных соревнованиях.

Эти соревнования не являются для шахмат чем-то исключительным, неким искусственным дополнением, которое не лежит в природе этой индивидуальной игры. (Это можно подтвердить хотя бы тем фактом, что олимпиады всегда вызывают в шахматном мире огромный интерес. Кстати, олимпиады, в отличие от матчей на первенство мира, с самого начала проводились под эгидой Международной шахматной федерации, и их организация никогда не вызывала и сотой доли тех споров, какими часто сопровождались переговоры об условиях матчей — среди мужчин, естественно.)

Да, шахматисты, выступая в одной команде, не могут во время игры сговариваться друг с другом, не могут, подобно, скажем, футболистам, дать партнеру пас, не могут, как теннисисты, брать на себя или уступать партнеру инициативу и т. д. Но в командных соревнованиях шахматисты все же известным образом взаимодействуют и, во всяком случае, во многом определяют свою игру в зависимости от того, как складывается борьба на досках товарищей по команде.

Командные соревнования имеют свою психологическую специфику, свои особенности, подчас загадочные. Общеизвестно, что есть очень сильные шахматисты, не выдерживающие высокого давления командной борьбы. И напротив, можно назвать мастеров, которые проявляют обычно крайнюю впечатлительность и даже нервозность, но в командной борьбе демонстрируют железную выдержку. В качестве примеров, иллюстрирующих тот и другой феномены, можно привести Валентину Козловскую и Татьяну Затуловскую, о которых как о командных бойцах я скажу ниже.

В командных соревнованиях моральное состояние шахматистов играет особенно важную, часто решающую роль. Можно не сомневаться, к примеру, в том, что со-

вершенно неправдоподобный счет матча между командами России и Москвы на шахматных соревнованиях VI Спартакиады народов СССР — $8^1/_2 : {}^1/_2$ объясняется в большой степени тем, что одними из первых потерпели поражение лидеры команды столицы — Тигран Петросян и Василий Смыслов (который впервые в жизни проиграл Льву Полугаевскому!).

— Самое страшное — это когда команда вдруг начинает «катить», — так объяснил этот разгром один из его «виновников», гроссмейстер Полугаевский. — Бывает так, что неудача на одной доске влечет за собой катастрофу на остальных досках. Участник как бы передает товарищу по команде эстафетную палочку неудачи...

Заметьте, это говорится о командах с большим числом участников. Там ведь кто-то может найти в себе силы и «эстафетную палочку неудачи» не принять, вдохнув тем самым бодрость в остальных. А как быть, если команда, как это было до сих пор на женских олимпиадах, состоит всего из двух основных участниц и одной запасной? (Начиная со следующей, седьмой, олимпиады, игра будет вестись на трех досках.) Здесь всего лишь одно поражение наносит тяжелый моральный урон, не говоря уже, естественно, о спортивном. Вот почему почти все женские олимпиады, несмотря на то, что в нашей команде выступали чемпионка мира и ее первая «заместительница», а также чемпионка страны, проходили в ожесточенной борьбе, и победа давалась нам с огромным напряжением.

Кстати, не только широкая публика, но даже и шахматные руководители далеко не всегда понимают наши специфические трудности и ждут от нас чуть ли не легкой победы. Откровенно говоря, меня такая убежденность в том, что мы, конечно же, без особого труда победим, по меньшей мере удивляет, ибо я вижу в ней нежелание вникнуть в подстерегающие нас трудности, нежелание понять, что если игра ведется всего на двух дос-

ках, а соперничающие команды имеют пусть не трех, а даже только двух сильных шахматисток, то фактор случайности, невезения может неожиданно сказать если не решающее, то очень веское слово.

Женские олимпиады появились на свет на три десятка лет позже мужских — в 1957 году. В той, первой, олимпиаде я не участвовала, но со слов главных действующих лиц имею представление о трудностях, с которыми столкнулась советская команда. Соревнование проходило в голландском городе Эммене, где собрались команды двадцати одной страны. Команд было много, но состояли они только из двух шахматисток, причем даже без запасных!

В команде СССР выступали чемпионка мира Ольга Рубцова и Кира Зворыкина, в ту пору чемпионка страны и одна из наиболее реальных претенденток на чемпионский титул. В финальном турнире наша команда поначалу уверенно лидировала. На финише, однако, советских шахматисток настигли румынки, которые, не одержав до этого ни одной победы в пяти встречах, выиграли затем с сухим счетом три последних матча. В итоге обе команды набрали равное количество очков (судьбе будет угодно, чтобы в шестой олимпиаде ситуация повторилась!) — по $10^1/_2$ из 16. Но в связи с тем, что наша команда имела больше побед — четыре против трех у румынок, победа согласно уставу олимпиады была присуждена команде СССР.

Особенно уверенно выступала Зворыкина, чему она обязана, помимо всего, своему сильному характеру. В полуфинале Зворыкина набрала 6 очков из 6, а в финале — 6 из 8. Это был абсолютно лучший результат олимпиады, за что Зворыкина была удостоена специального приза — медали голландской королевы.

Следующая олимпиада состоялась спустя целых шесть лет. Сказалось пренебрежение, которое долгое время демонстрировала ФИДЕ по отношению к жен-

ским шахматам. Это была моя первая олимпиада. Было мне тогда 22 года, всего за год до этого я стала чемпионкой мира, жизнь улыбалась мне, и по свойственной моему возрасту наивности я не сомневалась, что наша команда, в которой выступали также Татьяна Затуловская и Кира Зворыкина, конечно же, без труда добьется успеха.

Жили и играли мы в отеле «Мариан» в югославском городе Сплите. Отель находился на берегу Адриатического моря, красивая природа напоминала родной Кавказ. Словом, все было хорошо, я еще не знала всего коварства командных соревнований, да и играли мы действительно здорово. Я в двенадцати партиях сделала только одну ничью, всего пол-очка потеряла в восьми партиях и Зворыкина. Лишь Затуловская проиграла одну встречу. Так вот, представьте себе, что с такими индивидуальными итогами, набрав 25 очков (12 матчевых побед и 2 ничьи), мы едва-едва опередили — на пол-очка — команду Югославии и узнали о своем успехе лишь по окончании последнего тура!

Уже только потом, обдумав все перипетии командной борьбы и понюхав пороху на олимпиаде, я перестала удивляться этому.

В самом деле, ведь с нами соперничала великолепнейшая команда. Возглавляла ее Милунка Лазаревич, которая была тогда в расцвете своих сил. С моей точки зрения, Лазаревич была в ту пору сильнейшей среди претенденток на чемпионский титул, и только редкое невезение в сухумском матч-турнире трех (1964 год) помешало нашему матчу. На второй доске играла Верица Неделькович, показавшая непревзойденный результат — 12 из 12. Запасной была талантливая Катя Иованович. Словом, это была отличная команда, быть может, самая сильная, с какой мы когда-либо встречались на олимпиадах.

После Сплита я уже поняла, что это такое — жен-

ская олимпиада. Подчеркиваю — женская. Ибо нашим мужчинам, играющим на четырех досках и имеющим двух запасных, куда легче, хотя они, конечно, не любят в этом признаваться.

И перед следующей олимпиадой, которая состоялась в 1966 году в расположенном неподалеку от Кёльна городке Оберхаузене, я уже не строила себе никаких иллюзий и хорошо знала, какие переживания нас ожидают. Но действительность превзошла мои ожидания. Ибо третья олимпиада началась с того, что мы проиграли со счетом 0:2 нашим главным конкуренткам — шахматисткам Румынии.

Главными я их назвала не только потому, что они заняли второе место, а до девятого тура возглавляли гонку. За несколько месяцев до олимпиады женская команда Румынии победила в товарищеском матче на восьми досках югославских шахматисток. Лидер команды Румынии Александра Николау к тому времени выдвинулась в группу сильнейших шахматисток мира. Весной того же 1966 года Николау разделила со мной первое место на крупном международном турнире, а Элизабет Полихрониаде уже тогда была сильным и опытным мастером, умевшим искусно создавать осложнения.

Наше поражение стоит того, чтобы о нем рассказать подробнее.

На второй доске у нас выступала чемпионка страны Козловская, а в запасе была Затуловская. Козловская по праву играла на второй доске: она не только обладала тогда званием чемпионки страны, но и очень успешно выступила на двух международных турнирах. Но именно Козловская, не имевшая к тому времени опыта олимпиадных боев, и заставила всех нас долго волноваться за исход турнира.

Итак, я играла черными с Николау, а Козловская белыми с Полихрониаде. Надо сказать, что Козловская вообще хорошо играет белыми, поэтому решение трене-

ра команды Александра Марковича Константинопольского и капитана Александра Александровича Котова выставить на этот матч Козловскую я полностью одобрила. Но когда начался тур и я увидела, что Козловскую буквально трясет от волнения, мне стало ясно, что допущен просчет. Я далека здесь от мысли укорять кого бы то ни было, я, повторяю, и сама одобрила именно такой состав. Просто олимпиада вновь показала свой коварный характер.

В партии со мной Николау явно не возражала против ничьей. Я легко добилась черными равенства, и Николау, проведя несколько разменов, предложила ничью. К этому моменту Козловская, сыграв сначала азартно, допустила затем несколько ошибок, растерялась и получила безнадежную позицию.

Правила командных соревнований разрешают в присутствии судьи сообщить капитану о сделанном предложении, и тот, не вдаваясь в оценку позиции, должен дать односложный ответ. Если бы позиция Козловской не была так безрадостна, я без раздумья согласилась бы на мирный исход. Но тут я считала себя вынужденной обратиться к капитану и услышала в ответ: «Поиграйте еще!»

Поиграйте еще!.. А как играть, когда соперница предложила размен коней, и если я на этот размен соглашусь, то при ладьях, которые будут неминуемо разменены, останутся «ничейные» разноцветные слоны. Я уклонилась от размена, для чего увела коня на край доски, где он оказался не у дел. И наступило возмездие — я потеряла пешку, после чего и моя позиция стала безотрадной.

При нормальном развитии событий я должна была неминуемо проиграть. И тогда я пошла на маленькую хитрость. Зная, что Николау любит быструю игру, я обдумала план защиты и специально попала в цейтнот. Николау, чтобы не дать мне думать за счет ее времени,

тоже стала играть в быстром темпе, упустила свое преимущество, и мне удалось отыграть пешку.

Я с облегчением вздохнула, но, увы, радость моя была преждевременной: последним перед откладыванием ходом я «зевнула» качество, то есть допустила очевидный промах и проиграла ладью за легкую фигуру. В личном соревновании откладывать такую позицию было бы неприлично, но тут я извинилась перед Николау: ничего не поделаешь — интересы команды, она понимающе улыбнулась. При анализе, как и следовало ожидать, шансов на спасение не нашлось...

Итак, мы дали огромную фору своим основным соперницам — целых два очка. А дистанция всего тринадцать туров. Теперь нам оставалось только одно — выигрывать все матчи с сухим счетом.

И тут я должна выразить свое восхищение характером Затуловской. Обычно такая нервная, чрезмерно эмоциональная, она в этот критический момент заменила Козловскую, которой надо было прийти в себя после такого ошеломляющего фиаско, и играла на редкость уверенно, решительно и абсолютно спокойно. Забегая вперед, скажу, что Таня набрала $8\frac{1}{2}$ очков из девяти и показала абсолютно лучший результат олимпиады (я принесла команде 9 очков из 11, Валя — $4\frac{1}{2}$ из 6)!

Словом, мы устремились в погоню за золотыми медалями. Но и лидеры понимали, конечно, как дорога в этой ситуации каждая половинка очка. Хотя у румынок была довольно сильная запасная — Маргарет Перевозник, они старались играть почти все встречи основным составом. Видимо, наши соперницы все же не выдержали напряжения. Во всяком случае, в девятом туре, перед которым мы все еще отставали, правда уже только на пол-очка, у румынок произошла катастрофа: они потерпели поражение со счетом 0:2 от сравнительно слабой команды США (оказавшейся в итоге на десятом месте). Значение этого усугублялось тем, что мы в этот

день сокрушили со счетом 2:0 сильную команду Югославии и, следовательно, вырвались вперед с отрывом в полтора очка.

В ходе этого матча я впервые на этой олимпиаде все же увидела, как Затуловская волнуется. Случилось это, когда в партии с Лазаревич я, по чисто психологическим соображениям избрала обоюдоострый вариант с длинной рокировкой. Вариант этот требовал от черных точной защиты, а защищаться, как вы уже знаете, Милунка не любит. Я была уверена, что она в какой-то момент сорвется, пойдет на неоправданный риск, что в конце концов и случилось.

Затуловская хода моих мыслей, конечно, не знала и, подойдя ко мне, сердито шепнула: «Зачем нервируешь меня — играешь такой рискованный вариант?» Я понимала ее состояние: Таня играла с Верой Неделькович, это очень опасная шахматистка. «Послушай, — сказала я Затуловской, — я ведь не смотрю на твою партию (тут я лукавила: украдкой я очень внимательно следила за игрой Тани), не смотри и ты на мою. Иди и спокойно играй, все будет в порядке». Затуловская больше не отвлекалась, и мы обе очень хорошо сделали свое дело.

В конечном итоге уже к последнему туру мы были недосягаемы. Набрав 22 очка, мы на полтора очка опередили занявшую второе место команду Румынии, которая доставила нам столько переживаний.

В двух следующих олимпиадах, которые проходили в польском городе Люблине (1969 год) и в югославском городе Скопле (1972 год), победа далась нам сравнительно легко. Особенно уверенно победили мы в Люблине, где набрали 26 очков из 28, что составляет почти 93 процента и является мировым олимпийским рекордом.

Этот успех отнюдь не вскружил нам голову, тем более что перед очередной олимпиадой — в Скопле Милунка Лазаревич в интервью заявила, что многое будет зависеть от спортивной формы участниц.

— Конечно, сильная советская команда должна быть первой, — сказала она, — но я вас предупреждаю: молодые и растущие венгерки Мария Иванка и Жужа Вереци знают, как выигрывать. Если они возьмут высокий темп... Вспомните, что в розыгрыше Кубка европейских чемпионок во Врнячка-Бане именно они вместе с Элизабет Полихрониаде поделили первое место, оказавшись выше Гаприндашвили.

Да, было такое дело. Я в том турнире была в плохой форме, не успела к нему подготовиться и впервые, выступая в роли чемпионки мира, оказалась на четвертом месте.

В шахматах, как и в спорте вообще, действительно многое зависит от формы. К тому же на всех олимпиадах с нами соперничала целая группа команд социалистических стран — Югославии, Румынии, Венгрии, ГДР, Болгарии, Чехословакии. Одна, а то и две из этих команд обязательно находились на подъеме, и поэтому мы должны были считаться с тем, что кто-нибудь наверняка предпримет попытку отнять у нас Кубок Веры Менчик. Словом, получилось так, что наши соперницы как бы менялись на многолетней гонке и получали передышку, мы же всегда должны были в силу своего положения только идти впереди.

Но и олимпиада в Скопле прошла для нас без особых волнений. Во многом это объяснялось тем, что в финале именно мы взяли быстрый темп: первый тур — с Румынией — 2 : 0, второй — с Англией — 2 : 0! В итоге мы набрали $11^1/_2$ очков из 14, на $3^1/_2$ очка опередив команды Румынии и Венгрии.

Однако на шестой олимпиаде, проходившей в 1974 году в колумбийском городе Медельине, я опять лишний раз убедилась, какое это трудное, сложное и загадочное состязание — командная игра!

На этой олимпиаде многое было впервые. Впервые участвовали команды 25 стран. Наконец-то ФИДЕ обра-

тило серьезное внимание на женскую часть шахматной семьи. До сих пор в ФИДЕ существовала откровенная дискриминация по отношению к женскому шахматному движению. Но постепенно творческие и спортивные достижения женщин, в том числе и в мужских турнирах, заставили многих скептиков пересмотреть свои взгляды на так называемую женскую игру. Увеличение числа досок на олимпиаде до трех (при одной запасной), а также решение ФИДЕ проводить женские олимпиады по примеру мужских — раз в два года, свидетельствуют о том, что шахматистки сумели постепенно завоевать к себе уважение.

Впервые олимпиада проводилась за океаном. Даже мужская олимпиада, или, как ее тогда называли, турнир наций, проводилась на американском континенте — в Буэнос-Айресе в последний раз лишь в 1939 году — перед самым началом второй мировой войны.

Наконец, впервые советская команда не только не была лидером, но и натолкнулась на конкуренцию не одной, а целых трех команд. Победу, опять-таки впервые, пришлось добывать в «добавочное время», то есть в дополнительном матче в два круга. Словом, колумбийская олимпиада была необычной и вызвала особый интерес.

Надо сказать, что к этим соревнованиям мы готовились как никогда тщательно. Медельин расположен на плато, окруженном горами на высоте 1500 метров над уровнем моря. Поэтому и тренировочный сбор мы провели в Боржоми в условиях, чем-то напоминающих те, которые ожидали нас в Медельине (Боржоми расположен на высоте 800 метров).

Зная силу наших соперниц, я перед началом олимпиады высказала журналистам уверенность в том, что борьба будет для нас особенно трудной. До сих пор я не подозревала о том, что у меня есть дар провидицы, но факт остается фактом — мой прогноз оказался безупречно точным.

15 побед в 15 лет. Чемпионат Грузии, 1956 г.

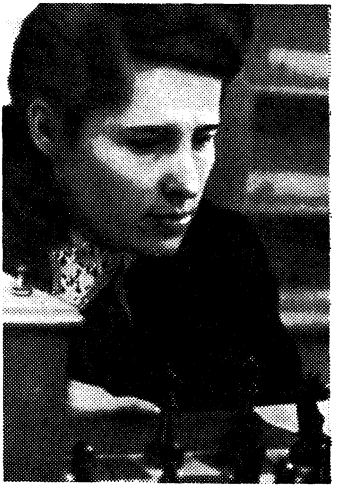
С Наной Александрия и Вахтангом Карселадзе.

Вера Менчик.

Людмила Руденко.

Елизавета Быкова.

Ольга Рубцова.

Е. Быкова сдает полномочия. Сентябрь 1962 г.

Валентина Борисенко.

Лариса Вольперт.

Кира Зворыкина.

Татьяна Затуловская.

Валентина Козловская.

Манана Тогонидзе.

Алла Чайковская.

С М. В. Шишовым.

С Милункой Лазаревич.

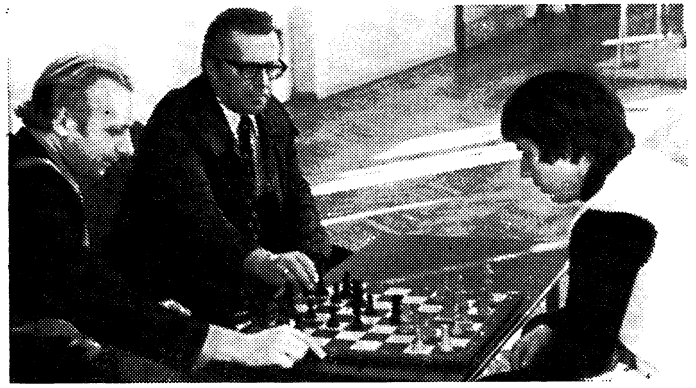
Встреча после победы.

С братьями — Эмзаром, Мурадом, Нугзаром, Джемалом, Тамазом.

Моя семья.

А. Шмит и А. Гипслис — мои секунданты.

Дворец пионеров в Зугдиди.

Открытие футбольного сезона в Грузии.

Марта Шуль-Литинская.

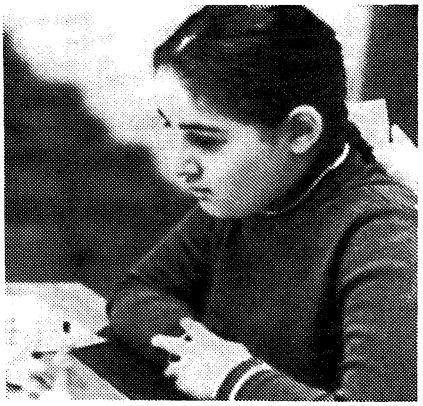
Елена Рубцова-Фаталибекова.

Перед матчем.

Элисо Какабадзе.

Майя Чибурданидзе.

С пионерами.

Условия матча подписаны.

Матч открыт.

С А. Карповым.

Наряд чемпионки.

Началось с того, что старт наш в финальном турнире был во многом похож на злополучный старт олимпиады в Оберхаузене, хотя встречались мы отнюдь не с сильной командой, а с шахматистками Голландии, которые не должны были представлять сколько-нибудь серьезной опасности. Меня удивило, что наш многолетний тренер Константинопольский долго думал, кого поставить против голландок. Но он знал, как важно удачное начало в турнире с короткой дистанцией (в главном финале участвовало десять команд), и беспокоился не зря.

Выбор тренера пал на «основной» состав — на меня и Нану Александрия (я взяла слово «основной» в кавычки, потому что практически запасная играет столько же раз, а иногда, как это было на третьей олимпиаде, даже и чаще, чем первые две шахматистки). Ирина Левитина была в этот день зрительницей, но переволновалась не меньше нас.

Начало, впрочем, не предвещало ничего неприятного. Я черными постепенно переиграла опытную Врекен, а затем и выиграла пешку. Позиция Наны, игравшей с Белле, была превосходной, и я решила, что мы возьмем два очка. Когда партия Наны закончилась, я в уверенности, что она выиграла, тихо окликнула ее. Нана обернулась ко мне и с убитым видом соединила два пальца в колечко — ноль: оказывается, одним ходом она зевнула ладью и мат — вот она, лихорадка командного турнира.

Это было бы еще ничего, но, увы, как говорил Тарраш, «ошибки, подобно несчастьям, не бывают одинокими». Беда, постигшая Нану, так меня ошеломила, что я тут же допустила непростительную ошибку, перейдя в пешечный эндшпиль, который оказался ничейным. Я не случайно назвала свою ошибку непростительной — кто-кто, а я, опытнейший олимпиадный боец, не имела права поддаваться унынию. Словом, мы потерпели поражение и

сразу же пропустили вперед своих главных конкуренток — команды Венгрии, Румынии и Болгарии.

Это были действительно опасные соперницы. Иванка и Вереци выдвинулись в группу претенденток на мировое первенство, у румынок, хотя и не играла Николау, очень удачно выступала Гертруда Баумштарк, а у болгарок, всегда игравших ровно, появился лидер, которого им так недоставало прежде, — наша Татьяна Лемачко. Выйдя замуж за гражданина Болгарии, она переехала в эту страну, стала чемпионкой республики и взяла первые призы в двух международных турнирах.

Таким образом, хотя постоянные соперницы советской команды — шахматистки Югославии утратили свою былую силу, судьба наша не стала легче, ибо, как мы вскоре убедились, каждая из названных выше трех команд, особенно после неудачи сборной СССР на старте финального турнира, целилась на первое место.

Но не так страшна была потеря полутора очков, как ее психологические последствия. Это был тот самый случай, когда команда начала «катить». Хотя нам теперь надо было не только выигрывать, но еще и с максимальным счетом, мы несколько встреч, в том числе и с румынками, свели вничью. Как мы ни старались, как ни ободряли нас Айвар Гипслис и Александр Маркович Константинопольский, прийти в себя, полностью обрести спокойствие нам поначалу никак не удавалось. С англичанкой Причард, например, я играла так неровно, так измучила Гипслиса, что он, обычно такой спокойный и невозмутимый, потерял терпение и даже перестал со мной разговаривать. И хотя я и выиграла эту встречу, а все же чувствовала себя перед тренером виноватой и попросила у него за свою плохую игру прощения.

Но, пусть и с опозданием, мы начали постепенно приходить в себя. К тому же наши конкурентки нанесли друг другу чувствительные удары и снизили темп. И к последнему туру, хотя мы так ни разу и не были лидерами, со-

здалась острейшая и запутанная ситуация, оставившая нам, однако, шансы на успех.

Больше всех очков имели шахматистки Венгрии — у них было $12\frac{1}{2}$ очков. Далее шла наша команда — 12 очков, болгарки и румынки имели по $11\frac{1}{2}$. Нам надо было обязательно выиграть, хотя бы и с минимальным перевесом — только это позволяло, по крайней мере, разделить первое место. В случае же даже ничьей мы рисковали не попасть и в первую тройку. Вот такую мы создали себе обстановочку, да и то еще это было хорошо.

Наша задача и осложнялась и облегчалась в одно и то же время, ибо — и в этом была вся соль! — мы играли с лидерами (румынки встречались с англичанками, а болгарки — с голландками). Нужно ли говорить, как много в этой ситуации зависело от нашего хладнокровия, а также от опыта, умения, интуиции наших тренеров. И, как выяснилось, обе стороны оказались на высоте.

Тут я должна раскрыть маленький секрет. Константинопольский и Гипслис пошли на хитрость (которая, кстати, возможна только в командной борьбе). Так как в предыдущем туре Нана была свободна, а утром в день игры Левитина беззаботно плавала в бассейне, наши соперницы вправе были ожидать, что против Вереци выступит Александрия. Можно было не сомневаться, что тренеры венгерской команды тщательно готовили Жужу именно против Наны. Но на игру, к их удивлению, вышла Ира. Этот тренерский ход, оказавшийся, кстати, возможным потому, что участие нашей запасной практически не ослабляло команду, уже сам по себе оказал на Вереци определенный психологический эффект. К тому же Ира, вообще великолепно игравшая на этой олимпиаде, была соответствующим образом подготовлена, причем ей-то никакие сюрпризы не грозили.

Словом, Ирина уже на пятом ходу применила дебютную новинку и, проведя всю партию с большим подъемом, одержала столь важную для нас победу. Я на про-

тяжении всей партии оказывала на позицию Иванки сильный нажим, но она искусно и упорно защищалась и добилась ничьей. Мы обе были очень довольны творческим содержанием борьбы, во всяком случае у меня это была одна из самых интересных партий на олимпиаде.

Итак, мы опередили лидеров, но столько же очков — $13\frac{1}{2}$ (из 18) набрала и румынская команда, победившая сборную Англии с сухим счетом. Так как встреча СССР — Румыния завершилась «в основное время» вничью, предстоял повторный матч в два круга.

В первом туре я встречалась с Полихрониаде и применила чисто психологический прием. Моя соперница избрала черными в сицилианской защите вариант, который она до сих пор не играла. Но зато его незадолго до того применили против меня в чемпионате СССР. Я задумалась. Мне было понятно, что Полихрониаде пустилась в плавание по неизведанным для нее морям, неожиданный поворот событий наверняка должен был ошеломить ее. Так оно и случилось — моя соперница сдалась уже на девятнадцатом ходу. (После партии я лишний раз убедилась в том, что ничто не ново под луной. Оказывается, еще в 1946 году потерпел крушение в этом же варианте знаменитый австрийский гроссмейстер — и знаток теории! — Грюнфельд.)

Встреча Наны, игравшей черными с Баумштарк, протекала с переменным успехом и заставила всех нас изрядно понервничать. Баумштарк очень хорошо провела всю олимпиаду. И в этой партии она захватила инициативу и до последнего момента оказывала сильное давление. Нана попала в острейший цейтнот, но каким-то чудом делала все время единственные спасающие ходы. В один момент она все-таки не заметила ничейного варианта и отложила партию без пешки.

Надо было бороться за половинку очка. Мы все долго анализировали отложенную позицию и пришли к выводу, что, если Баумштарк записала сильнейший ход,

черные окажутся перед большими трудностями. Но именно в ответственнейший момент Баумштарк изменила выдержка! Она записала слабый ход, после чего ее перевес вскоре улетучился. Поняв это, Баумштарк растерялась. У нее были ладья и три пешки против ладьи и слона черных. Если бы Баумштарк отдала одну из пешек, проигрыш ей не грозил. Но она стала пешку защищать, и Нана, как ни странно, именно с помощью этой неприятельской пешки сплела матовую сеть для белого короля.

Главное было сделано, теперь нам достаточно было пол-очка. Назавтра мне удалось, сыграв вничью с Полихрониаде, обеспечить команде очень трудную, но оттого лишь еще более желанную победу. А потом еще полочка принесла во встрече с Теодореску и Левитина. 3 : 1 — таков был итог дополнительного матча.

Итак, в шестой раз подряд сборная СССР завоевала Кубок Веры Менчик, но, надеюсь, вы поняли, каких нервных потерь это нам стоило. Вот что такое шахматная женская олимпиада, вот что такое командная борьба в шахматах...

МНОГОЛЕТНИЙ СПОР

За двадцать лет выступлений в крупных шахматных соревнованиях мне приходилось не раз встречаться с сильнейшими шахматистками мира. Но главной моей соперницей, по крайней мере до сих пор, была Алла Кушнир, которая трижды — в 1965, 1969 и 1972 годах вступала в борьбу за титул чемпионки.

Откровенно говоря, я была разочарована итогами соревнования претенденток 1964 года. Больше всего мне хотелось сыграть матч с Милункой Лазаревич. И не только потому, что международный резонанс был бы намного сильнее — агрессивный стиль Лазаревич мне очень по душе, и не сомневаюсь, что сам процесс игры против нее доставил бы мне истинное творческое наслаждение.

Очень хотелось мне помериться силами и с Татьяной Затуловской. Это была тогда, наверное, самая опасная конкурентка. Таня находилась в ту пору в расцвете творческих сил, а победа в турнире претенденток еще более укрепила бы ее веру в себя. Думаю, что матч с Затуловской и в спортивном, и в творческом смысле был бы наиболее интересным и значительным.

Судьбе, однако, угодно было остановить свой выбор на Кушнир. Должна сказать, что я не в обиде на свой характер, и мне не составило большого труда перестроиться и отказаться от радужных надежд. О том, что это будет трудная противница, мне стало ясно уже во время

предварительных переговоров о месте проведения матча. Откровенно говоря, они озадачили меня. Я считала и считаю сейчас, что чемпионка мира имеет, если речь идет о выборе места, некоторый приоритет. Вы помните, что я без малейших возражений приняла предложение Быковой весь матч играть в Москве.

Мне казалось, что и Кушнир должна была отнестись уважительно к моим пожеланиям, тем более что я вовсе не настаивала на том, чтобы весь матч проходил в Тбилиси. Либо весь матч в Риге, либо половина в Москве, половина в Тбилиси — такой вариант казался мне разумным и справедливым. Претендентка, однако, ссылаясь на то, что у нее маленький ребенок, настаивала только на Москве или на Ленинграде. Когда же я в качестве дополнительного аргумента сослалась на мою уступчивость во время переговоров о матче с Быковой, мне объяснили, что это была моя ошибка...

В конце концов Федерация шахмат СССР решила все же разделить матч пополам — на Тбилиси и Москву, и я начала уже готовиться в Леселидзе, когда вдруг меня вызвали во Всесоюзный спортивный комитет и стали уговаривать согласиться на новое (и мое старое) предложение Кушнир — играть... в Риге.

Я привожу здесь этот незначительный на первый взгляд эпизод лишь для того, чтобы было понятно, что меня ожидала очень трудная и очень практичная соперница, которая не хотела упускать ни малейшего шанса.

И все же должна сознаться в том, что я не считала Кушнир опасной противницей. Да, я знала, что она хорошо теоретически подготовлена, очень старательна и трудолюбива, не делает грубых промахов. Главное же, глубоко понимает позицию, искусно разыгрывает классические схемы. Но в то же время Кушнир не хватало творческой фантазии. Там, где надо было действовать, руководствуясь не общими соображениями, а самостоя-

тельно, особенно в острых ситуациях, она чувствовала себя недостаточно уверенно.

В целом матч подтвердил эту предварительную оценку, хотя Кушнир оказалась все же более трудной противницей, чем я ожидала. Борьба с ней требовала полной отдачи на протяжении всех пяти часов. Кушнир очень упорна, особенно в защите, и она быстро приучила меня к тому, что в игре с ней нельзя позволить себе расслабляться даже в выигрышных позициях.

Первый матч закончился со счетом $8^1/_2 : 4^1/_2$ в мою пользу — 7 побед и 3 поражения при 3 ничьих. Кушнир имела равный счет только после второй партии, а после третьей я уже вырвалась вперед и не давала себя догнать.

Любопытно, что черными в этом матче я выиграла пять партий без единого поражения, белыми же только две, причем проиграла три! Этому есть свое объяснение. Белыми я иногда играла азартно. Во второй партии, например, без всяких оснований пожертвовала фигуру — как говорится, из любви к искусству, не желая считаться с тем, что Кушнир превосходно защищается.

Эта страсть — лихо сыграть «на красоту», на бьющий в глаза эффект — сохранилась у меня с юных лет, и, должна признаться, что именно матчи с Кушнир помогли избавиться от этой детской болезни. Нигде, как в матчах, от шахматиста требуется трезвость, самодисциплина, особая собранность. Матч с Быковой, где победа далась мне сравнительно легко, мало чему научил меня в этом смысле. Кушнир же, не прощавшая мне легкомыслия, заставила меня пересмотреть некоторые аспекты моей игры, в частности, строже относиться к поискам непременно эффектных, а не рациональных решений.

На большинство шахматистов поражение в матче действует обычно угнетающе. Кушнир принадлежит к числу тех натур, которые переносят поражение не только безболезненно, но еще и извлекают все необходимые уроки,

Впрочем, один урок пошел ей не впрок, и второму матчу опять предшествовала неприятная процедура долгих переговоров о месте соревнования, которые со стороны моей соперницы носили характер своеобразной психической атаки. Кушнир вновь воспротивилась моему предложению: первую половину матча провести в Тбилиси или в любом другом городе Грузии, вторую — в любом городе России (включая, разумеется, и Москву) либо весь матч сыграть в одном из городов Прибалтики.

В конце концов в спор вмешалась ФИДЕ, которая утвердила мой вариант: первую половину матча провести в Тбилиси, вторую — в Москве, причем с отсрочкой на шесть месяцев — то есть не осенью 1968 года, а весной 1969-го.

Томительное ожидание и долгие переговоры заставили меня переволноваться, как, впрочем, и саму их инициаторшу. Теперь моим тренером был гроссмейстер Гипслис, секундантом — мастер Иво Ней. Всю подготовку, чтобы войти в форму к началу матча, пришлось вести заново. Отчасти этим объясняется то, что я начала матч крайне неудачно.

Но была и еще одна, очень важная причина. Это только говорится, что дома и стены помогают. В действительности играть дома, на виду у родных, друзей, знакомых, соседей, которые, конечно же, ждут, что я в каждой партии буду побеждать, очень и очень непросто. Я понимала это и до начала матча, но уже первая партия показала мне, что я все-таки недооценила всех этих специфических трудностей.

Первая партия всегда играет психологически важную роль даже на длинной дистанции. Случилось так, что в первой партии с перестановкой ходов возникло построение сицилианской защиты, в котором черным, а я играла этим цветом, приходится вести долгую защиту, причем без каких-либо надежд на перехват инициативы.

Уже преодолев главные трудности, я ошиблась в расчете вариантов и получила безнадежную позицию.

Большинство зрителей уже поняло, что произошло. Поглядывая краем глаза в зал, я не то чтобы видела, но ощущала всем своим существом, что зрители разочарованы, ошеломлены происходящим, а главное, удивлены — как это я, чемпионка мира, проигрываю партию. Я испытывала незнакомое мне до этого чувство смущения, даже стыда. Прежде, когда мне случалось проигрывать, особенно если соперница побеждала по праву, я относилась к этому спокойно. Теперь же мне казалось, что я обманула доверие и надежды многих и многих людей.

После окончания партии, однако, я успокоилась. Все было нормально, Кушнир четко использовала мой промах. Поэтому, выйдя из Театра имени Руставели и увидев расстроенные лица родных, я сказала: «Прошу вас, никакой паники, все будет хорошо». Видите, мне, проиграв на старте, надо было успокаивать моих болельщиков!

Тем не менее и во второй партии моя позиция долгое время была трудной, и лишь не без помощи Кушнир, проявившей в нужный момент отсутствие решительности, мне удалось сделать ничью. После третьей встречи мне удалось сравнять счет, но в четвертой, во многом из-за непреодоленного желания доставить болельщикам удовольствие и продемонстрировать «неотразимую» атаку на короля, я вновь потерпела фиаско.

Четвертая партия во многом напоминала вторую из предыдущего матча и была рецидивом моей страсти к эффектной игре вообще и атаке на короля, в частности. К тому же здесь я еще проявила откровенное пренебрежение к требованиям позиции, ибо самым логичным решением было наступление на другом фланге, подготовленное всеми моими предыдущими действиями. Но я не только нарушила в азарте позиционные законы, но и

вообще легкомысленно оставила ферзевый фланг на произвол судьбы. Соперница без особого труда отбила мои наскоки на черного короля, попутно разрушила мой ферзевый фланг и образовала там опасную проходную пешку, стоившую мне фигуры, что и решило исход борьбы.

Все, сказала я себе, отныне беру себя в руки и не поддаюсь никаким соблазнам.

Четвертая партия была последней удачей Кушнир. В пятой я усыпила ее бдительность готовностью пойти на размены, что означало как будто бы желание закончить дело миром. Но я глубже оценила позицию, захватила инициативу и в эндшпиле малыми силами сплела вокруг белого короля матовую сеть. Это была, наверное, лучшая партия в матче. Петросян впоследствии заметил, что «этот эндшпиль украсил матч»...

В шестой встрече мне уже удалось осуществить наконец то, о чем я мечтала, — создать прямую атаку на короля. Начиная с этого момента я вышла вперед в счете и не упустила инициативу до конца.

Общий итог второго матча был $8\frac{1}{2} : 4\frac{1}{2}$, то есть точно такой же, как и первого. Но это отнюдь не означало, что моя противница играла в ту же силу, что и три года назад. Нет, она заметно усилилась, как, впрочем, усилилась и я, ибо матчевый и турнирный опыты не прошли даром.

В третьем матче, проходившем в Риге (на этот раз мы выбрали место встречи за считанные минуты), события протекали довольно своеобразно.

Поначалу все шло как обычно. Я уверенно вела в счете — 3 : 1, $4\frac{1}{2} : 1\frac{1}{2}$, 6 : 3. Теперь в оставшихся семи партиях мне достаточно было набрать всего два очка, но тут и начала сказываться вызванная недомоганием усталость. С каждой партией я играла все хуже и хуже. Достаточно сказать, что мне больше не удалось выиграть ни одной встречи! И это при том, что я получала, как правило, очень хорошие позиции. В десятой

встрече я упустила шансы на выигрыш, а дальше пошло еще хуже.

Особенно большое психологическое значение имела одиннадцатая партия. Она могла практически решить судьбу матча, ибо в оставшихся пяти встречах мне достаточно было бы для удержания звания сделать лишь одну ничью. Поэтому разочарование мое было особенно велико. В то же время она «разоблачила» мое состояние и вдохнула новые силы в волевую противницу, подсказав ей, что не все еще потеряно.

Ах, эта одиннадцатая партия! До сих пор нахожусь в недоумении по поводу того, как я могла натворить такое! Белыми в сицилианской защите я применила новый план игры. Кушнир не разобралась в позиции, потеряла пешку и попала под страшную атаку. И я не только не смогла выиграть, но даже умудрилась проиграть. Это была моя худшая партия во всех игранных мною матчах на первенство мира, и, может быть, если иметь в виду ответственные соревнования, и худшая партия вообще.

Поражение подействовало на меня удручающе. Хотя счет был $6^1/_2 : 4^1/_2$ в мою пользу, я никак не могла успокоиться. Моя нервная система, которая до тех пор (и после!) всегда была моим надежным союзником в самых сложных ситуациях, отказала. Теперь-то я хорошо понимаю, что всему виной было нездоровье, но тогда я была в состоянии, близком к растерянности.

Мои родные и друзья прекрасно отдавали себе отчет в происходившем. После партии я не ужинала, не могла говорить, угрюмо молчала. Меня привели в номер гостиницы «Рига», где жила мама. Там стояло пианино. И тут экспромтом состоялся концерт самодеятельности. Журналист Васико Мчедлишвили сел за пианино. Муж Анзор, все мои пять братьев, директор Тбилисского шахматного клуба Лили Церодзе, подруги Лейла Начхебия и Чито Кендия стали петь веселые песни. Потом Васико свистел, фотокорреспондент Михаил Заргарян

плясал. Как мы потом узнали, тренеры моей противницы Юрков и Корелов, жившие рядом, были настолько удивлены — почему такое веселье после проигрыша?! — что даже не пошли ужинать.

Увы, я только один раз улыбнулась. Меня замкнуло на одной мысли, которая сверлила мне голову: я могла выиграть и практически закончить матч, а вместо этого потеряла два очка — одно не прибавила себе, другое подарила сопернице.

Следующий день был выходным, мы пошли на концерт органной музыки в Домский собор, а после ужина Васико снова пел для меня. Но взять себя в руки я так и не сумела. В двенадцатой партии я видела выигрывающий вариант с жертвой слона, видела и... отвергла его. Отвергла только потому, что потеряла уверенность в себе. Самое страшное для меня было в том, что я проявила не свойственную мне нерешительность в своей родной стихии — комбинационной игре.

Словом, я не вышла из состояния депрессии. Тринадцатая партия также закончилась вничью, и мне теперь не хватало всего половины очка. Но в четырнадцатой я, перехватив черными инициативу и выиграв пешку, снова сбилась с правильного пути и проиграла.

Перевес мой стал минимальным — $7^1/_2 : 6^1/_2$. Это уже было серьезно. Я двигалась к финишу как самолет, у которого кончилось горючее, и все зависело от того, сумеет ли он, планируя и теряя скорость, добраться до аэродрома.

И тут наконец я неожиданно успокоилась. Успокоилась сама, без посторонней помощи, когда в ответ на чьи-то ободряющие слова сказала: «Не надо напрасно волноваться. Если я из трех партий не сумею хотя бы одну закончить вничью, значит, я не чемпионка мира». Неотразимая, хотя и грустная логика этих слов оказалась для меня лучшей психотерапией.

Я всегда верила в справедливое начало шахматной

игры. В шахматах нет ничего случайного. Тот, кто упустил выигрыш в цейтноте, виноват в том, что попал в цейтнот. Тот, кто в лучшей позиции зевнул фигуру, не владеет своими нервами, либо недостаточно физически готов к трудной борьбе и устает к пятому часу игры. А потому, если чемпионка мира не может хотя бы одну из трех партий закончить вничью, значит, она обязана уступить свой титул сильнейшей.

И в пятнадцатой партии я добилась своей цели! Хотя, вопреки заранее принятому решению и советам Гипслиса, я, поддавшись искушению, сыграла в определенный момент азартно и дала Кушнир некоторые шансы, мне удалось точной защитой вынудить соперницу смириться с ничейным исходом. И последняя партия закончилась так же, и, стало быть, я не только защитила свой чемпионский титул (для чего хватило и восьми очков), но и выиграла матч — $8^1/_2 : 7^1/_2$.

Это была четвертая победа в борьбе за мировое первенство, но и первый матч, выигранный с минимальным перевесом. Я была бы очень огорчена этим, если бы не моя болезнь, болезнь, которая не оставляла меня в покое до конца матча.

Меня удручал не столько счет матча, сколько характер некоторых комментариев. Когда Ботвинник защитил свой титул, закончив вничью (12 : 12) свои матчи с Д. Бронштейном (1951 г.) и В. Смысловым (1954 г.), ни у кого не вызывало сомнений, что чемпион по праву остался на троне. Моя же победа (победа, а не ничья!) вызвала у некоторых журналистов, не умевших оставаться бесстрастными, чуть ли не раздражение. Особенно усердствовал корреспондент одной молодежной газеты. Его комментарии пестрели оборотами типа: «Если бы Кушнир сыграла так, то...» И дальше следовал вариант, из которого следовало, что либо я случайно выиграла, либо случайно защитила трудную позицию.

Не стоит доказывать, что такой подход к оценке

шахматной борьбы и несправедлив, и принципиально неверен. Никаких «если бы...». Если бы Бронштейн не проиграл 23-ю партию матча с Ботвинником, то... Наверное, хватит одного этого предположения. Комментатор, насколько я понимаю, это истолкователь происшедшего события. Истолкователь, а не пристрастный болельщик, дающий волю своим симпатиям и антипатиям.

Это был первый случай, когда я почувствовала себя обиженной на прессу. И вместе с тем это было первое напоминание о том, что не за горами то время, когда симпатии любителей шахмат будут в большинстве своем принадлежать не мне, а моим молодым соперницам. К этому времени, к этому периоду, который раньше или позже неизбежно наступает в судьбе каждого чемпиона и чемпионки мира, надо было готовиться, чтобы встретить трудное испытание во всеоружии всех своих физических, психических и моральных сил.

БОРЮСЬ ЗА РАВНОПРАВИЕ

Приходилось ли вам слышать выражения: «женские шахматы», «женская игра»? Мне приходилось, и не раз, причем иногда произносилось это мужчинами-шахматистами с оттенком нескрываемого превосходства. Люди, говорившие так, совершенно не понимали, что вели себя неучтиво. Для них это были абсолютно нормальные термины, объективно отражающие суть закономерного, с их точки зрения, явления. А именно того явления, что женщины играют в шахматы, безусловно, слабее мужчин.

Да, женщины играют слабее (добавлю — пока). И на то есть и объективные причины, которые почему-то игнорируются, и субъективные.

Существуют и женская легкая атлетика, и женский волейбол или, скажем, женский велосипедный спорт, но в определениях этих нет для женщин ничего обидного и говорится об этом без всякой иронии. А ведь диск или ядро для женщин весят меньше, чем для мужчин, волейбольная сетка висит на много сантиметров ниже, а в велосипедных соревнованиях женщин отсутствуют такие интереснейшие виды состязаний, как, например, многодневная гонка, гонка за лидером и т. д.

Существуют, следовательно, какие-то объективные физиологические особенности, лишающие слабый пол возможности на равных соперничать с мужчинами в подавляющем большинстве спортивных дисциплин.

Так вот в шахматах эти физиологические особенно-

сти прекрасной половины человеческого рода попросту игнорируются. Как и мужчины, женщины играют в длинных турнирах, которые длятся порой около месяца — с ночными анализами отложенных партий, со специальной подготовкой к каждой сопернице, с нервными переживаниями, недосыпаниями и т. д. и т. п. Как и мужчинам, нам дается по два с половиной часа на 40 ходов, значит, как и мужчины, женщины попадают в цейтноты, то есть испытывают в ходе шахматной борьбы те же стрессовые состояния, что и шахматисты.

Значит ли это, что я считаю необходимым сделать для шахматисток какие-либо послабления? Ну, допустим, сократить число контрольных ходов с 40 до 35? Нет! И не только потому, что такое сокращение — это палка о двух концах: уменьшение числа контрольных ходов неизбежно приведет к тому, что будет откладываться больше партий.

Шахматистки не нуждаются ни в каких поблажках. В конце концов, хотя женщина в силу особенностей своей физиологии, психики уступает мужчине в бойцовских качествах, она все же обладает, в силу тех же самых особенностей, некими компенсирующими качествами. Не зря же появился призыв: «Берегите мужчин!»

Да, женщина сейчас не может пока в шахматах на равных бороться с мужчинами, это так. Но если взять чисто творческую сторону, а она, как критерий мастерства, класса (не силы игры!), является, быть может, самой важной в оценке игры шахматиста, то женщины в этом смысле не так уж и уступают мужчинам. Иначе говоря, разница между классом игры шахматистов и шахматисток менее велика, чем разница между силой их игры. Некоторые стратегические идеи, комбинационные замыслы, тактические выпады шахматисток отличаются большой глубиной и яркостью.

И если я здесь говорю о том, что женщины в шахматах бесспорно слабее мужчин, то имею при этом в виду

одну цель — констатировать, что факт этот объясняется единственно теми преимуществами, которые мужчины имеют перед женщинами не в интеллектуальной сфере, а в остальных, имеющих непосредственное отношение к шахматной борьбе, шахматному спорту. Понимание этого позволит отнестись к шахматной борьбе у женщин с бо́льшим уважением, во всяком случае с таким, какого она заслуживает.

Несведущие люди обычно думают, что шахматы требуют только нервных, психических нагрузок (с чем женщины, как считается подчас, справляются не хуже мужчин), но не физических. В действительности и перед нервными нагрузками более эмоциональная женская натура чувствует себя менее стойкой, а к тому же шахматная борьба, особенно если в турнире большое количество участниц, требует и самой обыкновенной физической выносливости.

В книге «Три матча Анатолия Карпова» М. М. Ботвинник пишет: «Шахматы хотя и интеллектуальный, но напряженный труд, шахматист обязан выдерживать жесткую нагрузку». Далее Ботвинник рассказывает о том, сколько времени и сил отнял у него анализ и двукратное доигрывание 20-й партии матч-реванша с М. Талем. И затем продолжает: «Способен ли на такое напряжение человек, если он не настоящий шахматист? Вряд ли» А каково настоящим шахматисткам? Разве им легче?

Не зря все-таки шахматы называют сплавом науки, своеобразного искусства и спорта, причем в 70-е годы спортивные мотивы в шахматах заметно усилились и в некоторой степени подавили собой их творческую сторону.

Жесткая и, добавлю, жестокая система отбора, действующая на всех ступеньках шахматной иерархии, несомненно, дисциплинирует, упорядочивает всю систему шахматных соревнований, и этим она полезна и необходима. Но вместе с тем олимпийский способ, при кото-

ром проигравший напрочь выбывает из дальнейшей борьбы, вольно или невольно заставляет шахматистов частично или даже полностью игнорировать творческие задачи, способствует развитию практицизма, приводит порой к отрицанию риска.

В обстановке такой спортивной напряженности, когда надо почти в каждом турнире «отбираться», когда каждый «сбой» беспощадно карается, женщинам трудно, а может быть, и невозможно конкурировать на равных с мужчинами. Ибо есть, по-видимому, в мужской биологии, в мужском характере нечто, развитое тысячелетиями человеческой истории и позволяющее им легче переносить такое напряжение, оставаться до последнего тура, до последнего хода в боеспособном состоянии, не расслабляться ни на один момент.

Правда, женщинам не приходится в отборочных соревнованиях встречаться с мужчинами, здесь борьба ведется раздельно. В последние годы, однако, нередко устраиваются смешанные турниры, даже чемпионаты (в частности, чемпионат США), где мужчины играют вместе с женщинами.

Я, например, участвуя в мужских турнирах, с удивлением заметила, что на последнем часе игры, чаще всего в последние 15—20 минут, совершаю обиднейшие промахи. Эти промахи особенно частыми бывают тогда, когда я добиваюсь большого перевеса. Если бы я не выпускала победу на последних ходах, насколько выше были бы мои результаты в мужских соревнованиях!

Так что же, меня не хватает на последний час игры? Нет, до сих пор я была достаточно хорошо физически подготовлена и, если и совершала ошибки на пятом часу игры, то не чаще, чем на предыдущих четырех.

Просто я убедилась в том, что мужчины даже в безнадежных позициях защищаются упорно и яростно, бьются до «последней капли крови» — таков уж мужской характер. Женщины же, если они убеждаются, что

их позиция проиграна, как правило, опускают крылья и стойкого сопротивления не оказывают. Я, к примеру, потеряла много половинок очка, пока уразумела эту черту мужского характера, но и, осознав это, все же продолжала, хотя и реже, амнистировать своих противников. И это уже объяснялось, по-видимому, тем, что женщине с ее более мягким характером трудно заставить себя находиться в состоянии собранности, жесткой самодисциплины до последнего хода.

Словом, шахматный спорт предъявляет к женщинам точно такие же требования, что и к мужчинам, не делая никаких скидок даже в совместных соревнованиях. Тем не менее и шахматистки способны — даже во встречах с мужчинами! — на творческие и спортивные взлеты. Только традиционный взгляд на нашу игру, как игру несовершенную, даже слабую, настолько прочно укоренился, что мужчины просто не могут поверить, что женщина может задумать и осуществить эффектную идею, сыграть красивую партию.

В связи с этим хочу припомнить случай, который произошел во время одного из матчей между сборными СССР и Югославии. Когда Зворыкина надолго задумалась над своим ходом, несколько гроссмейстеров — участников нашей команды, были вне себя: в распоряжении нашей шахматистки имелась не очень сложная, но весьма эффектная комбинация, и мужчины негодовали — как это Зворыкина ее не видит!

Между тем та продолжала думать и в конце концов сделала другой, увы, прозаический ход, который, правда, тоже привел к победе. Когда после партии гроссмейстеры с торжествующим видом показали Зворыкиной упущенную ею возможность, она с нескрываемой иронией продемонстрировала им вариант, опровергший гроссмейстерскую комбинацию. Оказывается, Зворыкина разобралась в позиции глубже, чем ее торопливые критики!..

Пусть не сочтет читатель за нескромность, если я приведу здесь пример и из собственной практики. В 1974 году я выступала в мужском турнире в Дортмунде (ФРГ). В третьем туре моим противником был немецкий мастер Сервати. В этой партии мне удалось осуществить красивую комбинацию с жертвой двух ладей. Под угрозой неизбежного мата Сервати вынужден был сдаться уже на 17-м ходу.

Победа эта доставила мне огромное творческое наслаждение. Партия обошла всю мировую шахматную печать. Позже Михаил Таль, лучший эксперт в мире в области комбинационной игры, дал этой партии очень высокую оценку. Другой известный гроссмейстер в журнале «Огонек» и вовсе рассыпался в комплиментах, назвав партию «бессмертной» и заявив, что она «войдет в золотой фонд шахматных шедевров».

Как ни лестны были для меня эти отзывы в «Огоньке», а все же скрывался за ними некоторый обидный подтекст. Дескать, смотрите, женщина, а как красиво играет! Потому что, осуществи такую комбинацию мастер-мужчина, комментарии были бы хоть и хвалебными, а все же менее восторженными.

В связи с этим не могу не привести одну курьезную (но весьма характерную!) подробность. Перед моим матчем с Наной Александрия один журналист, написав обо мне, упомянул эту партию, сообщив, что блестящей атакой я очень быстро заставила капитулировать... коперницу. Ему и в голову не пришло, что я могу в столь эффектном стиле выиграть у мужчины!

Должна признаться, что это не единственный и, конечно же, далеко не самый серьезный пример непреднамеренной дискриминации шахматисток. Куда хуже, я уже говорила об этом, что самая авторитетная шахматная организация — ФИДЕ в течение десятилетий проявляла откровенное неуважение к женскому шахматному движению. А ведь девиз ФИДЕ гласит: «Мы — одна

семья». Так-то оно так, а только в этой семье долгое время сохранялись домостроевские устои.

Достаточно вспомнить, что женские шахматные олимпиады начали свое существование на тридцать лет позже, чем мужские, да и то в первые годы проводились далеко не регулярно и с большими интервалами. Только начиная с 1976 года (спасибо и за это!) число участниц в команде увеличилось с двух до трех при одной запасной. (Кстати сказать, в вышедшей у нас в 1974 году книге, посвященной истории шахматных олимпиад, нет ни одного слова о женских олимпиадах, как будто их вовсе и не существует!)

Только с конца 1975 года введено звание гроссмейстера среди женщин. И это несмотря на то, что некоторые шахматистки не раз побеждали в личных встречах даже сильнейших гроссмейстеров.

До сих пор не проводятся чемпионаты мира среди девушек, в то время как у юношей проводится даже чемпионат Европы.

Насколько укоренилось представление о женских шахматах как о явлении второстепенном, не заслуживающем серьезного отношения, можно судить по такому любопытному примеру. Известный и очень сильный в свое время мастер И. Я. Кан опубликовал в 1975 году в еженедельнике «64» заметки, посвященные 40-летию с момента проведения в Москве крупнейшего международного турнира. Вспоминая о Ласкере, Кан, между прочим, пишет: «Будучи старейшим участником турнира, ветеран в частных беседах высказывал решимость побороться за мировое первенство. При этом, правда, он считал, что приемлемыми для него были бы условия, при которых ему не пришлось бы играть больше трех партий в неделю. Сейчас это желание может показаться странным, ведь так играют в матчах претендентов (и даже претенденток)».

Ах, как мило звучит это «даже»! Скажите пожалуй-

ста, даже претендентки получили право играть через день, да еще раз в неделю отдыхать! Как тут не вспомнить финальный матч претенденток 1975 года между Александрия и Левитиной. После того как 12 встреч не дали перевеса ни одной из сторон, матч продолжался до первой победы, причем в таком невыносимом напряжении соперницы провели еще пять встреч! Более того, можно смело утверждать, что ни один из финальных поединков претендентов-мужчин не отличался таким спортивным накалом, таким драматизмом.

Подумать только — 17 партий! А ведь, к примеру, М. М. Ботвинник утверждал, что оптимальное число партий для матча между мужчинами — это 20. И смотрите, шахматистки выдержали этот тяжелейший искус, упорно сражались, что называется, до последнего вздоха.

Правда, даже при таком регламенте, который кажется уважаемому мастеру слишком мягким для женщин, обе соперницы находились на пределе своих физических и нервных сил. И неудивительно: ведь до этого они выступали в межзональном турнире, где разделили второе-пятое места, потом провели дополнительный матч-турнир, чтобы отсеять пятую лишнюю, а затем сыграли еще полуфинальные матчи!..

Нетрудно догадаться, что матч Александрия — Левитина оказался тяжелым не только для них самих, но и для их тренеров. Во всяком случае, тренер Наны Александрия гроссмейстер Бухути Гургенидзе вернулся с матча бледным и осунувшимся. В интервью, которое он дал после окончания затянувшегося поединка, Гургенидзе заявил, что, по его мнению, претендентка на шахматный престол должна выявляться не в серии матчей — пусть этим мучительным делом занимаются мужчины, — а в матч-турнире шести или четырех участниц.

Уж если гроссмейстер пришел к выводу, что женщинам приходится играть в более трудных условиях, чем играют мужчины, то, стало быть, так оно и есть. Я не

хочу здесь вдаваться в детали предложения Гургенидзе, как и не хочу вообще обсуждать систему отбора претендентки на матч с чемпионкой мира. Но то, что руководители ФИДЕ, скопировав для женщин мужскую систему отборочных соревнований (а это было, конечно, проще всего), допустили промах, для меня бесспорно.

Совершенно ясно, что перед шахматистками многоступенчатая система отбора ставит слишком сложные задачи. Для сравнения напомню, что мне самой, чтобы встретиться с Быковой, достаточно было сыграть в двух соревнованиях — чемпионате страны (который был одновременно зональным турниром) и турнире претенденток.

Этот промах ФИДЕ, который, не сомневаюсь в этом, будет устранен, объясняется все тем же — нежеланием понять, что шахматисток, если иметь в виду чисто спортивные стороны соревнования, нельзя ставить в те же (и уж тем паче более трудные) условия, нежели мужчин. Опять-таки я не прошу льгот, а только хочу, чтобы при установлении условий соревнований принимались в расчет физические и психические возможности женского организма. В конце концов, кому и зачем нужны чрезмерные перегрузки?

Может быть, кое-кому покажется, что я проявляю здесь чрезмерную горячность. Вполне допускаю это. Но я вижу свой долг чемпионки мира еще и в том, чтобы всячески отстаивать права и достоинства шахматисток.

Но вернемся, однако, к тем причинам, которые продолжают мешать женщинам добиваться тех же спортивных высот, что и мужчинам. Одна из них в том, что женщина сравнительно недавно добилась — и то лишь в социалистических странах — равенства в правах с мужчинами. На протяжении веков шахматами интересовались (только интересовались!) лишь отдельные представительницы высших слоев общества. Шахматы среди

женщин не имеют поэтому градиций, своей истории, а это очень важные обстоятельства.

Экс-чемпионка мира Быкова, проделав гигантскую работу, собрала, правда, обширный материал об отдельных одаренных шахматистках прошлого. Но — об отдельных шахматистках. Женское шахматное движение оформилось только после первой мировой войны. У некоторых народов, впрочем, игра женщин в шахматы поощрялась как свидетельство светскости, образованности, тонкого вкуса. В Грузии, например, с древних времен существовал обычай вместе с приданым давать невесте и шахматы. Все это, однако, не могло идти ни в какое сравнение с популярностью шахмат среди мужчин.

По существу, накопление традиций женских шахматных соревнований происходит только сейчас. Поэтому неудивительно, что до сих пор в некоторых странах шахматы среди женщин лишь начинают завоевывать популярность либо пока не культивируются вовсе.

Но даже и в том случае, если женщина — как у нас в стране — пользуется теми же социальными правами, что и мужчина, — и тогда условия все же отнюдь не равны. Ведь мужчина не обременяет себя, как правило, большинством домашних забот, он с удовольствием передоверяет их, в том числе и воспитание детей, своей супруге. И это позволяет ему не только в периоды подготовки к соревнованиям, но и тем более во время самих турниров полностью сосредоточиваться на шахматах.

Женщина-шахматистка, увы, лишена таких привилегий. Даже если дома все благополучно, если дети ухожены и есть кому их покормить и погулять с ними, она мысленно — даже иногда во время партии! — находится дома, рядом со своими дорогими и близкими. Нужно ли доказывать, как это мешает полностью отдаваться шахматной борьбе? А ведь помните: «Шахматы требуют всего человека, полностью...»

Я знаю многих больших шахматистов, таких, как гроссмейстеры Бронштейн, Геллер, которые работают над шахматами по 5—6 часов в день, а, например, венгерский гроссмейстер Портиш трудится над шахматами и по восемь часов — полный рабочий день. (Кстати, жена Портиша сопровождает его на многие ответственные турниры.) Нет такой шахматистки в мире, которая могла бы позволить себе такую роскошь! Неудивительно, что в теоретической подготовленности и связанном с этим позиционном понимании, в разыгрывании окончаний, в технике игры мужчины превосходят женщин.

Для многих одаренных шахматисток именно семейные обязанности и тревоги оказались непреодолимым препятствием для их дальнейшего совершенствования. Мне лично в этом смысле повезло, но, конечно же, и я, отрываясь во время турниров надолго от дома, беспокоюсь, как там поживают мои родные, как чувствует себя муж Анзор и маленький Датико. А в двух мужских турнирах, не считая целого ряда женских, из-за домашних и прочих забот (связанных, в частности, с окончанием института) я играла практически без всякой подготовки.

Есть и совсем специфические причины, которые могут показаться нелепыми и смешными, но в действительности мешают женщинам во время соревнований полностью сосредоточиться на игре. Вряд ли шахматист обратит внимание, скажем, на то, в каком костюме или с каким галстуком пришел на партию его соперник. А женщину — что поделать, такими уж создала нас природа — интересует буквально все — платья или наряды других участниц, какие у них броши или кольца и т. д. и т. п. Можете смеяться над этим, но в жизни даже сильных женщин-мастеров, как бы ни были они поглощены шахматами, все эти детали отнюдь не являются мелочами и играют определенную отвлекающую роль.

И все же... Читатель, быть может, обратил внимание на то, что, говоря об отставании шахматисток от шахматистов, я употребила слово «пока». Да, несмотря на все специфические трудности и препятствия, класс шахматисток непрерывно растет, медленно, но верно приближаясь к классу мужчин. Это не изолированный процесс, не заслуга отдельных одаренных личностей, а логическое следствие тех огромных социальных перемен, которые происходят в мире и позволяют женщине в самых различных сферах культурной и духовной жизни становиться вровень с мужчиной, а иногда даже кое в чем и превосходить его.

В высшей степени характерен такой, вроде бы не столь уж многозначительный факт, как участие женщин в турнирах по переписке. Прежде, например, 15—20 советских шахматисток играли в мужских турнирах по переписке, женских соревнований такого типа вообще, если не ошибаюсь, не было. А теперь у нас в стране проводятся личное и командное первенства среди женщин с пятью-шестью полуфиналами, проводится и чемпионат мира.

С удовлетворением хочу отметить, что женские шахматы не только крепнут, набирают силу, но и молодеют. Помню, когда я, а затем Нана Александрия в 15 лет выступили в чемпионатах страны, это вызвало подлинную сенсацию. Но вот Майя Чибурданидзе в 13 лет становится международным мастером и участвует в чемпионате, а через год вместе с ней выступает в чемпионате страны среди взрослых и 13-летняя Нино Гуриели, становится призером чемпионата ВЦСПС еще более юная Нана Иоселиани, и это уже воспринимается широкой публикой спокойно.

В связи с этим на глазах меняется стиль женских шахмат. Девочки играют с бесшабашной смелостью, не боясь никого, не робея перед именами, и некоторые их атаки можно поставить в пример мужчинам. Как ни

покажется это странным, но некоторые юные шахматистки играют отважнее, задиристее, острее, чем их сверстники-юноши.

В 1973 году в матче СССР — Югославия всех удивила Майя Чибурданидзе, которой тогда было всего 12 лет. Многие видели, что во встрече с Калхбреннер она может после подготовительных ходов провести комбинацию, но Майя осуществила эту эффектную комбинацию немедленно, без подготовки! Очень смело играют Наташа Ручьева, Нана Иоселиани, та же Гуриели и почти все остальные одаренные юные шахматистки. «Женские» шахматы заметно помолодели, стали, я бы сказала, «девичьими», и это отразилось на их характере, который становится все более решительным.

Должна сказать, что, говоря «пока», я опиралась и на свою практику, а также практику некоторых других сильнейших шахматисток. Я и Нана Александрия довольно часто выступаем в Грузии в мужских турнирах, а изредка (увы!) и в международных. Я глубоко убеждена, что, играй я в мужских турнирах хотя бы раза три в год, мне удалось бы набить руку и, приноровившись к «мужской игре», вслед за выполнением нормы мастера среди мужчин, чего я уже добилась, получить и гроссмейстерские баллы. Во всяком случае, даже и редко участвуя в мужских международных турнирах, я уже избавилась от всех женских шахматных «комплексов» и, надеюсь, сумела заставить как шахматистку уважать себя.

Добиться этого уважения у мужчин было не так-то просто, хотя я не раз довольно успешно конкурировала с ними. Так, например, в Гётеборге я выступала вместе с Геллером и заняла третье место. В Гастингсе я заняла первое место в турнире мастеров и тем самым добилась права выступать на следующий год в главном турнире, где заняла 5-е место (напомню, что в своем первом выступлении в Гастингсе Ботвинник разделил

5—6-е места), на турнире в Дортмунде в 1974 году разделила 3—4-е места, а в 1976-м в Сандомире — 2-е, лишь на пол-очка отстав от Д. Бронштейна.

Таковы были до сих пор мои лучшие спортивные результаты в мужских турнирах. Но при этом следует учесть, что я находилась по сравнению с остальными участниками в неравных условиях. И не только потому, что мужчины, как я уже отмечала, более выносливы и физически, и психически. Не только потому, что мужчины отчаянно борются до последнего вздоха, цепко пользуясь любым подвернувшимся шансом, что в соревнованиях женщин встречается редко. Есть и другие причины.

Мужчины, например, определенно стыдятся проиграть шахматистке, даже если она чемпионка мира. Они играют со мной с полной отдачей всех сил, рискуя даже проиграть из-за усталости следующую партию. Вот почему, например, шахматисты, идущие на последних местах и покорно капитулирующие во встречах с гроссмейстерами, играют со мной с необычайным подъемом, играют так, будто от этой встречи зависит судьба первого приза. Прошло немало времени, пока я поняла, почему так много половинок и даже очков я теряю во встречах с заведомо слабейшими участниками.

Но не только боязнь проиграть женщине долгое время руководила моими соперниками в мужских турнирах, а и откровенное неверие в мои возможности. Вы думаете, гроссмейстеры, встречаясь с женщиной за шахматной доской, проявляют хоть каплю галантности? Как бы не так! Играя со мной, они забывают порой даже о правилах хорошего шахматного тона и позволяют себе то, чего никогда не позволили бы в партии с мужчиной.

Никогда не забуду, как один гроссмейстер, джентльмен с безукоризненными манерами, доигрывал со мной партию в совершенно равной позиции в течение не-

скольких часов и примирился с ничейным исходом лишь тогда, когда на доске остались одни короли.

Спасский на турнире в Гётеборге отложил партию со мной с мизерными шансами на успех. После первого доигрывания шансы его вообще стали уже символическими, и я убеждена, что ни с одним из других участников откладывать такую позицию Спасский бы не стал. При вторичном доигрывании от меня требовалась уже только аккуратность. В течение двух часов я спокойно держалась, но затем под влиянием то ли усталости, то ли чувства затаенной обиды допустила грубый промах и проиграла.

Пожалуй, ни с кем из мужчин-шахматистов не было у меня таких принципиальных поединков, как с Чокылтя. Он выиграл у меня в довольно равной борьбе на международном турнире в Тбилиси. На званом обеде, где были все участники, я публично пообещала Чокылтя, что возьму у него реванш, на что он полушутя-полусерьезно заявил, что никогда в жизни не проиграет женщине. И вот мы снова встретились с ним на турнире.

Обычно он всегда начинает партию ходом королевской пешки, а тут сыграл 1. f4. Я удивилась и взглянула на него с улыбкой, на что Чокылтя не совсем вежливо сказал мне: «Надо за доской думать, а не разыгрывать заготовленные варианты». Его слова задели меня, и я их не забыла, хотя потом Чокылтя признался, что в ответ на 1. e4 побаивался скандинавской защиты. Партию я проиграла, и жажда мщения охватила меня с еще большей силой.

И когда на турнире в городе Врнячка-Баня Чокылтя опять начал партию иначе, чем всегда, выведя первым ходом королевского коня, я его спросила: «Что, опять хочешь «играть за доской», да?» И «сыграла за доской» так, что уже к пятнадцатому ходу позиция белых была настолько тяжелой, что Чокылтя... предложил ничью.

Я, конечно, отклонила это любезное предложение и добилась победы, сдержав тем самым свое слово.

Самолюбивый Чокылтя после этого три дня избегал меня, даже не здоровался, что вызывало непрерывные шутки и смех со стороны остальных участников. Наконец, дипломатические отношения были восстановлены, и Чокылтя с тех пор стал относиться ко мне как к сопернице с полной серьезностью.

Было и еще одно обстоятельство, осложнявшее мою задачу во время выступлений в мужских международных турнирах. Как-никак большинство участников было знакомо, хотя бы по женским матчам на первенство мира, с некоторыми моими партиями, имело пусть и приблизительное представление о стиле моей игры. Я же с игрой многих противников знакомилась только непосредственно за доской. Перемена, позволившая мне готовиться к встречам буквально с каждым из соперников, произошла лишь тогда, когда я стала выступать в мужских турнирах вместе с моим тренером и глубоким знатоком теории гроссмейстером Гипслисом. Получив возможность пользоваться его огромной картотекой, я вздохнула свободно, перестала блуждать в потемках, а заодно и поняла, какую фору прежде давала сильному полу.

Говоря об игре шахматисток в мужских турнирах, а также об эволюции «женских» шахмат, я не могу здесь не коснуться роли первой чемпионки мира, а кстати, и первой шахматистки, не без успеха выступавшей в мужских турнирах. Вера Менчик, занимавшая шахматный трон с 1927 по 1944 год, несомненно опередила свое время, сыграв как популяризатор шахмат среди женщин неоценимую роль.

Дочь чеха и англичанки, Менчик родилась в Москве в 1906 году и прожила здесь до осени 1921 года, после чего с родителями уехала в Англию. Она прекрасно владела русским языком. Любопытно, что в первом

чемпионате мира в 1927 году Менчик, как приехавшую из Советской России и говорившую на русском языке, записали в таблице представительницей России.

Вера Менчик навсегда сохранила любовь к нашей стране и пользовалась ответными симпатиями. Когда она выступала в Московском международном турнире в 1935 году, публика горячо болела за чемпионку мира. А когда Менчик сделала ничью с гроссмейстером Флором, претендовавшим тогда на первое место, она получила множество поздравительных телеграмм из многих городов страны.

Менчик побеждала в чемпионатах мира семь раз, причем в четырех выиграла все встречи до одной.

Неудивительно, что, обладая незаурядной шахматной силой и не имея себе равных в женских соревнованиях, Вера Менчик участвовала во множестве мужских турниров. По подсчетам Е. Быковой, Менчик посчастливилось девять раз встречаться за доской с Капабланкой, восемь — с Алехиным, пять — с Эйве, дважды — с Ботвинником, а также с Флором, Кересом, Файном, Решевским, Тартаковером, Видмаром, Мароци, Лилиенталем, Найдорфом и другими гроссмейстерами и мастерами. Всего она выступила в 50 мужских турнирах (говорю это с завистью!), где сыграла 487 партий — 147 выиграла, столько же закончила вничью и 193 — проиграла.

Меня иногда спрашивают, как бы я, по моему мнению, сыграла в матче с Верой Менчик? Находились любители польстить, которые уверяли, что Гаприндашвили, дескать, играет сильнее, чем Менчик. Даже покойный мастер В. Панов не удержался от соблазна написать статью «Матч Менчик — Гаприндашвили», в которой, правда, нам обеим досталось на орехи от этого строгого критика.

Мне все подобные сравнения и рассуждения кажутся нелепыми. Вера Менчик и я действовали в разные периоды шахматной истории, и сравнивать класс нашей

игры, поскольку мы не только не встречались одна с другой, но и не встречались с одними и теми же соперницами, неправомерно.

Думаю, что в истории шахмат найдется место для нас обеих, и тесниться не надо будет никому.

Может быть, будущие историки шахмат найдут какие-то объективные критерии, по которым можно будет сопоставлять силу и класс шахматисток, живущих в разные эпохи. Но есть нечто, в чем Вера Менчик никогда не будет иметь соперниц. Этим «нечто» является тот важнейший факт, что своим шахматным творчеством она первой доказала, что и в такой спортивно-интеллектуальной сфере, как шахматная борьба, шахматное искусство, женщина вполне способна достигать тех же вершин, что и мужчина.

Говоря без ложной скромности, думаю, что и я стилем своей игры, всегдашним стремлением к атаке, победами над некоторыми сильными шахматистами-мужчинами способствовала в известной степени тому, что шахматное мышление женщин-мастеров стало богаче, игра их смелее, а во встречах с мужчинами исчез страх, исчез комплекс неполноценности.

Прежде шахматистки проявляли преувеличенную заботу о своих королях, на первом месте стояла безопасность. Обоюдоострых позиций, когда все неясно, когда малейшая неосторожность (как и чрезмерная осторожность!) может привести к немедленному крушению, женщины инстинктивно избегали. Теперь же такие шахматистки, как, скажем, Нана Александрия и ее соперница в финальном матче претенденток Ирина Левитина, играют, пожалуй, в более остром стиле, чем иные мастера-мужчины.

Образцом творческого отношения к шахматам может служить Татьяна Затуловская. В ее игре глубокое позиционное понимание органично сочетается с комбинационным дарованием. Если бы Затуловская не была

чисто по-женски чрезмерно эмоциональна и не тратила столько нервной энергии в моменты поражений, она, несомненно, играла бы матч на первенство мира.

В отличие от Затуловской, которой не хватает спортивных качеств, Левитина истинно спортивная натура. У нее зрелое понимание шахмат и в то же время смелая, уверенная, острая игра с упором на миттельшпиль. Левитина на редкость талантлива, но, как это порой бывает с одаренными людьми, недостаточно трудолюбива. Если ей удастся преодолеть этот свой серьезный изъян и посвятить себя целеустремленной работе над шахматами, Левитина получит все шансы стать претенденткой на матч с чемпионкой мира.

Играют в мужском стиле и Елена Фаталибекова (дочь Ольги Рубцовой), которая в мужском чемпионате Центрального шахматного клуба от начала и до конца шла в лидирующей группе и разделила пятое место, и венгерки Жужа Вереци и Мария Иванка, и много других шахматисток.

Словом, время так называемых «женских» шахмат проходит! И я горжусь тем, что активно способствовала процессу творческой эмансипации женщин в шахматах, помогла им преодолеть психологические барьеры, отделявшие их от «мужских» шахмат...

ОТДАЮ ДОЛГИ

Каждый матч, даже если вы повторно встречаетесь с одной и той же противницей, имеет свое лицо, свою индивидуальность, свою судьбу. Да, и свою судьбу...

Мне и Нане Александрия, видно, на роду было написано столкнуться на узкой тропинке, где двум не разойтись. К этому матчу ее готовил наш общий первый учитель Вахтанг Ильич Карселадзе, к этому матчу давно стремилась сама Нана, этого матча добрый десяток лет ждали многочисленные шахматные болельщики, особенно у нас, в Грузии. И если говорить откровенно, то где-то в глубине души матча с Наной хотела и я сама.

Только ли потому, что как патриотке своей республики мне было приятно, что две грузинки будут решать между собой вопрос о мировом первенстве? Нет, были и другие, чисто человеческие, психологические мотивы.

Для меня не было тайной, что в Тбилиси, в Грузии, во всей стране, вообще везде, где живет интерес к «женским» шахматам, у Наны множество почитателей. Если бы был проведен опрос шахматного общественного мнения, я могла бы твердо рассчитывать на успех только, наверное, в Зугдиди.

Причин этому было немало. Нана Александрия приятный, умный человек, безукоризненно корректная соперница. Ее яркий талант проявил себя очень рано. Уже в пятнадцать лет — в 1964 году — Нана высту-

пила в финале чемпионата страны. После десятого тура она вместе со мной лидировала, а в итоге разделила шестое-седьмое места, что для юной дебютантки было крупным успехом.

Уже в семнадцать лет Нана — беспрецедентный случай — стала чемпионкой СССР, а затем дважды повторяла это достижение. С шестнадцати лет она участвовала в отборочных соревнованиях чемпионата мира. Первая попытка окончилась неудачно, но три года спустя Нана Александрия опередила всех в межзональном турнире и в 1971 году в полуфинальном матче претенденток нанесла поражение Милунке Лазаревич. В финале соревнования претенденток она, правда, потерпела поражение от Аллы Кушнир, но тут сыграло определенную роль то обстоятельство, что Нана ждала ребенка.

На очередной цикл отборочных соревнований Александрия, по ее собственным словам, возлагала особые надежды. И хотя начало цикла протекало для нее несколько тревожно, ей все же удалось наконец достигнуть намеченной цели, проявив при этом незаурядные бойцовские качества. После блестящего старта в межзональном турнире ($5^1/_2$ из 6), проходившем в конце 1973 года на острове Менорка, Александрия резко сбавляет темп, и лишь героическим усилием воли ей удается настичь на финише Ирину Левитину, Наталью Коноплеву и Марту Шуль и поделить с ними второе-пятое места (первой была Валентина Козловская). Зато дополнительный матч-турнир (одна из конкуренток была лишней), состоявшийся в начале 1974 года в Кисловодске, превратился в триумф грузинской шахматистки. В первом круге Александрия нанесла поражение всем трем соперницам и не уступила лидирующего положения до конца.

В соревновании претенденток, начавшемся в том же году, Александрия с впечатляющим счетом выигры-

вает у Марты Шуль — $5^1/_2 : 2^1/_2$, а в начале 1975 года в драматическом поединке вырывает победу у очень талантливой Ирины Левитиной — 9 : 8.

— Не сочтите за нескромность, — сказала Нана Александрия в интервью после окончания единоборства, — но я была убеждена, что выиграю этот матч. И вовсе не потому, что недооценивала силу моей очень опасной соперницы. Я считала этот цикл своим последним шансом в борьбе за первенство мира: во-первых, появляются более молодые и очень одаренные шахматистки, хотя бы та же Ира Левитина, во-вторых, я уже сыграла несколько отборочных матчей, а каждый из них дорого обходится нервной системе. Кроме того, я считала себя обязанной добиться того, чтобы сбылась мечта моего незабвенного учителя, который верил, что настанет день, когда две его воспитанницы встретятся в матче на первенство мира...

Что касается «последнего шанса», то здесь, по-моему, Нана несколько сгустила краски. В очередном цикле, с моей точки зрения, именно Александрия, а также Левитина вновь будут главными конкурентками.

Но я ждала матча с Наной не только потому, что она, несомненно, являлась самой достойной и опасной соперницей, стиль которой гарантировал острые бескомпромиссные схватки, которые нам обеим по душе. Было, наверное, немало людей, которые хотели, чтобы мы наконец встретились и чтобы моя все еще молодая конкурентка присоединила к своим трофеям и корону шахматной королевы. Как эхо подобных настроений звучали милые пожелания некоторых болельщиков, которые, не смущаясь, говорили мне: «Слушайте, уступите Нане свое звание, а через три года вернете обратно!»

Такие разговоры и смешили, и сердили меня одновременно. И хотя принимать их всерьез было глупо, я все же не могла не понимать, что уже перестала быть, как прежде, любимицей публики.

Огорчило ли меня такое открытие? Я бы солгала, сказав «нет». Подумайте, ведь всего тринадцать лет назад, когда я вернулась из Москвы после матча с Быковой, Тбилиси устроил мне триумфальную встречу, а теперь многие из моих прежних болельщиков ничего не имели против того, чтобы я потерпела поражение. А ведь задолго до матча, по существу еще в детские годы, я уже была избалована вниманием любителей шахмат, всегда твердо знала, что, по крайней мере, в Грузии зал всегда «болеет» за меня. И как «болеет»!

Но я точно так же погрешила бы против правды, ответив на вопрос — огорчила ли меня перемена в настроениях болельщиков? — однозначным «да». Хоть я и непросто смирилась с новой для меня психологической ситуацией, не могу сказать, чтобы она меня ошеломила или даже оказалась неожиданной. Скажу больше — я в какой-то степени была готова к «рокировке» болельщиков, ибо знала, что рано или поздно такое могло случиться.

Законы спорта справедливы, но суровы, а порой и безжалостны. Спорт любит частую смену чемпионов, и это, наверное, в природе человека, который всегда жаждет новизны ощущений. Чемпион, который засиживается на своем троне, пользуется уважением, но он всегда должен быть готов к тому, что, если во главе очередного трехгодичного «заговора» появится достойный, да к тому же еще и молодой соперник, от верноподданнических чувств жителей шахматного королевства не останется и следа.

Я ведь в свое время отняла у своих старших соперниц симпатии болельщиков, теперь пришла пора отдавать долги. Все было в порядке — именно так, как и должно было быть. Мысль об этом успокаивала меня, помогала смириться с новой обстановкой, с новой ролью Отныне все мои талантливые соперницы будут моложе меня, и даже не на восемь лет, как Нана Алек-

сандрия, а намного больше. Отныне болельщики, отдавая чемпионке дань уважения, дань симпатии будут все же отдавать претенденткам. Это справедливо, закономерно, и с моей стороны было бы элементарной глупостью закрывать глаза на перемены в психологическом климате, который будет теперь окружать меня в матчах с претенденткам.

Но тот факт, что я понимала и внутренне принимала происшедшую перемену в моих отношениях с болельщиками, вовсе не означал, что произошли хоть какие-то изменения в моем представлении о спортивных и шахматных правах и обязанностях чемпионки мира. (Не говоря уже о том, что многие болельщики остались верны своим старым привязанностям. Я поняла это и во время матча и особенно после него, когда по приглашениям любителей шахмат выступала в Тбилиси перед самыми различными аудиториями.) Я отнюдь не собиралась складывать оружие. Я даже в чем-то была благодарна новой для меня психологической ситуации: она странным образом будоражила, молодила меня. В конце концов, черт возьми, мне только тридцать четыре года, я полна энергии, сил, спортивного и творческого задора, и если Нана или кто-нибудь еще захочет отнять у меня корону — пожалуйста, но только сначала пусть докажет это право в беспощадном единоборстве!

Вот примерно как я рассуждала, и теперь вы, наверное, поняли, почему не только Нана, но и я сама рвалась в бой. А почему этому поединку именно суждено было состояться, почему он был нашей судьбой, я сейчас объясню.

На торжественном закрытии XXIV чемпионата СССР, того самого, где Нана разделила шестое место, выступил среди прочих ученик 61-й школы Тбилиси и прочел оду, в которой пылко прославлял свою однокашницу пятнадцатилетнюю Нану. В стихах юного поэта часто звучало и мое имя: мальчик напоминал,

что в наших первых шагах на шахматном поприще было много общего, и выражал уверенность, что Нана пойдет по моим стопам и станет выдающейся шахматисткой. Между строк можно было прочесть пророчество (поэты ведь всегда пророки): настанет день, и Нана, повторяя путь Ноны, вступит в борьбу за мировое первенство.

Действительно, в наших шахматных биографиях есть много повторов. Обе мы начали серьезные занятия шахматами в Тбилиси, во Дворце пионеров, у одного и того же наставника. Обе, сначала я, потом Нана, были его любимыми ученицами, и достоин удивления и восхищения педагогический дар Вахтанга Карселадзе, воспитавшего шахматисток, претендовавших и занимавших шахматный престол.

В пятнадцать лет я стала чемпионкой Грузии и разделила в первенстве страны седьмое-девятое места. Нана в этом возрасте повторила мой результат с той лишь разницей, что разделила шестое-седьмое места. В первенствах страны Нана превзошла меня: впервые она одержала победу в семнадцать лет и добивалась звания чемпионки трижды, я уже была чемпионкой страны два раза, причем впервые это произошло в том самом турнире, где Нана дебютировала. В отличие от меня Нана не с первой, а с третьей попытки завоевала право на матч с чемпионкой, зато до этого она была первой в межзональном турнире 1971 года. Как и мне, Нане удавалось выиграть Кубок европейских чемпионок, правда, один раз, а не два, как мне. Вместе с Наной мы выступали на олимпиадах, на Спартакиадах народов СССР, в мужских чемпионатах Грузии, в международных турнирах.

Много общего у нас в стиле игры. Обе мы начинали как шахматистки острокомбинационного стиля, и обе, сохранив пристрастие к энергичной, инициативной игре, эволюционизировали в сторону универсализма.

Правда, уже в первом же своем чемпионате страны, игравшая очень смело и решительно, Нана получила специальный приз не за атаку, а за тонко проведенное окончание против такого опытнейшего мастера, как Лариса Вольперт.

Любопытно, что даже внешахматные интересы у нас во многом совпадают: обе мы филологи, специализировались в английском языке.

Нет, что ни говорите, но рано или поздно талантливая Нана должна была бросить мне вызов. Вот почему я разделяла ее мнение, что она должна была выиграть финальный матч у Иры Левитиной. Больше того, я очень хотела этого, хотя и догадывалась, какие специфические трудности меня ожидают.

Должна сказать, что субъективно Нана к этим трудностям никак не была причастна. Наши отношения всегда были ровными, дружественными.

Помню, как на вечере памяти Карселадзе, устроенном в драматическом театре в Гори, куда приехали участники проходившего в Тбилиси мужского чемпионата страны 1966 года, Михаил Таль, выступая с трибуны, сказал:

— Вот здесь перед нами сидят рядом две замечательные шахматистки и, возможно, будущие соперницы — Нона и Нана. И в том, что между ними по-настоящему дружеские отношения — это тоже заслуга Вахтанга Ильича, это тоже его школа...

Да, это так, все питомцы Карселадзе, как правило, дружны между собой. Но нас с Наной связывало еще и другое. Во время женского чемпионата 1964 года, где мы с Наной в один момент вместе лидировали — напомню, что мне тогда было двадцать три года, а Нане пятнадцать, — газета «Заря Востока» опубликовала дружеский шарж Георгия Пирцхалавы: я веду за руку Нану, на ней школьная форма. Подпись гласила: «Так держать!»

Несколько выступлений за одну команду на олимпиадах и спартакиадах сблизили нас. Несмотря на большую разницу в возрасте, нам с Наной удавалось как-то строить отношения, так «держаться» за руки, будто мы были однокашницами. Во многом это объяснялось тем, что Нана отличалась шаловливостью, любила проказы, а это лежало и в моем характере.

На Спартакиаду народов СССР 1963 года мы ехали с Наной вместе, в одном купе. Трудно поверить, но чемпионка мира и ее будущая соперница развлекались в пути тем, что, слегка опустив окно и оставив узкую щель, состязались на меткость в метании... шоколадными конфетами: мы объелись ими. Каждый удачный бросок приводил к тому, что конфета исчезала за окном. Тетя Наны косилась на нас, но стеснялась сделать мне замечание. Когда эта забава нам надоела, тетя все-таки с огорчением сказала: «Сколько конфет выбросили, вай!» Потом мы пошли в соседнее купе и стали играть в подкидного дурака, причем, не сговариваясь, отчаянно шельмовали. Когда нас ловили, мы извинялись и... продолжали жульничать.

На сборе в Пярну перед следующей спартакиадой мы с Наной и ее мамой жили в одной комнате. Однажды мама за что-то сделала Нане замечание. Нана вспыхнула и выбежала из дома. Прошел час, стало темнеть, и я пошла ее искать. Чемпионка страны сидела на скамейке с соседским мальчиком и азартно играла в карты.

Нет, Нана всегда была веселой, приятной и по отношению ко мне, надо признать, почтительной подругой. Даже когда в 1972 году в Белграде мы в открытую соперничали в розыгрыше Кубка европейских чемпионок, где Нана выступала уже взрослой женщиной в ранге трехкратной чемпионки и по праву считалась одной из самых вероятных моих конкуренток, мы сохраняли теплые отношения. Сопровождавший нас Алек-

сандр Маркович Константинопольский прямо-таки умилялся тем, что мы вместе анализируем отложенные партии, не имея одна от другой никаких секретов.

И вот наступило время, когда, не желая того, Нана Александрия стала причиной новых для меня, огорчительных переживаний. Нет, я не стала вешать ее портрет на стену, не стала ломать стереотип моих представлений о человеческом облике Наны. Но, и это уже не зависело от моих субъективных настроений, мне надо было настраиваться на борьбу с ней. Мы встали с Наной на тропу войны — этим все сказано.

Вот когда его величество матч показал себя во всем своем суровом обличье. Нам обеим было нелегко, и не только во время самого поединка, но и до него. И даже грузинской шахматной федерации, которая с нетерпением ждала этого соревнования, пришлось преодолевать особые трудности.

Я, хорошо знавшая, как тяжело играть дома, особенно теперь, когда начался «спор грузинок меж собою» и закипели страсти, предложила провести матч в Сухуми. Нана отказалась по состоянию здоровья. В итоге остановились на компромиссном варианте — половина матча в Пицунде с ее целебным микроклиматом, половина — в Тбилиси. В конце концов надо было действительно считаться с интересами любителей шахмат столицы Грузии — они имели свои права на этот матч.

Если в ходе подготовки к соревнованию мне, повторяю, не надо было перестраивать свои отношения с Наной — понятия «спортивной злости», как вы уже знаете, я не признаю, то переоценку моих представлений о Нане Александрия как шахматистке пришлось сделать основательную. Прежде всего потому, что стиль моей соперницы, как установили мы с Айваром Гипслисом и его помощником Анатолием Шмитом, претерпел изменения.

Раньше Нана, шахматистка творческого склада, при всем том, что тяготела к универсальному стилю и уверенно чувствовала себя в эндшпиле, была все же особенно опасна в комбинационной игре. Я всегда считала середину игры — миттельшпиль — ее родной стихией. Однако после изучения партий матча Наны с Ирой Левитиной пришлось сделать неожиданный вывод: Александрия превосходила свою противницу в дебюте, в эндшпиле, в технике, но середина игры складывалась явно не в ее пользу.

Нана за последние годы, бесспорно, выросла как позиционный игрок — ничего неожиданного для меня в этом не было: тут, конечно же, сказалось влияние ее тренера гроссмейстера Бухути Гургенидзе, тонкого позиционного шахматиста. Но вот то, что этот прогресс оказался куплен ценой явных потерь в миттельшпиле, меня, признаться, удивило.

В матче с Левитиной Александрия, как никогда прежде, была подготовлена теоретически. В ряде встреч она получала в дебюте отличные позиции, перевес в которых, однако, вскоре испарялся. Правда, когда инициатива обретала реальные очертания, игра Наны по-прежнему была опасной, чреватой комбинационными взрывами. Но зато в неясной маневренной игре Нана чувствовала себя недостаточно уверенно, а защищалась, я бы даже сказала, нервозно. Правда, Гургенидзе после матча объяснял большой процент «нереализации преимущества» (этот термин употребил, кстати, тренер Левитиной Кондратьев, объясняя причину неудачи именно своей подопечной) тем, что Нана находилась из-за перенесения сроков соревнования не в лучшей спортивной форме.

Так это было или не так, сказать трудно. Но ясно было одно: мне предстояло встретиться с шахматисткой, которая будет подготовлена в дебютном отношении лучше, чем когда-либо прежде. Это можно было

предвидеть еще и потому, что Нане впервые помогал известный теоретик мастер Аверкин.

Поэтому от меня требовалась, как минимум, такая же глубокая или такая же хитрая дебютная подготовка. И не только для того, чтобы противопоставить заготовкам соперницы свои заготовки. Нана при всей своей внешней хрупкости довольно выносliва физически. На велосипеде, например, она ездит быстро и неутомимо, в настольном теннисе выдерживает любую нагрузку. Играя с ней, надо сохранять физический потенциал к пятому часу, когда чаще всего решается судьба партии. Так вот, глубокая дебютная подготовка. страхующая от всяких неожиданностей, помимо всего прочего, страхует и от цейтнота, позволяет меньше волноваться, беречь к концу партии физические и психические силы.

На «военном совете» мы решили изменить в игре белыми почти весь мой дебютный арсенал. Это было полезно, помимо всего прочего, еще и потому, что Нана любит подумать. Она даже в хорошо знакомых, изученных ею схемах долго думает, проверяя всевозможные варианты, а в новых позициях и вовсе погружается в глубокие размышления, часто приводящие к цейтноту. Этот ее давний спортивный изъян сказался и в поединке с Левитиной, и по меньшей мере неразумно было бы с моей стороны пренебречь таким крупным козырем.

Именно с этой целью мы старались припасти в игре белыми как можно больше новых вариантов, иногда «одноразовых», то есть лишь на одну партию. Это были варианты, которые при правильной игре черных могли принести только психологический эффект, но это «только» в матчевой борьбе дорого стоит.

В игре черными я решила в ответ на 1. e2—e4 ограничиться двумя дебютами: скандинавской партией и защитой Уфимцева. В турнирах я редко пользовалась

скандинавской и не только потому, что у нее сомнительная репутация: если белые хотят в этом дебюте ничьей, черным трудно избежать мирных переговоров. Но то в турнире. А в матче, играя черными, я не боялась ничьей. Правда, как показали дальнейшие события, у нас вообще случилась только одна ничья. Именно случилась, потому что я при доигрывании раза два упустила выигрыш. Кстати, длилась эта единственная «мирная» партия дольше десяти часов!

На скандинавской и на защите Уфимцева я остановилась, кроме прочего, еще и потому, что глубины этих дебютов еще не исследованы, и, таким образом, и здесь представлялась возможность ставить соперницу перед новыми проблемами. Словом, решено было действовать по рецепту Чокылтя — вынудить Нану Александрия «играть за доской».

Разумеется, не было никакой гарантии против того, что Нана все-таки сумеет поймать меня на дебютную новинку. Такой риск всегда существует, да, кроме того, и я сама ведь имела кое-какое секретное оружие. Но смысл всей моей дебютной подготовки сводился к тому, чтобы центр тяжести борьбы пришелся на середину партии — то есть именно на ту стадию, где я всегда ощущала себя в родной стихии и, что тоже было очень важным, где моя соперница, как показал ее матч с Левитиной, действовала не всегда уверенно.

Психологически меня готовить было не нужно: я хорошо знала, что такое матч вообще и с такой сильной противницей, в частности. Я настроила себя на очень трудное единоборство, но, если говорить откровенно, считала, что у меня есть все основания верить в победу. Не было ни одной стадии шахматной партии, где претендентка была бы сильнее. В противоположность этому у меня, как мне казалось, было три важных аргумента, которые должны были решить спор: больший опыт матчевой борьбы, преимущество в разыгрывании

сложных, обоюдоострых позиций и, наконец, более стойкая нервная система: спала я по-прежнему так же хорошо, как во время турнира претенденток.

Конечно, Нана была на восемь лет моложе — с этим надо было считаться. Поэтому, чтобы исключить неприятные сюрпризы предыдущего матча, я серьезнее занялась физической подготовкой: играла в бадминтон, волейбол, настольный теннис, бильярд. Даже выходила на пляж в Гагре, где мы готовились и привыкали к морскому климату.

Не слишком ли увлеченно Гаприндашвили расписывает свои методы подготовки? — может спросить иной читатель. Не оценивает ли чемпионка свою подготовку к соревнованию с позиции его итога?

Могу ответить на подобный вопрос так: трудно рассказывать о себе. Конечно, я могла бы скромно потупить взор и рассыпаться в комплиментах по поводу игры претендентки, кстати вполне искренних, и этим ограничиться. Но надо же как-то объяснить счет $8\frac{1}{2} : 3\frac{1}{2}$, которым закончилось наше единоборство! Убеждена, что подобная скромность была бы обратной стороной гордыни. Нана Александрия первая не поняла бы меня, а кое-кто мог бы, чего доброго, подумать, что я, как это делают, между прочим, чемпионы у мужчин, не хочу разглашать свои «военные секреты».

Как готовилась претендентка, мне, разумеется, неизвестно. Но об одном аспекте она рассказала сама в интервью, которое дала сразу же после победы над Левитиной:

— Матч показал, что мне не всегда удается совладать с характером. Моя игра во многом зависит от настроения. На девятую партию я пошла, будучи в плохом расположении духа, и потерпела поражение, хотя играла белыми. Перед матчем с чемпионкой мира мне придется обратить на этот недостаток серьезное внимание...

Первую партию я играла белыми. Нана избрала французскую защиту. По-видимому, примененный мною вариант с длинной рокировкой был для Наны несколько неожиданным. Во всяком случае, уже на седьмом ходу претендентка задумалась. Черные получили пассивную, бесперспективную позицию, и не видно было, как они могли оживить свои фигуры. Правда, в дальнейшем я, не желая в первой партии рисковать, промедлила с пешечным наступлением, но соперница не воспользовалась этим шансом, и практически уже к двадцатому ходу позицию черных вряд ли можно было удержать. В проигранном положении Нана просрочила время на тридцать третьем ходу.

Итак, я выиграла дебютное сражение и убедилась, что претендентка по-прежнему не в ладах с шахматными часами. Казалось бы, все началось хорошо, но в следующей же встрече Нана взяла реванш. Внешне это выглядело как обмен ударами, и в чисто спортивном смысле так оно, собственно говоря, и было. Но с психологической точки зрения события выглядели несколько по-иному.

В защите Уфимцева Нана, если не ошибаюсь, впервые в жизни разыграла спокойный вариант, который хотя и дает белым небольшое позиционное преимущество, не сулит, однако, особых надежд. Как выяснилось вскоре, такой выбор не был случайным. Матчевая стратегия моей соперницы, как я поняла, состояла в том, чтобы в игре белыми добиваться, пусть и небольшого, перевеса, но зато избегать осложнений, а значит, избегать риска. Это подтверждало мою догадку, что в сложной, неясной игре Нана не испытывает уверенности.

Прояви я покорность (а играя черными, не очень-то просто быть строптивой), согласись я на спокойную игру с минимальной инициативой у соперницы, и замысел претендентки и ее тренера, может быть, и оправ-

дал бы себя. Но и в этой и во всех остальных встречах я, не останавливаясь перед жертвами пешек, старалась завязать оживленную фигурную игру, старалась перехватить инициативу, чтобы заставить претендентку импровизировать, заставить ее тратить время на расчет многочисленных вариантов. Это был опасный, но наиболее рациональный путь, ибо, помимо прочего, он целиком отвечал моей шахматной индивидуальности.

Во второй партии я пожертвовала за атаку на королевском фланге две пешки, потом ладью за коня и пешку и, наконец, еще одну ладью — за слона и пешку! Хотя белые имели большой материальный перевес, мое положение было, наверное, не хуже, так как белый король чувствовал себя неуютно. Но я попала в цейтнот, допустила несколько ошибок, и партия была отложена с большими шансами на выигрыш у претендентки. Нана продумала над записанным ходом сорок две минуты и нашла наилучший план. Доигрывание длилось недолго...

Казалось, я должна была бы огорчиться. Но меня грызла небольшая досада, и только. Досада на себя. Сама борьба нравилась, несмотря на поражение, я даже чувствовала удовольствие от игры — не каждый день удается пожертвовать столько материала в одной партии. Главное же — даже черными я «заказывала музыку».

Перед началом поединка Нана Александрия не скрывала от прессы, что настроена очень решительно. И правильно, только с таким настроением и надо выходить на бой. Но по первым двум встречам я решительности в игре претендентки не увидела. Может быть, виной была предстартовая лихорадка.

В третьей партии Нана выбрала черными защиту Алехина. Я была готова к этому, но решила пока не раскрывать своих карт и после 1. e2—e4 Kg8—f6 вместо

обычного 2. e4—e5 сыграла 2. Kb1—c3. Этот скромный ход, как я и надеялась, застал Нану врасплох. Она продумала над своим ответом десять минут, а над третьим ходом — двадцать пять! Тридцать пять минут на три первых хода — таков был пока результат моего психологического эксперимента.

В дальнейшем я начала пешечную атаку на черного короля, но допустила промах, и соперница захватила своими тяжелыми фигурами единственную открытую линию в центре. Теперь перевес был уже на стороне Наны: двинув вперед пешки, я сделала весьма уязвимым своего короля. Но делать было нечего: уже думая только о спасении, я вынуждена была бросить свои пешки в рукопашную схватку, чтобы вскрыть позицию короля черных.

Наступил кульминационный момент сражения. Нана могла создать реальные угрозы моему королю, могла на худой конец вынудить меня к вечному шаху, то есть свести партию к ничейному исходу. И будь у нее в запасе время, она, по всей вероятности, либо нашла бы способ усилить свой атакующий потенциал, либо примирилась с ничьей. Но тут-то и сказалась потеря тридцати пяти минут — психологический маневр продолжал свое действие! Короче говоря, Нана совершила непоправимую ошибку, после чего спасения у черных не было.

Заметив свою оплошность, Нана, попеременно бледнея и краснея, то вдруг закрывала лицо ладонями, то терла лоб, глядя вперед каким-то обращенным в себя взглядом. Я в это время стояла в углу сцены и, замерев, ожидала, когда моя соперница примирится с неизбежным.

Его величество матч! Нана говорила, каких нервных потерь стоили ей матчи претенденток — теперь ей предстояло познать «прелести» самого важного матча, какой только бывает в жизни.

Не могу сказать, чтобы я жалела соперницу, — спортивная борьба, как известно, сентиментальностью не страдает, но понимать ее я понимала. Я сама, пользуясь выражением Ботвинника, была в такой «шкуре» и знала, что Нана сейчас терзает себя за то, что отказалась от ничьей. Поздно вечером, когда Гургенидзе покажет ей ход, которым она ставила меня в критическое положение, Нана будет терзать себя за то, что не заметила этот ход и что счет 2 : 1 вместо того, чтобы быть в ее пользу, означал теперь мой успех. (При этом она, по свойственной всем нам субъективности, конечно же, забудет, как забывала в аналогичных случаях и я, что ее перевес явился отнюдь не логичным результатом успешных действий черных, а исключительно следствием совсем не обязательной ошибки белых.)

Знала я и то, что все эти переживания не пройдут для моей эмоциональной соперницы бесследно и так или иначе дадут себя знать в очередной встрече. И действительно, четвертая партия оказалась одной из самых драматичных в матче.

На этот раз я избрала черными скандинавскую. Нана хорошо разыграла дебют и получила то, к чему стремилась, — инициативу без малейшего риска проигрыша. И опять, как и во второй встрече, я, продумав над пятнадцатым ходом сорок минут, отказалась от пассивной обороны, а затеяла очень острую фигурную игру, правда, ценой пешки.

И здесь был момент, когда Нана могла получить решающее, быть может, преимущество. Но она не разобралась в тонкостях позиции и взяла еще одну пешку, после чего я перехватила инициативу и быстро добилась победы. Вновь Нана не справилась с проблемами сложной игры в миттельшпиле.

«Так что же, победа чемпионки мира была в этой встрече незакономерной? — спрашивал главный арбитр

Мирослов Филип в статье, посвященной первой половине матча. И отвечал: — Нет, вполне закономерной. Все дело в том, что Нона Гаприндашвили, оказывая непрерывное давление или, как в данном случае, упорнейшее сопротивление, держит соперницу в постоянном напряжении, что и является главной причиной промахов, допущенных Наной Александрия в нескольких партиях, в том числе и в этой».

Пятая встреча началась практически с двадцатого хода, так как мы очень быстро разыграли теоретический вариант, после чего перешли в лучший для белых эндшпиль. При доигрывании Нана сначала дала мне шансы на выигрыш, а потом превосходно вела долгую и трудную защиту. В итоге первая и единственная ничья.

В шестой встрече мне вновь удалось пустить в ход психологическое оружие, и вновь выстрел не оказался холостым. Хотя в четвертой партии претендентка получила в скандинавской большой перевес, я опять применила эту защиту. Конечно, Нане было ясно, что я где-то нашла усиление. И действительно, уже пятым ходом черные начали осуществление нового плана, связанного с жертвой пешки.

За пешку черные получили длительную инициативу. Мало того, у белых был ослаблен королевский фланг. Вдобавок над десятым ходом Нана продумала почти полчаса. Всего этого было более чем достаточно, чтобы поздравить себя с успехом. Но ведь было и еще одно, быть может, самое важное обстоятельство — моя соперница должна была решать за доской сложные задачи, да еще в позиции, где ей предстояло обороняться. Начав операции в центре и на ферзевом фланге, я исподволь готовила наступление на другом краю доски. Моя соперница не заметила скрытых угроз, и ее позиция стала разваливаться.

После того как Нана потерпела поражение и в седь-

мой партии, где я вновь владела инициативой, счет стал $5^1/_2 : 1^1/_2$. Вряд ли кто-нибудь мог думать перед началом матча, что борьба будет носить столь уж категоричный и драматический для одной из сторон характер. И здесь я должна воздать должное своей противнице. Оказавшись в совершенно безнадежной ситуации — в оставшихся девяти встречах мне достаточно было набрать $2^1/_2$ очка, претендентку же устраивали только 7! — Нана Александрия проявила замечательную стойкость духа.

В восьмой партии я не устояла перед соблазном повторить в скандинавской вариант с жертвой пешки. Это было неразумно хотя бы потому, что психологически обстановка сложилась для меня неблагоприятно: раз Нана, проиграв, соглашалась повторить вариант, значит, где-то меня поджидает удар из-за угла. Так оно и произошло. На восьмом ходу претендентка применила усиление, я получила пассивную позицию совершенно не в моем вкусе, а потом логически попала под сильнейшую атаку, которую Нана провела с присущей ей силой.

Теперь я понимаю, в этом поражении была определенная закономерность. Как и в том, что я, уже в Тбилиси, плохо провела следующие две встречи. Слишком все гладко шло в Пицунде, вот что! Не могла Нана проиграть в таком безнадежном стиле, не могла! Да и мне оказалось не под силу пройти всю дистанцию матча, особенно учитывая необыкновенно благополучную и этим деморализующую спортивную обстановку, без спада.

Впрочем, когда мы спустя несколько дней возобновили поединок в Тбилисском Дворце шахмат, я, конечно же, не подозревала о том, что меня ждут переживания. Да и начало девятой партии — самой плохой из всех моих партий в матче! — не предвещало ничего дурного. После двадцатого хода я уже имела ладью.

за слона без какой-либо компенсации у черных. Но тут-то все и началось!

Над двадцать первым ходом я продумала сорок минут — слишком уж хороша была позиция! — и выбрала отнюдь не лучшее продолжение. Еще несколько слабых ходов — и надо уже примиряться с ничьей. Но в азарте боя я продолжаю по инерции думать о выигрыше и полностью теряю нить игры. Вдобавок попадаю в жестокий цейтнот. И все же благодаря нескольким неточностям Наны мне удается отложить партию в примерно равном положении. Правда, было одно «но». Не остыв от схватки, я продумала над записанным ходом сорок пять минут, нерасчетливо оставив на остальные пятнадцать ходов всего девятнадцать минут. И опять вместо очевидного сильного хода «нашла» слабый.

Но доигрывание этой партии ввиду того, что Нана взяла тайм-аут, состоялось после десятой партии. В ней Нана вновь показала, как опасно давать ей инициативу. Получив по дебюту несколько лучшую позицию, она развила сильнейшую атаку, и партия была отложена в безнадежном для меня положении. Ничуть не сомневаюсь в том, что я в один момент допустила в этой партии досадный промах потому, что, не переставая, корила себя за девятую. Продумать один раз сорок минут, другой — сорок пять, и в обоих случаях сделать слабые ходы!..

Итак, я иду на доигрывание двух позиций: в одной рассчитываю на ничью, в другой собираюсь сдать без игры. Никаких других надежд у меня нет, но и никакой паники тоже: счет будет 6 : 4, все в порядке. Но случилось так, что счет мог легко стать $5^1/_2 : 4^1/_2$. При доигрывании девятой партии Нана избрала объективно не сильнейший план, но, как часто случается, именно поэтому он оказался субъективно оптимальным: в своих анализах мы его не принимали в расчет. Поэтому, ис-

пытывая острую нужду во времени, я сбилась с пути и довольно быстро получила проигранную позицию.

Не сомневаюсь, что в этот момент многие зрители уже мысленно прикинули: $5\frac{1}{2} : 4\frac{1}{2}$! Эта интонация — «если бы Нана выиграла девятую...» прозвучала и в некоторых комментариях. Но почему же при этом упускалось из виду, что после двадцати ходов совершенно выигранная позиция была у меня? — вот вопрос, на который я никогда не получу ответа.

Но возвращаюсь к доигрыванию. В сравнительно простом положении, когда я уже начинала подумывать о капитуляции, Нана допускает ужасную ошибку. Она отдает фигуру, чтобы провести пешку в ферзи, не замечая, что я могу сделать конем элементарную «вилку»: объявить шах и одновременно напасть на ферзя. Теперь уже ничего не может спасти черных, и спустя несколько ходов Нана протягивает мне чуть заметно дрожащую руку...

О, как же жесток иногда бывает его величество матч! Врагу своему не пожелаю тех страданий, какие причинило Нане это доигрывание. Говорят, в этот вечер она ушла из Дворца шахмат последней...

Наверное, многие хорошо понимали, что матч на этом практически закончен: после такой катастрофы переломить ход единоборства Нана уже не могла. В двух следующих партиях я играла легко, свободно, уверенно, причем в двенадцатой, оказавшейся последней, реабилитировала все-таки скандинавскую, применив тот же вариант с жертвой пешки, только несколько в улучшенном виде...

«Игру обеих соперниц, — писал Филип, — отличает не только всесторонняя теоретическая подготовленность, но и неуклонное стремление к инициативе, страстная жажда победы, полнейшее «неуважение» к бледным ничьим. В этом «слабый пол» показывает пример подражания нам, мужчинам».

Да, чего-чего, а бледных ничьих в матче действительно не было. Борьба была жаркой, драматичной, эмоциональной, суровой. И если бы в момент кульминации поединка не сказалась чрезмерная впечатлительность Наны, я бы к четырем перечисленным эпитетам добавила бы — и упорной.

Сумеет ли Нана вновь стать моей соперницей? Прежде всего это будет зависеть от ее духовного мира. Теперь ей надо показать силу своей личности. Если матч не смял ее, не вызвал чувство тоски, разочарования, а, напротив, обогатил новым, не изведанным прежде опытом, Нана, по-моему, имеет большие шансы опять попытать счастья.

А что ощущала я сама, пройдя пятый раз труднейший искус? Прежде всего усталость. Я не хотела глядеть на шахматные фигуры, не хотела ни говорить, ни думать о шахматах. И когда журналисты спрашивали меня о планах, я поспешно отвечала: «Пока никаких шахматных выступлений!» Но прошло несколько месяцев, и я полетела в Югославию на традиционный мартовский женский турнир...

Все было нормально. Начав «платить долги», я чувствовала себя, как и прежде, смелой, азартной, порывистой. Да, стиль мой стал универсальнее, рациональнее, но, как и в юности, я любила больше всего инициативу, атаку, риск! Говорят, что женщине столько лет, на сколько она выглядит. Шахматистка же до тех пор молода, пока не начинает избегать риска.

ПРЕДПОЧИТАЮ РИСК

Наверное, не у одного чемпиона мира, и не только по шахматам, в один прекрасный день появлялась мысль — а не подать ли заявление об «уходе по собственному желанию»? Уйти непобежденным — это ведь так красиво!

Известно, что в свое время Эммануил Ласкер, самый долголетний чемпион в истории шахмат, мудрец и философ, собирался сделать такой шаг и даже объявил о том, что уступает свое место Капабланке, но все-таки дал уговорить себя сыграть матч и... лишился ореола непобедимости. Михаил Ботвинник перед матчем с Тиграном Петросяном не скрывал своих колебаний по поводу того, стоит ли вступать в изнурительную борьбу, не лучше ли гордо уйти в тень, оставив за собой привилегию занять в истории особое место.

До сих пор, однако, только Роберт Фишер отказался от шахматной короны без борьбы. Этот его жест, однако, можно назвать странным, загадочным, таинственным, но красивым его не назовешь. Нет, не восхитил Фишер своим поступком шахматный мир, а только огорчил, лишив такого увлекательного зрелища, как матч с Анатолием Карповым. Преждевременный, неестественный и, по существу, недобровольный уход обидевшегося Фишера с шахматной сцены — шаг, продиктованный не гордым сознанием выполненного долга — перед современниками, перед собой, перед шах-

матной историей, а какими-то иными мотивами, относящимися к особенностям личности одного из самых выдающихся шахматистов всех времен.

Почему же не удавалось чемпионам добровольно, спокойно, без обид и упреков сойти со ступенек шахматного трона? Думаю, что причина не только в не остывающей с годами жажде побед. Даже очень рациональному человеку, умеющему трезво, самокритично оценить свой спортивный и творческий потенциал, очень трудно разглядеть ту черту, перед которой он должен остановиться. Знай Ботвинник, что Петросян окажется хитрее, терпеливее, искуснее, чем это ему казалось, и матча скорее всего не было бы. Но даже великие чемпионы только люди — Ботвинник не мог знать, он мог лишь предполагать.

Каюсь, мысль уйти непобежденной давно уже точит меня. На время трехлетней паузы она опускается в глубины сознания, но вот очередная претендентка заявляет о своих правах, и я вновь начинаю задумываться над «вечным вопросом».

Между прочим, есть сторонники той точки зрения, что чемпион должен нести свое бремя до конца, что именно в этом состоит его спортивный и человеческий долг. Ибо, борясь с молодыми и менее искушенными до поры до времени соперниками, чемпион помогает им обретать опыт, мужество, мастерство. Ведь и он сам, борясь со своим предшественником, становился сильнее, не так ли?

Все так, но эту свою воспитательную миссию чемпион выполняет успешнее всего именно тогда, когда он еще безоговорочно превосходит своих конкурентов. Когда же чемпион капитулирует, это означает, по моему мнению, что он задолго до этого уже свершил свое дело и просто-напросто опоздал своевременно сдать свои полномочия.

Вопрос этот довольно спорный, и я не хочу никому

навязывать свою точку зрения. Наверное, шахматная история многое бы потеряла, если бы все чемпионы стали вдруг отказываться от своего титула. Но мне кажется, что, если я откажусь когда-нибудь от очередного матча, любители шахмат, надеюсь, не сочтут, что я уклонилась от своих прямых обязанностей. В отличие от некоторых чемпионов-мужчин я была и остаюсь «играющей чемпионкой». И если я сравнительно редко выступала в первенствах страны, то лишь потому, что отдыхала в те периоды от матчей, от олимпиад, от розыгрышей Кубка европейских чемпионок или других ответственных турниров, либо готовилась к ним.

Была и еще одна очень уважительная причина, которая порой вынуждала меня отклонять приглашения на некоторые соревнования. Став чемпионкой мира, я очень быстро убедилась в том, что принадлежу уже не только себе, не только моим родным и близким. Мой шахматный авторитет неожиданно для меня самой оброс новыми чертами, расширившими его роль и влияние.

Играя в турнирах за рубежом, я видела, что там звание чемпионки имеет для публики особенно важное значение. Даже когда рядом со мной играют шахматистки, мало чем уступающие мне в силе, все равно — главное внимание чемпионке.

Конечно, в какой-то степени это справедливо, но как же усиливается ответственность не только за каждую партию, но и за каждое слово! А ведь за рубежом мне приходилось выступать перед разными аудиториями, по телевидению, по радио, общаться с широким кругом любителей шахмат, и всегда и для всех я чемпионка.

Конечно, прежде всего за шахматные заслуги выбирали меня в члены ЦК ВЛКСМ и ЦК комсомола Грузии и вот уже во второй раз избрали депутатом Верховного Совета республики. И никому ведь не известно, что в детские годы я была страшно застенчива и

боялась в обществе взрослых слово сказать. Сейчас мне дают слово на самых высоких форумах, и я стараюсь выступить не хуже других.

В Президиуме Верховного Совета я состою в комиссии, которая ведает вопросами здравоохранения, социального обеспечения и физической культуры и спорта. Там мне дают поручения, приходится участвовать в работе различных конференций и т. д. А кроме того, я, как и все депутаты, принимаю еще своих избирателей. Люди верят, что я с моим престижем чемпионки, шахматного гроссмейстера смогу помочь им в решении подчас очень сложных жизненных проблем. И я стараюсь изо всех сил оставаться на должном уровне и в этой роли, дающей мне неоценимое нравственное удовлетворение. Шахматы, оказывается, нельзя отделить от остальной жизни, от общественной деятельности...

Возвращаясь к проблеме добровольного отказа от чемпионского титула, хочу сказать, что это может произойти только в том случае, если я почувствую, что по причине чисто физического состояния не смогу не только победить, но и показать присущую моему стилю острую, инициативную игру. Мне показалось странным объяснение знаменитейшей горнолыжницы Аннемари Мозер-Прёлль того, почему она не стала выступать на XII зимней Олимпиаде в Инсбруке: «Я так часто выигрывала, что устала от побед...»

Я лично от побед никогда не уставала и, надеюсь, не буду уставать. Уставала я от борьбы, от длительного нервного перенапряжения, но и то ненадолго.

Думаю, что я заслужила право на выбор — играть или уйти еще и потому, что никогда не изменяла себе, своему бескомпромиссному стилю.

У него есть много последовательниц — в моей родной Грузии, в Советском Союзе, в других странах. Одаренных молодых шахматисток сейчас так много, что можно, наверное, употребить модное слово «взрыв».

Особенно нагляден женский шахматный взрыв в Тбилиси, где талантливые девочки-шахматистки растут как грибы после дождя. И многие эти «грибы» уже сейчас не очень «съедобны». Большая заслуга в этом принадлежит целой плеяде тренеров и крайне благотворному шахматному климату, который давно присущ столице республики.

Моему стилю всегда был и, надеюсь, будет свойствен риск. Шахматы — это спорт, борьба, а в борьбе выигрывать без риска и трудно, и, главное, скучно.

Правда, нынешний чемпион мира среди мужчин Анатолий Карпов провозгласил игру без риска своим творческим кредо. Зачем рисковать, если можно выигрывать без риска, — вот примерно к чему сводится его точка зрения.

Что ж, Карпов вправе так рассуждать, ибо он доказал свою теорию самым убедительным способом — практикой. Отдавая дань уважения таланту и высочайшему мастерству двенадцатого чемпиона мира, я все же остаюсь, как говорится, при своем мнении — предпочитаю риск...

Иногда, когда вдруг сплетаются в тугой узел мои шахматные обязанности, общественные занятия, работа на кафедре методики факультета языка и литературы института иностранных языков, мои приятные, но очень хлопотные обязанности жены, матери, хозяйки дома, мне вдруг начинает казаться, что и впрямь пора, наверное, отдать бразды правления молодым и изредка играть просто так, для удовольствия. Но депрессия рано или поздно проходит, и я с радостью ощущаю прилив новых сил.

Ну а если и мне не удастся разглядеть «мою» черту, мой роковой предел, и уже не по своей воле покину я шахматный трон, что тогда? Трагедии не произойдет! Просто это будет означать, что я пройду по тому же тернистому пути, по которому шли мои предшественни-

цы и по которому, не погибни она в сравнительно молодом возрасте, пошла бы, наверное, и незабвенная Вера Менчик. Ибо шахматные чемпионки и даже чемпионы, повторяю, — это тоже всего лишь люди с присущей им способностью не только к духовным, творческим, спортивным взлетам, но и к ошибкам и заблуждениям.

Вот почему, кстати, если вы, дорогой читатель, найдете меня в этой книге в чем-то чрезмерно субъективной или пристрастной, считайте это не проявлением недоброй воли, а только искренним заблуждением. Ибо главное. к чему я здесь стремилась, — это быть искренней.

СОДЕРЖАНИЕ

Не для слабых духом 3
Партия жизни 13
Правила игры 28
Романтика. Здравый смысл. Эрудиция 46
Хорошо быть «темной лошадкой»! 70
Низкий поклон ветеранам 81
Его величество матч 99
Трудный характер олимпиад 118
Многолетний спор 134
Борюсь за равноправие 144
Отдаю долги 163
Предпочитаю риск 185

Гаприндашвили Н. Т.

Г19 Предпочитаю риск. Лит. запись В. Васильева. М., «Молодая гвардия», 1977.

192 с. с ил. (Спорт и личность. Кн. 32-я).

В то время как у шахматистов чемпионы приходят и уходят, у шахматисток бессменно стоит на капитанском мостике Нона Гаприндашвили. Пятикратная чемпионка мира, первая в истории шахмат женщина-гроссмейстер, шахматистка острого мужественного стиля. О себе, о своих предшественницах и соперницах, о своих учителях и тренерах, но прежде всего о шахматах, о шахматном искусстве, шахматной борьбе во всех ее измерениях — спортивном, интеллектуальном, психологическом, нравственном, эстетическом — и рассказывает Гаприндашвили в своей книге.

7А9.1

Г $\frac{70302-103}{078(02)-77}$ 126—77

ИБ № 633

Нона Терентьевна Гаприндашвили

ПРЕДПОЧИТАЮ РИСК

Редактор **М. Лаврик**
Художник **В. Кухарук**
Художественный редактор **К. Фадин**
Технический редактор **Н. Баранова**
Корректоры: **В. Назарова, Г. Василёва**

Сдано в набор 7/IX 1976 г. Подписано к печати 29/III 1977 г. А06384. Формат 70×108$^{1}/_{32}$. Бумага № 2. Печ. л. 6 (усл. 8,4) + 8 вкл. Уч.-изд. л. 9,2. Тираж 100 000 экз. Цена 57 коп. Т. П. 1977 г. № 126. Заказ 1527.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

57 коп.

Серия
«СПОРТ И ЛИЧНОСТЬ»
Книга 32-я

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

НОНА ГАПРИНДАШВИЛИ

чемпионка мира по шахматам,

международный гроссмейстер,

заслуженный мастер спорта СССР,

член ЦК ЛКСМ Грузии,

депутат Верховного Совета Грузии,

кавалер ордена Ленина и знака ЦК ВЛКСМ «Спортивная доблесть»,

лауреат премии ЦК ЛКСМ Грузии.